

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Юридический факультет
Студенческая философская библиотека
Философия в лицах

**АНТИЧНЫЕ ФИЛОСОФЫ:
ЖИЗНЬ И ИДЕИ**

Учебное пособие

Новосибирск 2011

УДК 1(075)
ББК 88.3(0)32, я73
А 723

Составители: В.А. Иванов, ЗабГГПУ (гл. 2); З.Я. Иванова, ЗабГГПУ (гл. 12); Е.Е. Ковалёнок, ЗабГГПУ (гл. 1); В.В. Куликов (гл. 5, 6, 7, 8, 10, словари, подбор текстов); М.Б. Лига, ЗабГГПУ (гл. 4); В.В. Попов, ЗабГГПУ (гл. 3); Э.А. Уланова, ЗабГГПУ (гл. 11, введение, словари); С.И. Черных (гл. 9, 13).

Под общей редакцией к. филос. н. С.И. Черных,
к. филос. н. В.В. Куликова

Рецензенты: д. филос. н., проф. Н.В. Наливайко;
д. филос. н., проф. В.И. Паршиков

Античные философы: жизнь и идеи: учеб. пособие / Новосиб. гос. аграр. ун-т; – сост.: В.А. Иванов, З.Я. Иванова, Е.Е. Ковалёнок, В.В. Куликов, М.Б. Лига, В.В. Попов, Э.А. Уланова, С.И. Черных. – Новосибирск, 2011. – 276 с.

В книге в популярной форме рассказывается о наиболее известных философах Древней Греции, об их жизни и идеях. Приведены фрагменты из произведений греческих мыслителей, которые дают достаточно полное представление о содержании их учений.

Книга предназначена для студентов всех направлений подготовки, преподавателей, а также для всех, интересующихся философией и её историей.

Утверждено и рекомендовано к изданию методическим советом юридического факультета (протокол № 5 от 19 мая 2011 г.)

© Новосибирский государственный
аграрный университет, 2011

ВВЕДЕНИЕ

Как бы ни изменялся предмет философии на протяжении более чем двухтысячелетнего периода ее существования, верным остается её определение немецким философом первой трети XIX века Гегелем как «эпохи, схваченной в мыслях». Задаваясь философскими вопросами, мыслители отражают в своем творчестве не только проблемы, которыми жило и мучилось их время, они выражают характер мышления, способ видения мира и человека, своеобразие духовной насыщенности культуры, ориентированной на определённые системы ценностей.

Философские споры, диспуты современников и диалоги, которые велись и ведутся через века, обнажают точки духовного напряжения эпохи. Философ за внешними проявлениями стремится и способен увидеть сущность и глубинный смысл, скрытый от нефилософа нагромождением вещей и событий. Конечно, ни такой всеобъемлющий мыслитель Древней Греции, как Аристотель, ни столь же универсальный мыслитель Нового времени Гегель, ни какой-либо другой философ не могут отразить свою эпоху целиком, полностью, во всём многообразии её духовного бытия. Однако дух эпохи живет в каждом философе. Вот почему чтение книг о жизни и творчестве философов, вместе с чтением их работ в их исторической последовательности, – увлекательное занятие. Оно позволяет увидеть непрерывность в развитии духовной культуры со всеми её подъёмами и спадами, ощутить все моменты взлёта человеческого духа – гаранта и носителя человеческого в человеке, понять многозначность и многогранность каждой эпохи, ускользающих от большинства и современников, и их потомков.

Кафедра философии Новосибирского государственного аграрного университета приступила к созданию серии

книг для чтения «Философия в лицах». В них в популярной форме будет рассказываться о наиболее известных философах, живших и творивших в период от зарождения европейской философии до наших дней, включая русских мыслителей серебряного века.

Книги предназначены для студентов, преподавателей, для всех, кто интересуется философией и её историей.

Первый выпуск подготовлен в содружестве с кафедрой философии Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Он включает в себя изложение жизни и творчества античных философов классического и эллинистического периодов, когда появились идеи, которые легли в основу всех позднейших европейских мировоззрений. Мыслители последующих эпох видоизменяли их, углубляли, наполняли новым содержанием в соответствии с духом своего времени и развитием науки, сохраняя преемственность, бережно относясь к духовному наследию.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1. ФИЛОСОФЫ ИЗ МИЛЕТА

Начала европейской философии уходят своими корнями в VI век до н. э. в г. Милет, расположенный на Восточном побережье Малой Азии, где жили ионийцы – одна из основных групп древнегреческих племён. В VI–IV вв. до н. э. именно эта область из всех греческих поселений достигла наибольшего социального и экономического развития. Город Милет стал центром первой философской школы, представленной тремя мыслителями – Фалесом, Анаксимандром и Анаксименом.

Характерная особенность Милетской школы состояла в том, что в ней впервые сознательно был поставлен вопрос о первооснове всего сущего. Философы пытались выяснить, откуда всё возникает и во что всё превращается. Они искали начало происхождения и изменения всех вещей. Каждый из них решал этот вопрос по-своему, но общим было то, что основу мира они видели в определённом материальном принципе.

Несмотря на наивность и недостаточную научность философские идеи Милетской школы оказали большое влияние на дальнейшее развитие античной философии, как, впрочем, и всей западной философской мысли.

Необходимо отметить, что античная философская литература сохранилась плохо, все труды философов Милетской школы погибли. От них уцелели фрагменты, лишь благодаря тому, что они приводились в трудах более поздних античных авторов. В этих поздних источниках много противоречий и ошибок. Подобные работы принадлежат, в основном, так называемым доксографам, т. е. описывателям мнений, неспособным на сколько-нибудь серьёзный анализ.

Это затрудняет понимание философских идей исследуемых авторов. Хотя имеются и более надёжные источники наших знаний о древней греческой философии. Это, прежде всего, Платон и Аристотель. В «Метафизике» Аристотеля содержится первый очерк истории античной философии.

Фалес (прибл. 625–547 гг. до н. э.)

Первым из ионических философов и основателем Милетской школы был Фалес. Происходил он из богатой семьи, занимался как науками, так и торговлей, политической деятельностью, много путешествовал.

Согласно преданию, Фалес считался одним из семи мудрецов и ему приписывается ряд высказываний как на мировоззренческие, так и на житейские темы.

Фалес был разносторонним учёным и мыслителем. Его называли первым в античном мире учёным. Он первый философ, «первый астроном», «первый математик», «первый физик» в Ионии.

Поздняя античная традиция единодушна в том, что Фалес все свои первоначальные знания почерпнул в Азии и Африке, т. е. в Вавилонии, Финикии и Египте. Он предсказал солнечное затмение 585 г. до н. э. Ему приписывалось открытие годового движения Солнца на фоне «неподвижных» звёзд, определение времени солнцестояний и равноденствий, понимание того, что Луна светит отражённым солнечным светом и т. д. Он якобы разделил небесную сферу на пять зон, а год – на 365 дней, определив продолжительность месяца в 30 дней. Он считается изобретателем некоторых астрономических приборов.

Значительны его знания и в различных областях геометрии. Он первым начал доказывать геометрические теоремы. Фалес установил ряд равенств: вертикальных углов,

треугольников с равной стороной и равными прилегающими к ней углами, углов при основании равнобедренного треугольника, разделённых диаметром частей круга. Фалес вписал в круг прямоугольный треугольник.

Как физик он пытался понять причину летних разливов Нила, ошибочно нашел её во встречном пассатном ветре, который, по его мнению, затрудняя движение воды Нила, вызывал ее поднятие. Он был гидроинженером, прославившимся своими работами и в этой области.

Разносторонние интересы Фалеса имели определенное влияние на построение его философских представлений о мире.

У Фалеса впервые в истории человеческого мышления ставится проблема начала явлений материальной действительности. Основой всего сущего он считает некое влажное первовещество, или «воду», но не конкретно охарактеризованную, а воду как жидкость вообще, являющуюся не только началом, но и концом всего существующего.

Все постоянно рождается из этого единого источника. Сама Земля держится на воде и окружена со всех сторон Океаном. Земля плавает на воде, вода буквально пребывает подо всем. В «бесконечной» воде содержится и потенция дальнейшего развития. Всё остальное возникает путем «сгущения» или «разрежения». Это не просто вода, она не лишена одушевленности, она «живая», божественная.

По мнению Фалеса, в мире полно богов, однако эти боги – действующие в мире силы. В качестве доказательства их одушевленности Фалес приводит пример с магнитом и янтарём: раз они способны приводить в движение тела, то они имеют душу, которую Фалес считал источником движения и всех изменений.

В этих скудных по содержанию дошедших до нас положениях и заключается основной смысл философского учения Фалеса.

Высоко оценивает способ постановки и решения проблем Фалесом представитель немецкой классической философии Гегель в своей «Истории философии»: «Фалесово положение, что вода есть абсолют, или, как говорили древние, первоначало, представляет собою начало философии, так как в нём достигается сознание, что единое есть сущность, истинное, что лишь оно есть само по себе сущее. Здесь наступает отделение от содержания нашего чувственного восприятия; человек отходит от этого непосредственно сущего. Мы должны стараться забыть о том, что мы привыкли к богатому, конкретному миру мысли».

Анаксимандр (610–546 гг. до н. э.)

Вторым представителем Милетской школы был Анаксимандр. Ученик, последователь и, возможно, товарищ Фалеса. О его жизни мы знаем мало. По сохранившимся источникам можно судить, что, подобно Фалесу, он, прежде всего, изучал природу. Известны его мысли в области астрономии, развивающие взгляды Фалеса.

Анаксимандр утверждал, что вокруг Земли, как центра нашего мира, вращаются три огненных кольца: солнечное, лунное и звёздное. Периферии каждого кольца представляют собой воздушные оболочки, а в центре колец заключается огонь. В оболочках имеются круглые отверстия, через которые он и вырывается. Эти вырывающиеся потоки огня есть видимое нами солнце, наиболее удалённое от земли, луна находится посередине, и ближе всего расположенные к земле звёзды. Соответственно данному представлению, солнечные и лунные затмения Анаксимандр объяснял временной закупоркой этих отверстий.

Анаксимандр развил далее количественный подход Фалеса к изучению небесных колец, попытавшись определить их диаметры, а также установить их взаимный порядок.

В непосредственной связи с астрономическими представлениями Анаксимандра находятся его технические нововведения. Как утверждают источники, Анаксимандр первый в Греции ввёл гномон – инструмент, служащий для определения полудня и солнцестояний, изобрел солнечные часы. Кроме того, он первый создал модель небесной сферы, составил первую карту земли.

Все работы Анаксимандра утрачены. Среди них называют его натурфилософское сочинение «О природе», которое является первым прозаическим сочинением на греческом языке и первым философским произведением.

Анаксимандр как философ создал довольно сложную натурфилософскую систему, в которой то, что было только намечено Фалесом, получило конкретное воплощение. Он сделал шаг вперёд по пути от конкретного к абстрактному, от чувственного к понятийному осмыслению «начала» реального бытия.

Главный вопрос – о начале мира – он решал, исходя из совершенно нового принципа. Анаксимандр утверждал, что первоначалом и основой является беспредельное (апейрон), и не определял его ни как воздух, ни как воду, ни как что-либо иное. Он учил, что части изменяются, целое же остается неизменным.

Если Фалес относил всё материальное разнообразие к воде, то Анаксимандр расширил понятие всего сущего до понятия «архэ», т. е. до первоначала, субстанции, того, что лежит в основании всего сущего. Его апейрон характеризуется как нечто безграничное, неопределенное. Поздний доксограф Симпликий сообщает: «Анаксимандр говорит неопределенно о теле, лежащем в основании, называя его апейроном и не определяя его по виду ни как огонь, ни как воду, ни как воздух. Из беспредельной природы рождаются все небеса и все миры в них».

Очевидно, заметив, что четыре стихии превращаются одна в другую, он не счёл возможным признать какую-либо одну из них лежащей в основе других, но принял – в качестве субстрата – нечто от них отличное. По его учению, возникновение вещей происходит не от качественного изменения стихии (элемента), но вследствие того, что выделяются противоположности по причине вечного движения... Противоположности же суть тёплое и холодное, сухое и влажное и проч. Все древние авторы согласны с тем, что апейрон материален, вещественен, но трудно сказать, что это такое, какова физическая природа апейрона. Существовало несколько ответов на этот вопрос.

Одни философы считали, что апейрон – смесь земли, воды, воздуха и огня. Другие видели в нём нечто среднее между воздухом и огнём или между водой и воздухом. Третьи полагали, что апейрон – нечто, предвосхищающее платоновско-аристотелевскую материю. Четвёртые подчёркивали полную неопределенность апейрона. Дошедшие до нас фрагменты не позволяют ответить однозначно на этот вопрос.

Завершая рассмотрение философии Анаксимандра, отметим следующее. Углубляя и развивая философскую мысль Фалеса, Анаксимандр сформулировал принцип «апейрона» как первоосновы всего сущего, который является более общей, абстрактной постановкой фундаментальной философской проблемы – проблемы бытия. Кроме того, он впервые в универсальной форме сформулировал проблему начала движения, выдвинув принцип объяснения процессов возникновения многообразия вещей из единой первоосновы.

Значение Анаксимандра в философии определяется ещё и тем, что он первым высказал мнение о безграничности материи. Эта идея логически следовала из признания материи абсолютным началом вещей. Абсолют же должен обладать бесконечностью в пространстве и времени, иначе

должно существовать нечто, что ограничивало бы этот абсолют. Но тогда отвергалась бы и абсолютность материи.

Из этой посылки следовала и другая важная идея, подхваченная более поздними философами: бытие вселенной представляет собой преемственный, безграничный ряд миров, следующих один за другим.

Анаксимандр первым в греческой философии поставил вопрос о происхождении животных и человека, который Фалес обозначил лишь абстрактно. Возможно, под влиянием Фалеса Анаксимандр пришел к мысли, что суша образовалась в результате высыхания первичной влаги, окружавшей некогда землю. Первые животные также произошли из влажной субстанции, а из рыб (либо животных, похожих на рыб) произошли люди.

Анаксимен (585–524 гг. до н. э.)

Третьим и последним представителем Милетской школы был ученик и последователь Анаксимандра – Анаксимен.

Анаксимен, как и другие милетские мыслители, был учёным. Но круг его научных интересов был уже, чем у Анаксимандра. Вопросы биологии и математики его, по видимому, не интересовали. Анаксимен – астроном и метеоролог. Он первый из греков установил различие между неподвижными звездами и планетами. Он дал новый, более верный порядок расположения небесных тел, а именно: ближе всех по отношению к Земле расположена Луна, затем – Солнце, далее – планеты и, наконец, неподвижные звезды. Анаксимен поместил Землю в центр мироздания, ввел представление о небесной тверди. Согласно Анаксимену, к небесной тверди прикреплены неподвижные звёзды, вращающиеся вместе с ней.

В метеорологии Анаксимен дал поразительно близкие к истине объяснения природы снега, града, молнии. Он

предложил естественнонаучные объяснения целому ряду других явлений, в частности перемене погоды и ветрам, облакам, дождю, землетрясениям и свечению моря.

В своих философских взглядах Анаксимен придерживался учения Анаксимандра, но внёс в это учение ряд существенных изменений. Он нашел первоначало всего сущего в самой бескачественной из четырех стихий – в воздухе. Анаксимен называет воздух беспредельным, т. е. апейроном. Так, апейрон превратился из субстанции в её свойство: апейрон – свойство воздуха.

Наиболее ёмкое, краткое и точное выражение общего смысла философского учения Анаксимена содержится в свидетельстве Симплиция: «Милетец же Анаксимен... ставший другом Анаксимандра, как и последний, говорит, что существует некое лежащее в основании всего единое начало, но оно не столь неопределённо, как у того, а имеет определённую /природу/. И называет он это /начало/ воздухом...

Движение же Анаксимен считает вечным. Благодаря ему все вещи превращаются /друг в друга/.

А различается /воздух/ по своей плотности или разреженности своей сущности. При разрежении рождается огонь, а при сгущении – ветер, затем туман, вода, земля, камень. А из этого /возникает/ все прочее».

Заключение

Определяя в целом место философов Милетской школы в истории философии, следует подчеркнуть, что их теории, при всей их наивности и упрощенности, представляют большой интерес, ибо здесь зарождается философия как первый опыт умозрительного постижения сущности мира. Здесь впервые отчётливо были поставлены коренные философские проблемы, ставшие основанием для всего последующего развития философской мысли.

ГЛАВА 2. ПИФАГОР

(571–497 гг. до н. э.)

Пифагор – философ, религиозно-нравственный реформатор и математик. Подлинных свидетельств о его жизни, так же как и его работ, до нашего времени не дошло. Однако более поздних и очень подробных жизнеописаний сохранилось достаточно много.

В этих документах Пифагор предстаёт перед нами как личность совершенно легендарная. Мы читаем о том, что он много путешествовал, был в Вавилоне, Египте, Африке, где вбирал в себя древнейшую мудрость, которую потом передавал своим ученикам. Был победителем кулачных боёв на знаменитых олимпиадах и основателем знаменитого Пифагорейского союза. Гегель в своей «Истории философии» отмечает, что позднейшие неопифагорейцы составили многочисленные объёмистые жизнеописания Пифагора и в особенности пространно писали о Пифагорейском союзе. Но нужно остерегаться и не принимать за исторические факты эти часто искажённые свидетельства.

Биография Пифагора дошла до нас сквозь призму представлений первых веков нашей эры, она написана уже почти в библейском стиле. Точно так же, пишет Гегель, обстоит дело и с трудами Пифагора. Его философское учение подверглось такому же искажению, как и история его жизни. Мысли Пифагора, как и большинства других античных философов, дошли до нас в изложениях других авторов.

Штрихи биографии

Местом рождения Пифагора был остров Самос, где философ провёл детство и юность. Биографы свидетельствуют, что Пифагор еще в юности был вынужден покинуть свою родину из-за тирании Поликрата Самосского.

Известный историк античности Диодор Сицилийский в своей «Исторической библиотеке» отмечает, что все древнейшие греческие поэты, законодатели и учёные с большим уважением относились к египетской культуре. Скорее всего, здесь мы имеем дело с фактором времени. Уже тогда египетские пирамиды для греков были столь же древними, как для нас сегодня развалины Акрополя. Предшествующая культура, мудрость веков у древних греков отождествлялась с Египтом. Поэтому для себя, для духовного роста, как мы бы сказали сегодня, греки считали обязательным посещение этой страны. В свое время Египет посетил Фалес из Милета, там были Гомер, Ликург, Солон, а позже – Демокрит и Платон. Это засвидетельствовано в священных египетских книгах, и считается достоверным фактом.

Египетские жрецы владели тайным эзотерическим, знанием. В свой круг они допускали не всяких, а только особых лиц, так называемых посвящённых. Авторы жизнеописаний Пифагора подчёркивают, что своей прилежностью и способностями грек из далёкого Самоса быстро завоевал расположение египетских жрецов и был принят в ряды посвящённых, чтобы приобщиться к египетскому знанию. Возможно, именно этим и объясняется, что в Кротоне среди своих учеников Пифагор сформировал организацию в стиле закрытого ордена. Его участники должны были выдерживать обет молчания, давали клятву не выносить обсуждаемое за пределы союза и т. д. Влияние этого союза распространилось затем не только на Кротон, но и на всю Грецию, включая Сицилию.

В отдельных работах позднего периода утвердилось не совсем точное представление о реакционности пифагорейского союза. Пифагорейцы не были идеологами крупного землевладения. Скорее всего, они были умеренно прогрессивными демократами. Это, в частности, видно из их, пред-

восхитившего христианство, учения о равенстве всех душ перед вечностью.

Когда к власти в Кротоне пришли политические противники пифагорейцев, их союз был распущен, а его участники изгнаны из города. Однако впоследствии ещё в течение нескольких столетий пифагорейская философия сохраняла направленность и даже политическое влияние во многих городах Южной Италии. Пифагорейский союз просуществовал до второго века Новой Эры, когда указом императора Юстиниана были закрыты все греческие философские школы.

Первоначалю мира – число

В исходном философском вопросе древности – вопросе о природе первоначала – Пифагор избрал путь, который позже был положен в основу естественного знания: сущность вещей и явлений таится в числе, числовых отношениях. В этом принципиальное отличие учения Пифагора от учений представителей ионийской школы, стремившихся свести всё существующее к той или иной материальной стихии. Главное внимание при этом было направлено даже не на сами числа, а на их арифметически-геометрическую структуру, которую пифагорейцы соединяли с акустикой или с астрономией, делая в этих областях открытия.

Обычно эти попытки сведения реальности к числу называют числовой мистикой. Но всеми признаётся реальность того факта, что пифагорейцы справились с задачей математического построения различных музыкальных ладов, т. е. нашли их музыкальный строй. «Открытие Пифагора, – отмечал в своих лекциях американский физик Фейнман, – помимо геометрии было первым примером установления числовых связей в природе». Поистине, должно было удивительным для мыслителя античной древности вдруг неожиданно обнаружить, что в природе есть факты, которые описываются простыми числовыми отношениями.

Оказалось, что эти числовые отношения пронизывают всё мироздание. В пропорциональности, математической зависимости пифагорейцы видели гармонию мира. Во времена пифагорейского союза уже было известно учение о четырех стихиях. Четыре космические стихии – огонь, воздух, вода и земля – первоосновы мироздания, были геометризированы Пифагором: атом каждой стихии мыслился в виде определённого правильного многогранника. Эта идея нашла своё развитие в диалоге Платона «Тимей». Здесь не плагиат, в этом скорее заслуга Платона, потому что сегодня всё, что мы знаем о пифагорейском учении, мы знаем именно из платоновских диалогов. Четыре известных в настоящее время правильных многогранника – гексаэдр, икосаэдр, октаэдр и тетраэдр («Платоновы тела») – свойственны атомам земли, воды, воздуха и огня. Не остался в стороне и пятый правильный многогранник – додекаэдр. Для него Платон ввёл пятый элемент, квинтэссенцию, «пятую сущность». Эта пятая сущность – эфир – продержалась в науке до знаменитого опыта Майкельсона (конец девятнадцатого столетия).

Влияние пифагорейцев на развитие науки явно не ограничивается рамками античности. Пророческий пифагорейский тезис о рациональном, в конечном счете, математическом устройстве мироздания, тезис, не нашедший в своё время достаточного научного обоснования, возродился в Средневековье. Идущая от Пифагора идея гармонии мира, математического совершенства Космоса, послужила побудительной силой немецкому ученому Иоганну Кеплеру для открытия его законов движения небесных светил. Озарённый пифагорейской верой в гармонию и красоту мира Кеплер в 1596 году выпускает свою первую книжку «Тайна мироздания», в которой даёт формулу своего открытия.

Орбиты планет находятся в тесной геометрической связи с «элементами мира» – правильными многогранника-

ми. Правда, в дальнейшем сам Кеплер отказался от первоначальной идеи вывести на основе только математических закономерностей свои знаменитые законы движения планет, известные нам сегодня. Нелепым казусом выглядит сегодня и представление Пифагора (и Кеплера) о небесной музыке сфер. Однако гениальное предвидение Пифагора о том, что именно математика откроет человечеству путь к тайнам мироздания, сбылось, хотя ждать этого пришлось более двух тысячелетий. На путях развития целостной науки о Вселенной, построения всеобъемлющих систем научного знания дело не обходится без ошибок в теоретизировании. Поэтому в современной науке зачастую исследователи допускают или обнаруживают ошибки, очень напоминающие те, которые имели место в наивном мирозерцании Пифагора.

Заключение

Немеркнувшей заслугой этого замечательного представителя античной философии является то, что с его именем связано сближение философии с естественными науками. Философия не может и не должна строиться только на исторической или на этической основе. История знает замечательных выдающихся философских мыслителей, которые, вместе с тем, были ведущими математиками или физиками. К их числу можно отнести Декарта, Лейбница. Многие естествоиспытатели сегодня не могут быть нами полностью восприняты и оценены без их философских работ. Это Альберт Эйнштейн, Анри Пуанкаре, Нильс Бор. Но первым, кто положил начало органическому единству философии и математики, был Пифагор.

ГЛАВА 3 . ГЕРАКЛИТ ЭФЕССКИЙ (544/540–480 гг. до н. э.)

Одним из самых глубоких и оригинальных мыслителей античности был Гераклит Эфесский. Он не просто продолжил традиции ранней древнегреческой натурфилософии. Гераклит является, по существу, основоположником диалектики в европейской философии – учения о всеобщем движении и изменении, о единстве и борьбе противоположностей, их тождестве, взаимообусловленности и взаимопереходе. Суть гераклитовских взглядов на движение была сведена впоследствии его истолкователями в знаменитую формулу: все течёт, всё изменяется.

Жизнь

Родиной Гераклита был город Эфес, расположенный на западном побережье Малой Азии. Именно в этом городе находился храм Артемиды, считавшийся одним из чудес света. Согласно легенде, храм в 365 г. до н. э. сжег Герострат, желая снискать себе славу.

Гераклит принадлежал к царскому роду. В период, когда он жил, власть аристократии в античных городах-полисах была свергнута, титул царя-басилевса имел номинальный характер, и всё же с ним были связаны некоторые почётные привилегии. Например, председательство на спортивных играх, право ношения царского жезла и пурпурной одежды. Гераклит отказался от царского сана, уступив его своему брату, и поселился при храме Артемиды Эфесской.

Личность Гераклита производила большое впечатление на современников. Философ был знаменит своей мудростью и высокомерием. Диоген Лаэртский сообщает, что Гераклит «был высокоумен и надменен превыше всякого». Философ откровенно выражал презрение к невежеству

толпы, бескомпромиссно критиковал сограждан за их тягу к богатству и чувственным наслаждениям. Он враждебно относился к демократической власти, считая, что страной должны управлять «лучшие», а не большинство. О славе мудреца, которую имел Гераклит, свидетельствует, например, тот факт, что сограждане обратились к нему с просьбой дать им мудрые законы. Философ отказал эфесцам, сославшись на то, что город находится во власти дурного государственного устройства.

В высокомерии Гераклита проявлялась не только его аристократическая гордость. Слово «лучшие» для него имело нравственный, духовный смысл. К немногим «лучшим», которых он противопоставлял большинству, философ относил не тех, которые выделялись богатством или знатностью происхождения, а тех, кто сделал выбор в пользу духовных ценностей, кто мудрость, совершенствование души предпочёл пресыщению материальными благами. «Самые достойные (люди) всему предпочитают одно: вечную славу – смертным вещам. Большинство же по-скотски пресыщенно» – так определяет Гераклит это различие.

Гераклит был знаменит и за пределами родного города. Например, он ответил отказом на приглашение персидского царя Дария, желавшего приобщиться к мудрости философа. Пренебрёг он и приглашением афинян, хотя пользовался среди них огромной славой.

Сохранились свидетельства об образе жизни Гераклита, казавшемся странным и вызывавшем недоумения и насмешки у сограждан. Уединившись в храме Артемиды, философ предпочитал одиночество, предавался размышлениям, играл с детьми в кости. Гражданам, заставшим его за этой игрой, он ответил: «Чему дивитесь, негодяи? разве не лучше так играть, чем управлять в вашем государстве?» Под конец жизни, возненавидев людей, он удалился в горы, кормясь травами.

Отношение Гераклита к людям характеризовалось не только осуждением и презрением, но и жалостью к их участи. Один из древних авторов, Сенека, писал: «Гераклит ... видел вокруг себя столько дурно живущих, а, верней, дурно погибающих людей, плакал и жалел всех, кто сам себе казался радостным и счастливым». Эти постоянные сетования на современников и сограждан явились причиной появления у Гераклита прозвища «плачущий философ».

Гераклит написал книгу, которая называлась «О природе» (согласно другим свидетельствам – «Музы»). Книга состояла из трёх частей: о природе, о государстве, о боге. В надежде уберечь свой труд от превратностей судьбы Гераклит поместил его в святилище храма Артемиды. Однако для потомков сохранилось лишь около 130 фрагментов, причём подлинность некоторых исследователями оспаривается. Эти фрагменты, вместе с тем, дают возможность охарактеризовать основные черты учения великого философа.

При чтении сохранившихся отрывков привлекает в себе внимание их стиль. Не случайно имя мыслителя постоянно сопровождает эпитет «тёмный». Мысли Гераклита трудны для восприятия. И не только из-за глубины и оригинальности, самобытности содержания, но и вследствие особенностей их выражения. Гераклит использует образы, метафоры, парадоксы, символы, афоризмы. Часто в одном положении он сочетает противоположные понятия. Его высказывания очень сжаты, образны, они обладают высокими художественными, эстетическими достоинствами.

Учение о первоначале

Гераклит – представитель ранней, досократовской философии античности. Большинство философов этого периода пыталось найти ответ на вопрос о сущности мира, его происхождении, первоначале. Постановка вопроса о перво-

начале свидетельствовала о формировании собственно философского мировоззрения (в отличие от мифологического). Мышление пыталось обнаружить единое в многообразном, общее в единичном, абстрагировало это общее, единое от чувственно-конкретного.

Идея первоначала позволяла представить мир единым и упорядоченным целым, т. е. космосом. Причем древние философы первоначально понимали в двух смыслах: во-первых, как исходное состояние вещей, начальную форму в историческом, генетическом смысле; во-вторых, как субстанциональную основу мироздания, основной элемент, ядро всего сущего.

Гераклит основой всего, первоначалом считал огонь. Всё состоит из огня и в огонь разлагается. Огонь – первоэлемент, и все вещи возникают из него путем разрежения и сгущения. В одном из фрагментов субстанциональность огня Гераклит выражает путём сравнения его с золотом, к которому приравниваются все вещи: «Все обменивается на огонь, и огонь – на всё, подобно тому как золото обменивается на товары, а товары – на золото».

Огонь Гераклита – это не только и не столько конкретное вещество. Он выступает символом изменений, т. к. является наиболее подвижной стихией. В процессе изменений огонь превращается в другие элементы: «Огонь живет смертью земли, воздух живет смертью огня, вода живет смертью воздуха, а земля – смертью воды».

Образ-понятие огня имеет у Гераклита и космогонический смысл. Мироздание, природа представляет собой вечный процесс угасания и возгорания огня. Гераклит был убеждён в том, что «этот космос, тот же самый для всех, не создал никто ни из богов и ни из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами разгорающимся и мерами погасающим».

В этом необыкновенно красивом по стилю и информационно ёмком по содержанию высказывании утверждается единство мира, его вечность и несотворимость; определяется огонь в качестве первоначала, основы мира, формулируется мысль о строгой ритмичности, закономерности мирового процесса. Космос рождается из огня и снова сгорает дотла через определённые периоды времени, и происходит это согласно судьбе. Данное положение будет развито Гераклитом в учении о логосе.

Огонь у Гераклита имеет и нравственное значение, характеризуется как воздающая сила, как причина управления Вселенной, наделяется сознанием. Гераклит учит и о суде над миром, и о том, что всё в нём будет схвачено огнем: «Грядущий огонь всё обоймёт и всех рассудит».

Космический огонь, по Гераклиту, является «вечно живым» не только как начало активности, но и потому, что обладает психической природой. Он является не только материальной основой космоса, но и его «душой».

Учение Гераклита о первоначале трудно однозначно определить с точки зрения классификации основных философских направлений. Неоспоримы материалистические тенденции. Вместе с тем, они переплетаются с мифологическими взглядами, религиозно-пантеистическими идеями. Неслучайны поэтому в истории философии дискуссии о понимании учения Гераклита. Представляет интерес мнение А. С. Богомолова о том, что имеется «достаточно оснований причислять Гераклита к той материалистической тенденции в античной философии, которая выводит всё сущее из единой, самодвижущейся «живой» природы... Мы не решимся еще сказать «материализм», а только – материалистическая тенденция, потому что вплоть до Демокрита и Платона ещё не было чёткой и недвусмысленной постановки, а тем более решения вопроса о соотношении «материи» и «духа» (идеи).

К тому же во всякой философии, находящейся в процессе зарождения и первоначального развития, ... необходимо существуют ещё объективные условия для развития её основных понятий, т. е. гибких, многозначных, развивающихся понятий-представлений, в самых различных направлениях» (1, 73 – 74).

Диалектика

Рассматривая мир как целостное единство, Гераклит, вместе с тем, учил, что в мироздании нет ничего неизменного. Космос мерами возгорается и мерами угасает; огонь как первоначало обращается в другие элементы, сгущается и разрежается. Солнце не только новое ежедневно, но и всегда и непрерывно новое; в общем, движется всё: и божественное, и человеческое. Для Гераклита движение всеобщее. Такое понимание движения связано с его учением о «живом космосе».

Для выражения мысли об изменчивости всего Гераклит использует образ-понятие реки, потока. Ему принадлежат знаменитые изречения: «В ту же реку вступаем и не вступаем», «На входящих в ту же самую реку набегают все новые и новые воды». Образ вечно текущей реки символизирует мир, в котором всё находится в постоянном изменении, все течёт. В процессе движения находится и душа, которая не только следует за вещами, но и, благодаря стремительности своего движения, порой предвосхищает их. Признавая всеобщность движения, Гераклит не отрицал и устойчивости. Становление включает оба противоположных аспекта бытия: и всеобщее течение вещей, и относительный их покой.

Гераклит не только обосновал взгляд на мир как на непрекращающийся поток изменений, но и попытался раскрыть их причину. Важнейшей стороной его философии является учение о единстве и борьбе противоположностей.

Противоположности, согласно его учению, всеобщы, они существуют везде, всё возникает в силу противоположности. Приводя различные примеры, Гераклит показывает, что любой предмет имеет противоположные стороны: «Одно и то же живое и умершее, проснувшееся и спящее, молодое и старое, ибо первое исчезает во втором, а второе – в первом». Гераклит приводит также примеры, в которых один и тот же предмет, рассматриваемый в разных отношениях, имеет противоположные свойства. «Морская вода и чистейшая, и грязнейшая: рыбам она питье и спасение, людям же гибель и отрава». Или: «Прекраснейшая из обезьян безобразна, если её сравнить с родом человеческим».

Противоположности не просто сосуществуют, но составляют единство, взаимодополняют друг друга, являются условием одна другой. Единство противоположностей проявляется в их переходе друг в друга: «Холодное нагревается, горячее охлаждается, влажное сохнет, сухое увлажняется».

Наряду с единством взаимосвязь противоположностей включает в своё содержание и другой вид отношений – их борьбу. Гераклит рассматривает борьбу противоположностей как конструктивное начало. Борьба противоположностей, согласно Гераклиту, всеобща, она является причиной изменений. Он убеждён, что война общепринята, что вражда – обычный порядок вещей, и что всё возникает через вражду: «Борьба – отец всего и всему царь. Одним она определила быть богами, а другим – людьми. А /из тех/ одним – рабами, а другим – свободными».

Взаимосвязь противоположных начал, их единство и борьба лежат в основе гармонии мира, его внутреннего единства. Всё мироздание, т. е. небо и землю, и весь космос в целом, считает Гераклит, упорядочила единая гармония через смешение противоположных начал. Для обозначения гармонии он использует образы лука и лиры: «Не понима-

ют, как расходящееся с самим собой приходит в согласие, самовосстанавливающуюся гармонию лука и лиры».

Этот образ делает наглядной идею раздвоения единого и взаимодействия его противоположных частей. Именно соединение двух начал, одновременно отрицающих и предполагающих друг друга, создаёт то динамическое напряжение, которое необходимо для движения, для полёта стрелы и звучания музыки.

Таким образом, в диалектическом учении Гераклита можно выделить три фундаментальные идеи: о всеобщности движения; о единстве и борьбе противоположностей; о единстве, гармонии мироздания.

Учение о логосе

Движение Гераклит понимал как упорядоченный, необходимый, объективный процесс. Для обозначения этих свойств движения он использовал термин «логос», который в древнегреческом языке одновременно означал «слово», «речь», «предложение», «высказывание», а также «смысл», «понятие», «суждение», «основание». Гераклит придал этому термину статус философского понятия, употреблял его как один из важнейших смыслообразов. Для него логос – это «слово», «речь» самой вечной природы, это всеобщая закономерность, которой подчиняются в своем движении все предметы и явления.

В высказываниях Гераклита отмечаются различные аспекты логоса. Логос существует вечно, всецело, он – единое для всех вещей, всегда сущее. Логос – общее в вещах. Он пронизывает субстанцию вселенной. Логос – объективный принцип, определяющий единство всего: «Признак мудрости – согласиться, не мне, но логосу внемля, что всё едино». Логос определяет порядок, меру происходящего, является судьбой. Он и творческое начало бытия, действу-

ет через единство и борьбу противоположностей. Согласно логосу происходит всё происходящее, он управляет всеми вещами.

Понятие «логос» имеет и гносеологические аспекты. Благодаря причастности к логосу люди становятся разумными. Логос является критерием истины. Гераклит отмечает, что хотя с логосом, управляющим всеми вещами, люди постоянно соприкасаются, но с чем они в самом непрерывном общении, с тем они в разладе. Большинство людей не понимает логос. Вместе с тем, познание логоса является мудростью – высшей формой знания.

У Гераклита есть высказывания не только о всеобщем мировом логосе, но также и о субъективном логосе людей. Субъективный логос – это разумная, огненная часть души. У мудрых субъективный логос находится в согласии с объективным логосом. Мудрость же состоит в том, считает Гераклит, чтобы «говорить правду и действовать в согласии с природой, ей внимая». Таким образом, учение о логосе тесно связано с учением о познании.

В учении о логосе отчётливо представлено движение познающей мысли от мифологической картины мира к философскому его осмыслению. Наблюдаемые в мире порядок, закономерность, борьба, гармония перестали олицетворяться в антропоморфных мифологических образах, а стали рассматриваться в формах абстрактного мышления как атрибутивные свойства вечного единого первоначала. Гераклит впервые в европейской философской мысли поставил проблему объективной необходимости, всеобщей закономерности, лежащей в основе миропорядка и движения и составляющей сущность познания. Учение о логосе было воспринято стоиками и затем, трансформировавшись в соответствии с религиозными воззрениями, христианской философией.

Учение о душе и познании

Гераклит определяет душу искоркой звездной субстанции, называя её огненной, полагая, что душа из огня. Непосредственно же душа рождается из влаги, одной из модификаций огня. Она является своего рода испарением. Являясь огненной по природе и рождаясь из влаги, душа сочетает в себе два начала: влажное и огненное, представляет собой единство противоположностей.

Влажному началу соответствует чувственность. Стремление к чувственным удовольствиям усиливает влажное начало души. Огненное начало – это логос души. Он делает душу причастной к мировому логосу. Безграничность последнего обуславливает и безграничность души. Гераклит считает, что границ души не отыскать, по какому бы пути не идти: столь глубока её мера, т. е. логос. Благодаря причастности к мировому логосу человек становится разумным. Таким образом, качества души, её способность к познанию, разумность, определяются соотношением в ней влажного и огненного начал, а потому сухая душа – мудрейшая и наилучшая.

Согласно некоторым комментариям, Гераклит наделял душой и космос, полагая, что душа космоса – испарение находящейся в нём влаги.

Философ размышлял о местонахождении души. Согласно одним свидетельствам, душа, по Гераклиту, имеет местопребывание и жилище в сердце, откуда она распространяет свои силы по всем членам тела, оживляя их. Согласно другим комментариям, душа, по его учению, разлита по всему телу, везде одна и та же, выглядывает через поры органов чувств.

Некоторые фрагменты передают суждения Гераклита о судьбе души. Его воззрения по этому вопросу отличались от общепринятых обыденных и мифологических представ-

лений. Он говорит, что людей ожидает после смерти то, чего они не чают и не воображают. Высказываний философа на эту тему немного, и они загадочны, что приводит к трудности реконструкции его взглядов.

Некоторые из фрагментов дают основание предположить, что Гераклит разделял идею о посмертном существовании души. Человек сам своим поведением и образом жизни в посюстороннем мире предопределяет судьбу своей души в потустороннем мире. Человек, предающийся чувственным наслаждениям, ведущий неразумный, «мокрый» образ жизни, не может рассчитывать на посмертное сохранение индивидуальности своей души. Напротив, мудрые люди, оберегшие души от увлажнения и загрязнения, предопределяют индивидуальное бессмертие души.

Гераклит высказал глубокие идеи, относящиеся к проблемам познания: о соотношении чувственного и рационального уровней познания, о различии явления и сущности, о различии многознания и мудрости, о сущности истинного знания, о критерии истины и другие.

Он исходил из того, что человек обладает двумя орудиями познания: ощущением и разумом. У него есть прямые высказывания, где отмечается важность чувственного познания. Вместе с тем, качество познания зависит от качества души, а потому Гераклит убежден, что глаза и уши – дурные свидетели для людей, если души у них «варварские».

В.Ф. Асмус, выдающийся исследователь античной философии, отмечает, что, согласно этому высказыванию, «внешние чувства не дают истинного знания только тем людям, у которых грубые души. Стало быть, дело не в самих внешних чувствах, а в том, каковы люди, обладающие этими чувствами. У кого души не грубые, у того и внешние чувства способны давать истинное знание» (2, 41).

Чувства не могут дать полного, окончательного знания о природе вещей. Гераклит говорит, что природа любит

скрываться. Видимость, поверхность вещей может обмануть, ввести в заблуждение. Поэтому показания органов чувств должны быть осмыслены разумом, огненной частью души, способной познать скрытую для чувств суть вещей. О различии внешней стороны вещей и их сущности говорит мысль Гераклита о том, что скрытая гармония сильнее явной.

Процесс познания – сложный, трудный путь искания истины. Ищущие золота много земли перекапывают, а находят мало – так образно говорит об этом Гераклит. Препятствиями на этом пути являются не только объективно присущее природе различие между видимостью и сутью, но и субъективные свойства человека: склонность к чувственным наслаждениям, следование общепринятым мнениям большинства, мифы. Одним из важнейших препятствий является и многознание, создающее иллюзию знания истины, но не тождественное ему.

Многознание уму не научает – считает Гераклит. Многознание – это собрание сведений, информированность, эрудиция, то есть обширные знания отдельных фактов. Следует отметить, что Гераклит подчеркивал важность овладения большим запасом знаний. Но, вместе с тем, сумма многих знаний не есть мудрость. Мудрость – это более высокий уровень знания, и означает постижение логоса, единства многообразного мира, скрытой гармонии противоположностей, общего в вещах. На современном философском языке различие между мудростью (истинным знанием) и многознанием можно было бы определить как различие между диалектическим мышлением, рассматривающим мир в развитии и взаимосвязи, и метафизическим мышлением, рассматривающим мир фрагментарно, а вещи – изолированными друг от друга.

Поскольку логос присутствует во всём, то с объективной стороны люди равны по познавательным возмож-

ностям. Фактически же большинство не понимает его, не способны преодолеть трудности познания. Сравнивая знающих логос с бодрствующими, а не познавших его со спящими, Гераклит отмечает, что для бодрствующих существует один общий мир, а из спящих каждый отворачивается в свой собственный.

Размышления о человеке и обществе

Гераклит жил в напряженный и критический период истории Древней Греции. Происходили коренные социальные и политические изменения. Борьба демоса привела к падению власти родовой аристократии. Шло становление новой политической организации общества. Переходной к полисной демократии был режим личной власти – тирания. Эти изменения сопровождались гражданскими распрями и смутами.

Во второй половине VI века до н. э. ионийские греческие города были покорены персами. Иноземный гнёт вызывал сопротивление греческих полисов. Крупнейшее освободительное восстание вспыхнуло на рубеже VI–V вв. до н. э. Оно было жестоко подавлено. Лишь в 478 году до н. э. малоазийские города освободились от персидского ига.

Драматические события греческой истории, социальные и политические сдвиги побуждали к размышлению не только об окружающем человека мире природы, но и смысле человеческой жизни, о должном и недолжном поведении, об обществе. Это стимулировалось также развитием ремесла, торговли, зарождением научных знаний, древнегреческим искусством.

Гераклит был первым философом античности, тексты которого по этим проблемам дошли до нашего времени. Вместе с тем, его взгляды на человека и общество еще не вычленились в относительно самостоятельные разделы

философского знания, как у мыслителей более позднего периода. Они составляют еще неразрывное целое с его натурфилософией и гносеологией. Для Гераклита логос – это мировой закон, не только определяющий строй космоса, его гармонию и изменения, но и являющийся высшим принципом долженствования. Должно следовать общему – таков вывод из учения о логосе применительно к человеческому поведению. Это вовсе не означает требования приспособляться к мнениям большинства. Напротив, большинство не способно постичь логос. Гераклит осуждает следование за большинством, за толпой в очень резких выражениях: «Что у них за ум, что за разум? Они верят народным певцам и считают своим учителем толпу, не зная, что большинство плохо, а меньшинство хорошо».

Отклонение от общего закона в сфере поведения реализуется в своекорыстном стремлении удовлетворить частные интересы, в своеволии. Своеволие, считает Гераклит, надо гасить пуще пожара. Согласно учению о душе, причиной отхода от логоса является преобладание влажной части души в ущерб огненной. Это проявляется в стремлении к чувственным наслаждениям, плотским утехам, к роскоши, богатству: «Если бы счастьем было услаждение тела, счастливыми назвали бы мы быков, когда они находят горох для еды». В стремлении к богатству он видит причину порока. Известно негодующее пожелание Гераклита землякам: «Да не иссякнет у вас богатство, эфесцы, чтобы вы изоблились в своей порочности».

Стремление к чувственным удовольствиям не ведёт к счастью, а уводит от него. Не к добру людям исполнение их желаний, считает Гераклит. Он с печалью и пессимизмом взирает на прозябание большинства: «Рождённые жить, они обречены на смерть, да еще оставляют детей, чтобы родилась новая смерть».

Этому чувственному существованию Гераклит противопоставляет жизнь мудреца. Мудрость состоит в том, чтобы говорить истину, действовать согласно природе. Это – качество немногих, лучших. Поэтому Гераклит говорит: «Один для меня равен десяти тысячам, если он наилучший». Способность понимать взаимосвязи сущего, единство различного в самом себе мира, видеть скрытую гармонию и жить в согласии с нею обладают высшей моральной ценностью, а истина приобретает нравственное содержание. Понимание логоса и следование ему, противостояние мнениям большинства требуют усилий человека, его выбора в шкале ценностей. Очевидно, в этом смысл изречения Гераклита: «Личность – божество человека».

Гераклит не просто критиковал сограждан. Он пытался возвысить их дух до сознания подлинных ценностей и общих интересов. Он призывал к уважению законов государства, к служению его благу. Народ, утверждал он, должен сражаться за попираемый закон, как за стену города. Он учил, что человеческие законы зависят от одного божественного, который простирает свою власть так далеко, как только пожелает, и всё превосходит. Власть в государстве должна воплощать не своеволие, а этот общий закон. Поэтому править должно не большинство, а «лучшие», идущие путём мудрости. Гераклит очень чётко формулирует мысль, что закон именно в том, чтобы повиноваться воле одного.

Гераклит высоко почитает героев, служащих благу государства. О павших в бою он говорит, что убитых Аресом чтут боги и люди, чем доблестнее смерть, тем лучше удел выпадает на долю умерших.

Заключение

Истолкование философии Гераклита – одного из великих мудрецов древности – предмет специальных историко-

философских исследований. Для нас же несомненно одно: учение Гераклита – один из этапов становления диалектического мышления, один из моментов взлета человеческого духа на пути познания истины.

Примечания

1. Богомолов А.С. Диалектический логос: становление античной диалектики. М., 1982.
2. Асмус В.Ф. Античная философия. М., 1976.

ГЛАВА 4. ДЕМОКРИТ

(460 – ок. 371 гг. до н. э.)

Во второй половине V века до н. э. видным научным центром, наряду с уже известными крупными очагами развития науки и философии в Греции, становится богатый торговый город Абдеры. Здесь жили и творили софист Протагор, греческий натуралист и врач Гиппократ, главный представитель античной атомистики, ученый-энциклопедист Демокрит.

Демокрит был многосторонним ученым и плодовитым автором. Им было создано около 70 работ по философии, логике, математике, космологии, физике, биологии, общественной жизни, психологии, этике, педагогике, филологии, искусству, технике и т. д., но до нас ни одного сочинения не дошло. Большинство из них было утеряно еще в первых веках н. э. Сохранилось лишь около 300 отдельных фрагментов.

Маркс и Энгельс называли Демокрита эмпирическим естествоиспытателем и первым энциклопедическим умом среди греков. Они подчеркивали, что Демокрита отличала ненасытная жажда знаний, стремление ко все большему умножению теоретических сведений, универсальная широта исследовательских интересов.

Жизнь

Демокрит родился в 460 году до н. э. в г. Абдеры. Некоторые исследователи отдают предпочтение даже 470 году до н. э., опираясь на сообщение Фрасила, издателя работ Демокрита. Но последняя дата подогнана к ошибочной точке зрения Аристотеля, рассматривающего Демокрита как предшественника Сократа. Большинство же историков считает годом рождения ученого 460-й, что даёт основание считать Демокрита ровесником афинского философа Сократа.

Известно также, что Демокрит посетил Афины, где слушал Сократа, но не открыл ему своего имени и не согласился

с его учением. Дожил Демокрит до глубокой старости и умер во второй четверти IV века до н. э. Год его смерти неизвестен. Есть предание, согласно которому он дожил до ста лет.

В юности учителями Демокрита были персидские жрецы-маги и вавилонские халдеи. Они были оставлены персидским царем Ксерксом в награду за гостеприимство в богатых семьях, в том числе и у отца Демокрита – Дамасипла. Согласно легенде, именно персидский царь предсказал Демокриту большое будущее.

Как и большинство материалистов Древней Греции, Демокрит много путешествовал. Он побывал в Египте, Индии, Вавилоне, Персии. Ему приписывают интересные слова, что он за свою довольно долгую и нелегкую жизнь объездил больше земли, чем кто-либо из современных ему людей, подробнейшим образом её исследуя, и что он видел больше, чем все другие, мужей и земель и беседовал с наибольшим числом учёных людей.

Представитель знаменитого рода, Демокрит истратил всё своё громадное состояние на научные поездки и по возвращении из странствий жил в бедности. В то время в Греции существовал закон, который запрещал хоронить на родине людей, растративших отцовское наследство. Демокрит, чтобы избежать этого, прочитал народу одно из своих произведений «Большой мирострой» (написано в 420 г.), содержащее учение о строении мира. Был награжден 500 талантами (денежная единица в Древней Греции), в честь него воздвигли медные статуи.

Демокрит всегда принимал активное участие в делах города, был энергичен и деятелен. Философ был избран даже архонтом. Он хорошо справился с государственными обязанностями, за что получил прозвище «Патриот» и был награждён серебряной монетой с гербом полиса и надписью «При Демокрите». Его называли «смеющимся философом», подчеркивая оптимизм Демокрита, его веру в добро, счастье.

Учение об атомах

Демокрит, вместе со своим предшественником и учителем Левкиппом, разработал атомистическую теорию строения материи, которая, будучи лишь гениальной догадкой, просуществовала вплоть до XX века.

О жизни и деятельности Левкиппа известно очень мало, все сведения о нём носят предположительный характер. Это дало основание некоторым исследователям подвергнуть сомнению существование Левкиппа, посчитав, что это псевдоним Демокрита. Большинство же исследователей античности – Г. Дильс, Э. Целлер, Т. Гомперц, А. Маковельский – выступило с обоснованием реального существования Левкиппа. Эта точка зрения хорошо согласуется со свидетельствами Аристотеля, Симплиция, Аэция и других античных авторов.

Левкипп был учеником Зенона из Элеи – философа, прославившегося тем, что он подвергал сомнению существование множества вещей и возможность движения. Логические методы Зенона помогали атомистам более глубоко анализировать явления действительности, искать в каждом из них противоречия.

Атомистическая концепция материи явилась результатом усвоения трёх учений: ионийской физики, пифагорейства (атомы – преобразованные формы единиц), элейского учения (дефиниция атома напоминает определение бытия, данное Парменидом).

Теория атомизма возникла у Демокрита на основании наблюдений и некоторых аналогий. Предметом этих наблюдений были общеизвестные факты. Во-первых, способность некоторых твёрдых тел сжиматься. Если тела могут сокращаться в своем объёме, значит они состоят из частиц, между которыми имеется пустое пространство, иначе как могли бы они уменьшиться в объёме. Во-вторых, морской песок изда-

ли кажется сплошной массой вещества, но вблизи он распадается на множество песчинок. Отсюда естественна мысль, что, может быть, и сами песчинки, и вода также состоят из частиц, только более мелких. Согласно атомистическому учению, основой мира являются мельчайшие частицы – атомы. Греческое слово «атомос» означает «неделимый», «неразрезаемый» на части.

Аристотель, излагая в «Метафизике» взгляды Демокрита, пишет, что атом характеризуется протяжённостью, поэтому он занимает определённое место в пространстве. Атому присуща полнота, в нём самом нет пустоты, он твёрд, поэтому неделим. Непроницаемость, однородность, простота, бесконечность, определённая форма, неизменность, вечность, неуничтожимость – следующие необходимые свойства атома. Атомы различаются лишь количественно – формой («строением»: шаровидные, пирамидальные, крючковатые), порядком («соприкосновением») и положением («поворотом»). Все вещи складываются из атомов, как трагедия или комедия – из букв алфавита.

Соединением и распадением вечно движущихся атомов Демокрит объяснял возникновение и гибель вещей. В свою очередь, чтобы объяснить множественность вещей, их возникновение и исчезновение, Демокрит был вынужден допустить существование пустого пространства, пустоты.

Признание реальности небытия – пустоты – является необходимым условием для решения вопроса о движении атомов. Движение, по Демокриту, носит механический характер. Атомы в пустом пространстве движутся во всех направлениях, «трясутся», сталкиваются, сцепляются, сплетаются. Демокрит, отмечает Аристотель, признаёт следующие виды движения: беспредельное во всех направлениях, вращательное, или вихревое, прямолинейное.

Аристотель считает трактовку движения атомистами недостаточно глубокой и основательной. Они утверждают,

подчеркивает он, что движение существует всегда, но «откуда оно и как оно присуще существующим вещам, и они подобно прочим легкомысленно оставили без внимания». Ведь ничто не движется как придётся, а всегда должно быть какое-нибудь основание. Таким образом, с точки зрения Аристотеля, атомисты не ставят вопроса о том, какова причина движения как такового, в чём заключается его сущность и каким образом оно возникло у единичных вещей.

Детерминизм

Характерной чертой демокритовского материализма является детерминизм – признание причинной обусловленности, закономерности явлений природы. Согласно учению Демокрита, всё в мире, вплоть до мельчайших природных событий и человеческих поступков, предопределяется положением атомов в первоначальном вихре. Эта концепция носит фаталистический характер и была первой попыткой осознания закономерности и детерминированности природных и социальных явлений.

По Демокриту, всё в мире имеет свою собственную причину, нет беспричинных явлений. Везде господствует вечная необходимость. Случайность как таковая не существует. Люди, говорил философ, измыслили идол случая, чтобы пользоваться им как предлогом, прикрывающим их собственную нерассудительность. Необходимость реальна, а случайность нереальна, случайность является не чем иным, как незнанием истинной причины, т. е. недостатком нашего познания.

Вот примеры, приводимые одним из доксографов – Симплицием. Человек копает землю и неожиданно находит клад. Однако находка его не случайна в том смысле, что она не беспричинна. Такой причиной было копание земли или посадка оливкового дерева. Другой пример Симплиций

берёт из ходячих анекдотов. Лысый старик шёл по полю. Вдруг ему на голову сваливается черепаха и разбивает его череп. Происшествие рассматривается в обиходной жизни как пример, доказывающий существование случайности. Но это не так. Случай неожидан только для человека, которого постигло бедствие, но само по себе, объективно, случай этот не выпадает из действующей в природе необходимости и причинности. Черепаха упала не беспричинно, а потому, что её нес в когтях орёл. У орла же есть повадка: он поднимает черепаху в воздух и бросает на камень, чтобы панцирь черепахи раскололся и можно было достать её мясо. Увидев голый череп лысого человека, орёл принял его за камень и бросил на него черепаху.

Демокрит отвергает случайность в смысле беспричинности. В то же время он признаёт случайность в смысле отрицания какой бы то ни было целесообразности. Конечными причинами всех вещей он считает движущиеся атомы и пустоту.

Учение Демокрита противоположно телеологическому мировоззрению, согласно которому всё возникающее существует ради какой-то заранее задуманной цели. По Демокриту, в первую очередь необходимо выяснить, какова причина данного явления, события, а вопросы: для чего оно возникло и какова его цель – ставить просто нелепо. По свидетельству древних, Демокрит говорил, что он «предпочел бы найти одно причинное объяснение, нежели приобрести себе персидский престол».

Космология и космогония

Выдающееся значение в истории античной науки имели космологические и космогонические идеи Демокрита, основанные на атомистической теории строения материи и пронизанные стихийной диалектикой.

Мысли о первоначальном состоянии Вселенной и о дальнейших процессах образования мира философ излагает в сочинении «Великий мирострой». Процесс образования бесконечного числа миров в бесконечном пространстве Демокрит представляет следующим образом: бесчисленные миры возникают из атомов, которые первоначально падают «сверху вниз», затем начинают сталкиваться и образуют вихри атомов, из которых и формируются миры. Сначала, как писал философ, образовалась внешняя оболочка, отделяющая возникающий мир от остальных частей вселенной, затем атомные вихри, соединяясь с себе подобными, образуют землю, воду, воздух, огонь, из которых формируется мир.

Процесс возникновения органической природы Демокрит описал в сочинении «Малый мирострой». О возникновении животных говорится, в частности, в тексте Диодора Сицилийского: «Грязеподобное же и иловидное /вещество/, соединенное с влагою, осталось пребывать на том же самом месте вследствие своей тяжести. Последнее, непрерывно сжимаясь в себе и скопляясь в одном месте, образовало из жидких /своих частей/ море, из более же твердых – землю... Когда появился огонь солнца, земля сперва затвердела, затем, когда вследствие согревания поверхность ее стала приходить в брожение, она во многих местах подняла вверх кое-какие из влажных /веществ/ и /таким образом/ возникли на их поверхности гниющие /образования/, покрытые тонкими оболочками.... Когда влажные /вещества/ вследствие согревания ... начали рождать жизнь, они /гниющие образования/ тут же стали получать по ночам питание от влаги, осаждавшейся из окружающей атмосферы, днем же они отвердевали от жары. Наконец, когда /эти образования/, носившие плод во чреве, вполне созрели и их оболочки прожглись насквозь и разорвались, тогда /из них/ возникли разнообразные формы животных».

По Демокриту, вселенная как совокупность вечных атомов, вечна, отдельные же миры не вечны: они рождаются, некоторое время существуют, а затем рассеиваются, разделяются на атомы. Миры эти различны по своему устройству. В некоторых мирах нет ни Солнца, ни Луны, в некоторых – Солнце и Луна больше земных. Расстояния между мирами не равны, причём одни миры только возникают, другие находятся в расцвете, третьи погибают, сталкиваясь друг с другом. Некоторые миры лишены жизни и не имеют влаги.

Космологические и космогонические взгляды Демокрита далеко не равнозначны. В некоторых своих идеях учёный далеко опередил время, в других же остался на уровне научных достижений милетской школы в лице Анаксимена. Демокрит придерживается идеи о цикличности в развитии миров, высказанной ещё Гераклитом и другими мыслителями. Старых взглядов придерживался он и в вопросе о порядке расположения светил. По Демокриту, сперва располагаются неподвижные звезды, за ними – планеты, за последними – Солнце, Венера, Луна. Философ согласен со взглядами Анаксимена, учившего о плоской форме Земли и светил. Земля, считает он, имеет форму диска, посередине же она поляя.

Новыми достижениями атомистов были их учения: о бесконечности вселенной и о бесчисленности миров, одновременно существующих в бесконечном мировом пространстве.

Учение о душе

Демокрит ставил и решал вопрос о сущности души. С его точки зрения, душа состоит из огненных шарообразных атомов. Он говорил о наличии у души двух начал: огненной (разумной) души, расположенной в мозгу, и другой, которая рассеяна по всему телу. Смерть – это распадение атомов души и тела.

В противовес пифагорейцам, проповедовавшим бессмертие души, Демокрит говорит о том, что душа так же смертна, как и тело. Подобно тому, как её возникновение состоит в соединении круглых атомов между собой, так и смерть души заключается в распадении её на составляющие атомы огня, в потере связей между ними.

Теория познания

Большой заслугой Демокрита в истории философии является разработка им материалистической теории познания, в частности – постановка вопроса о роли чувств как источнике знания и о значении теоретического мышления в познании мира.

Древнегреческий материалист различает существование «по истине» и существование «по общему мнению». К существованию «по истине» он относил атомы и пустоту, а также всё то, что присуще атомам самим по себе. «По общему мнению» существуют воспринимаемые человеком, но не свойственные атомам тёплое, холодное, цвет, вкус, запах, звук», – доносит до нас мнение Демокрита доксограф Секст. – «/Лишь/ в общем мнении, – существует сладкое, в мнении – горькое, в мнении – теплое, в мнении – холодное, в мнении – цвет, в действительности же /существуют только/ атомы и пустота».

Деление Демокритом всех вещей на существующие «по общему мнению» и «по истине» лежит в основе его учения о двух родах познания: тёмном и истинном. Обратимся к тому же Сексту: «Есть два рода познания: один истинный, другой темный. К темному относятся все следующие /виды познания/: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание. Что же касается истинного /познания/, то оно совершенно отлично от первого.... Когда темный /род познания/ уже более не в состоянии ни видеть слишком малое, ни слышать, ни обонять, ни воспринимать вкусом, ни осязать, но исследование

/должно проникнуть/ до более тонкого, /недоступного уже чувственному восприятию/, тогда на сцену выступает истинный /род познания/, так как он в мышлении обладает более тонким познавательным органом».

Началом знания древнегреческий учёный считал ощущения («темное познание»). С поверхности предметов, указывал он, отрываются тончайшие отделения – их образы (по гречески – «идолы»), которые, воздействуя на воздух, находящийся перед глазами человека, позволяют ему видеть эти предметы. Ощущения дают неточное знание как по объективным причинам (вследствие искажения образов предметов средой, существующей между субъектом познания и познаваемым объектом), так и по причинам субъективным (болезненные состояния организма, деформирующие познания чувств, старость и т. д.). Ощущения не могут дать нам знания атомов и пустоты. Для того чтобы их познать, необходимо «разумное» познание.

Разум, по Демокриту, берёт свои доказательства у ощущений, которые возникают благодаря воздействию на органы чувств предметов внешнего мира, состоящих из атомов. Вместе с тем, познание атомов возможно лишь при помощи разума, ибо ощущения – непосредственное знание лишь о том, что существует «в общем мнении». Философ не противопоставляет ума ощущениям, и источник достоверного знания видел в ощущениях.

Согласно Демокриту, сначала ум провозглашает чувственно воспринимаемые явления обманчивыми, но затем ощущения указывают, что основа доказательства ума в тех же ощущениях, и, таким образом, торжество ума, вознесшегося над чувствами, оказывается его поражением. Такое понимание взаимоотношения чувств и разума свидетельствует о стремлении Демокрита диалектически решить проблему их взаимосвязи, представить её как единство противоположностей.

Атеизм

В конце VI – в первой половине V вв. до н. э. в истории греческой теоретической мысли получил известное распространение атеизм. Интересна в этом отношении позиция Демокрита.

Учёный, как и большинство выдающихся материалистов, не отрицал существования богов, хотя и считал, что они не принимают участия в мировых процессах и делах людей. Демокрит полагал, что представления о богах порождены страхом людей перед непонятными явлениями природы.

Секст излагает взгляд Демокрита: «...Древние, наблюдая небесные явления, как то: гром, молнии, перуны, сближения звезд, затмения солнца и луны, приходили в ужас и полагали, что виновники этого – боги». В действительности, как считает учёный, кроме самих людей не существует никакого бога, который обладал бы бессмертной природой.

Древнегреческий философ создает свою теорию происхождения богов. Боги есть особые соединения круглых огненных атомов. Они нелегко разрушаются, но всё же они не вечны. Боги Демокрита – образы, подобные человеку. Приближаясь к людям, одни из этих образов действуют благотворно, другие зловредны. Согласно Демокриту, боги греческой религии суть олицетворения явлений природы или свойств человека. Солнце, обожествлённое в греческой религии, – всего лишь раскаленная масса. Зевс – олицетворение Солнца, Афина – олицетворенный разум человека. Демокрит отрицал чудеса, выступал против предзнаменований и предсказаний.

Учение о человеке и обществе

Демокрит создал теорию возникновения и развития человеческого общества. Он считал, что люди возникли из

земли наподобие червяков, без всякого творца и без всякого разумного основания. Первобытные люди, согласно его предположению, вели стадную жизнь, не имели жилищ, одежды и орудий, питались случайно найденной пищей. «Имея нужду учительницей», они постепенно стали изменять свой образ жизни.

Под влиянием нужды «руки, ум и сообразительность» привели к культурной жизни. Государство – тоже продукт естественного развития. Наилучшим государством философ считает демократию. Преимущества демократического строя настолько велики, считает он, что в демократическом полисе даже бедность лучше, чем богатство при монархии.

По Демокриту, человек – дитя природы. Человек определяется объективными процессами космоса, с одной стороны, а с другой – является результатом воспитания и обучения. Философ не проводил различия между естественной природой и обучением.

Целью жизни Демокрит считал достижение «хорошего расположения духа», важнейшими добродетелями человека – умеренность, рассудительность, единство слова и дела, безмятежную мудрость. Он говорил, что нравственность имеет своей основой естественное стремление человека к самосохранению и удовлетворению потребностей, но выступает также гарантом сохранения демократического характера государства, общества.

Таким образом, человек предстает у Демокрита существом, фатально предопределенным законами природы, космоса, а также слитым с обществом, государством.

Значение и влияние учения Демокрита

Атомистическое учение – одно из наиболее значительных интеллектуальных достижений античной культуры. В эпоху античности это учение получило развитие в трудах

Эпикура, Тита Лукреция Кара. Не исчез атомизм и в эпоху Средневековья, выступая в качестве антипода христианской религии и религиозной философии.

В эпоху Возрождения и Нового времени атомизм занимает достойное место в духовной жизни общества. Его сторонниками становятся Гассенди и его последователи. Но главная заслуга в «возрождении» учения Демокрита принадлежит Фрэнсису Бэкону. В сочинении «О началах и истоках» он писал: «...В то время как философия Платона и Аристотеля с шумом и помпой пропагандировалась и прославлялась профессорами в школах, философия Демокрита была в большом почете у более мудрых людей... Эта философия была ... уничтожена ... варварами. Ибо, после того как все человеческое знание потерпело кораблекрушение, дощечки философии Платона и Аристотеля, сделанные из наиболее легкого материала, сильно разбухнув, уцелели и дошли до нас, между тем как наиболее весомые потонули и почти были забыты. Нам же представляется, что философия Демокрита заслуживает того, чтобы ее извлекли из забвения...»

Г. Галилей ставил философию Демокрита выше всех философских систем, а самого Демокрита – выше Аристотеля, в том числе и в отдельных специальных научных вопросах. Атомизма придерживались М.В. Ломоносов. И. Ньютон, Д.И. Менделеев, который писал, что атомистическая гипотеза Демокрита соответствует «закону вечности вещества».

И. Кант, создавая механическую космогонию, называет в качестве своих предшественников Левкиппа, Демокрита, Эпикура и Лукреция. Но впоследствии Кант в своей философии превращает атомы и пустое пространство в субъективные феномены, в фикции разума. Позже в толковании неокантианцев Демокрит становится чистейшим идеалистом. Атомистическое учение оказывало длительное

воздействие на развитие философской мысли вплоть до XX века. Это связано, в первую очередь с тем, что оно давало естественное объяснение самым разнообразным природным явлениям. Гегель писал в этой связи: «Атомистика... вообще враждебна представлению о сотворении и сохранении мира силою чужого существа. Естествознание впервые чувствует себя в атомистике освобожденным от необходимости указать основание существованию мира».

В заключение хочется привести слова Г. Волкова: «У античных натурфилософов можно обнаружить зачатки почти всех основополагающих идей естествознания: мысль о единстве космоса и микрокосма, о человеке как космическом явлении, идеи единства пространства и времени, сохранения материи и энергии, принципы относительности, неопределённости, вероятности, генетической основы живых организмов, принципы сохранения материи и энергии, единства конечного бесконечного, принцип симметрии мироздания, доходящий до признания антимиров («антиземля» пифагорейцев), предположение о существовании фундамента самого здания материи способности, схожей с ощущением. Эти идеи были потом восприняты и переработаны философией нового времени в лице её крупнейших представителей, а вслед за тем стали достоянием естествознания».

ГЛАВА 5. КСЕНОФАН (580/577–485/490 гг. до н. э.)

Странствующий поэт и философ, проповедник. Современник Анаксимандра, Анаксимена, Пифагора, Гераклита и молодого Парменида. Занимался филологией – пытался найти закономерности в греческом языке. Писал элегии, в которых высмеивал культ физической силы, выступал против роскоши и пьянства. Ему принадлежат также ямбы и эпические произведения. Автор двух несохранившихся эпосов об основании Колофона и Элеи. Один из первых греческих мудрецов. Считается идейным предшественником элейской школы и учителем Парменида. Аристотель считал, что Ксенофан – «первый среди элеатов цельный ум». Мыслил большей частью с помощью поэтических образов, излагая свои воззрения в стихотворной форме. Ранний представитель греческого свободомыслия. Ксенофан не создал своей законченной системы. Изложенные им в поэтической форме взгляды полны противоречий. Кроме того, как отмечал Аристотель, «ни о чём Ксенофан не высказался с отчётливой полнотой».

Жизнь

Биографических сведений о Ксенофане очень мало. Но, судя по дошедшим до нас материалам, это был человек энергичный, бесстрашный, предприимчивый, проживший очень долгую жизнь – около ста лет. Оставил родной город Колофон примерно в 25 лет после взятия его персами. Вёл жизнь бродячего рапсода в течение 67 лет, наживая себе опыт и врагов. Путешествовал по городам Греции и Южной Италии. Изучал чуждые для него нравы, обычаи и верования, прислушивался к звукам чужой речи. Он, видимо, исходил из того, что личные впечатления обогащают гораздо больше, чем книжное знание. Эти впечатления расширяли

его кругозор, заставляли по-иному смотреть на вещи и критически отнестись к тем верованиям, которые казались незбылемыми его предкам и современникам.

Ксенофана часто приглашали на пиры, где он развлекал гостей, исполняя в качестве рапсода свои собственные стихотворения. Как-то раз он отказался играть в кости. Его обвинили в трусости. На это философ ответил, что он «очень даже труслив и нерешителен на безобразные дела». Это говорит о том, что мыслитель был лишён ложного тщеславия. В старости Ксенофан побывал в Южной Италии и поселился в только что основанной Элее, где, вероятно, и умер. Он пережил своих сыновей, которых похоронил своими руками.

Учение о едином боге

Основное произведение Ксенофана – «Силлы» («Сатиры») в 5 книгах. В нём он в полемически-сатирической форме выступает «против всех поэтов и философов» своего времени, особенно против Гомера и Гесиода и их антропоморфных богов. В тот период господствовал языческий политеизм – идея множественности богов. В «Илиаде» и «Одиссее» много живых сцен, рисующих жизнь и отношения олимпийских богов. Но все они, по мнению Ксенофана, ложь и бессмыслица. Все предания о сражениях титанов, гигантов и кентавров – «вымыслы прошлых времен». Под видом богов Гомер изобразил людей со всеми их слабостями и недостатками. Боги спят, отдыхают, пируют, любят приношения, завистливы, коварны, ревнивы и мелочны. Единственное, что отличает их от людей – бессмертие, но и то оно присуще им не по природе, а поддерживается волшебным напитком – нектаром.

Всё это возмущало Ксенофана. Он делает вывод, что мифология – продукт человеческого воображения: «...Если бы быки, лошади и львы имели руки и могли бы ими рисовать и создавать произведения [искусства] подобно людям,

то лошади изображали бы богов похожими на лошадей, быки же – похожими на быков и придавали бы [им] тела такого рода, каков телесный образ у них самих, [каждые] по-своему». Образы богов созданы людьми как их подобие (поэтому у эфиопов боги курносы и черны, а у фракийцев голубоглазые и рыжеватые). Отсюда – боги не превосходят людей нравственно и не могут быть предметом поклонения:

Что среди смертных позорным слывет и клеймится хулою –
То на богов возвести ваш Гомер с Гесиодом дерзнули:

Красть и прелюбы творить, и друг друга обманывать хитро.

Невозможно, чтобы у каждого народа были свои боги, поэтому существующую религию нельзя считать истинной. И Ксенофан выдвигает концепцию единого бога.

Есть только один бог, который ни внутренне, ни внешне не подобен смертным, «всем своим существом он видит, мыслит и слышит». Пронизывая собой всё сущее, бог управляет всем космосом, причём без физического усилия, не с помощью рук, ног или голоса, как думают недалёкие люди, а только силой своего духа и разума. Настоящий бог един, всевидящ, всемогущ, вечно пребывает неподвижным, он повсюду одинаков, поэтому имеет форму шара.

Бог один среди богов и людей величайший,

Смертным ни видом, ни мыслью он не подобен.

Видит он весь, весь мыслит, весь слышит,

Но, без усилия, всё потрясает он духом разумным,

Вечно на месте одном неподвижно он пребывает,

Двигаться с места на место ему непристойно.

Отсюда вытекает отрицание культа. Известно, что Ксенофан отвергал мантику, отрицательно относился к учению о душепереселении.

Основные качества бога – вечность, неизменность, беспредельность. Нет таких мест, где бога может не быть, он присутствует везде. Мир и бог неотделимы друг от друга. Так как бога Ксенофан считает тождественным миру, его учение можно определить в качестве пантеистического монизма.

Ксенофан не покушался на саму идею божества. Наоборот, он стремился очистить эту идею от того, что ему казалось, ложью, суеверием. И есть основание считать, что Ксенофан одним из первых в истории европейской мысли пришёл к идее абстрактного, своеобразного «философского бога».

Следует отметить, что представление Ксенофана о едином боге, чуждом человеческих проблем, всеведущем и всеправедном, подготавливалось уже в лирике VII и VI вв. Ксенофан продумал эту мысль до конца.

Гносеология

Ксенофан первым среди древнегреческих мыслителей поставил вопрос о возможностях и границах познания. Только бог обладает достоверным знанием. Человеческое же знание довольствуется только вероятностными результатами и сводится к субъективным «мнениям» людей.

Ксенофан явно обесценивает чувственную ступень познания. Ощущения, по его мнению, ложны, их показания только видимость. Правда, разум нас тоже может обмануть. Но у Ксенофана этот обман – исторически преходящее явление. Истина всё ещё случайна, она – результат не столько систематического мышления, сколько случая. Философ не отрицает возможности познания мира. Он отрицает возможность знания о таком познании. И именно в силу случайности истины: «Достоверного знания о богах, о том, что я называю целым природы, никто никогда не имел и не будет иметь; и если бы даже кому-нибудь и случилось высказать истинное, он сам бы того не знал; ибо над всем царит мнение».

У Ксенофана есть наивная догадка об истине как процессе: «Не от начала все открыли боги смертным, но постепенно, ища, [люди] находят лучшее». Здесь совершенно определённо выражена мысль о том, что истина – не результат божественного откровения, а исторический продукт человеческих исканий.

Его противопоставление мнения и знания даёт основание рассматривать Ксенофана как предшественника скептицизма.

Космогония и космология

Как натурфилософ Ксенофан находится в русле ионийской традиции. На него большое впечатление произвели ископаемые останки растений и животных. Он видел в каменоломнях отпечатки рыб и, вероятно, водорослей, разнообразных раковины. На основании этих фактов философ делает общие выводы. Земная поверхность в минувшие эпохи претерпела неизбежные превращения, причём не в результате мощных переворотов, а в процессе постепенных изменений, приводящих к великим преобразованиям.

Вся земля некогда была покрыта морем. Затем часть земли поднялась и сделалась сушей. Бывшее морское дно превратилось в горы. Поэтому земля является основой всего сущего, субстанцией. Воду Ксенофан считает соучастницей земли в производстве жизни. «Земля и вода есть все, что рождает и растит». Даже души состоят из земли и воды. Из воды и небесные тела. Из воды возникают облака, из облаков – все небесные светила. Светила ежедневно зажигаются как уголья на востоке и либо уходят в бесконечность, либо гаснут над необитаемыми частями земли. Таким угашением Ксенофан объяснял затмения и как-то высказал мысль, что солнце угасло однажды на целый месяц. Философ допускает существование нескольких солнц и лун над различными поясами земли.

Как и все первые философы и ученые, Ксенофан не различает метеорологические и астрономические явления. Для него Луна – «свалившееся облако», Солнце – каждый день новое и для каждой местности своё. Оно загорается утром и гаснет вечером. Солнце возникает из скопления искорок, а сами эти искорки – воспламенившиеся испарения воды.

В одном из фрагментов содержится парадоксальное утверждение Ксенофана, что верхний конец Земли, соприкасающийся с воздухом, мы видим у себя под ногами, а нижняя же часть земли простирается в бесконечность. Это явно противоречит его же идее об ограниченной, сферической Вселенной. Видимо, дело в том, что у Ксенофана ещё не было чёткого представления о пространственной бесконечности. Понятие «бесконечность» могло означать у него просто «не имеющее границ».

Космология Ксенофана вполне соответствует его миросозерцанию: во-первых, признание беспредельности видимого мира, который отождествляется с божеством; во-вторых, отрицание сверхъестественного в природе, естественное объяснение метеорологических и астрономических явлений в противоположность мифологическому объяснению; в-третьих, светила небесные, которые ещё пифагорейцами признаются божественными, есть лишь скопления горящих газов – испарений земли.

Можно отметить, что космологическим взглядам Ксенофана свойственен утилитаристский характер, о чём говорит его мнение, что «солнце полезно, а луна не нужна».

Заключение

Утилитаризмом отличаются этические взгляды Ксенофана. Он осуждал роскошь, говорил о бесполезности Олимпийских игр. Спортивными упражнениями он призывает не увлекаться, так как они бесполезны. Физической силе не следует отдавать предпочтение, т. к. «наша мудрость гораздо лучше силы людей и лошадей».

Проблема единого бытия, поставленная Ксенофаном, была более основательно рассмотрена следующими представителями элейской школы – Парменидом, Зеноном и Мелиссом.

ГЛАВА 6. ЭЛЕЙСКАЯ ШКОЛА

Элейской школой называется древнегреческая философская школа, учения которой развивались с конца VI в до н. э. до начала второй половины V в до н. э. тремя философами – Парменидом, Зеноном и Мелиссом. Два первых – жили в небольшом италийском городе Элее, а третий – уроженец далёкого от Элеи Самоса. Так как главные учения школы были выработаны гражданами из города Элеи – Парменидом и Зеноном, школа в целом и получила название элейской.

Парменид

(ок. 540/520 – ок. 450 до н. э.)

Философ и политический деятель. Основоположник школы элеатов, одного из важнейших философских направлений классической эпохи. Современник Гераклита, Эмпедокла, Зенона Элейского. Свои взгляды выразил в поэме «О природе», от которой до нас дошло около 160 стихов. Считается учеником Ксенофана и Анаксимандра. Учитель Зенона Элейского. Платон находился под влиянием идей Парменида.

Жизнь

Парменид родился в г. Элее, греческой колонии на юге Италии. Принадлежал к знатному и богатому роду. Был воспитан на пифагорейских традициях и образе жизни. Вёл созерцательную жизнь, но это не помешало ему участвовать в политических делах. Он даже установил в Элее законы, в соответствии с которыми, по Плутарху, «власти ежегодно брали с граждан клятву оставаться верными законам Парменида».

«Путь истины» и «путь мнения»

Пармениду принадлежит поэма «О природе», которая состоит из двух частей – «Путь истины» и «Путь мнения».

Путь мнения – это чувственная видимость, способ объяснения мира, исходя только из показаний органов чувств, которые воспринимают изменчивость вещей, их возникновение и уничтожение. Мир вещей – это мир «многоопытной привычки», путаницы обыденной жизни, условных наименований, общепринятых мнимостей и двусмыслиц. Неистинность мира повседневной жизни объясняется его противоречивостью: ни о чём здесь нельзя сказать, есть оно или не есть, но всё всегда как-то и есть и не есть одновременно. Истина же требует решительного различения: есть либо бытие, либо небытие, третьего не дано. «Путь мнения» – путь, никуда не ведущий. Всякая мысль, имеющая дело с изменчивым видимым миром, сама изменчива и непостоянна и представляет собой лишь правдоподобное мнение, которое не обязательно ложно. Просто оно никогда не достигает непререкаемости истины. Обладать внутренней обязательностью может только «чистая» мысль, свободная от всяких связей с видимым.

«Путь истины» ведёт к бытию, к миру умопостигаемому. Бытие не рождается (из небытия) и не гибнет (в небытие), не различается в себе, не изменяется, не протекает во времени. Оно всё целиком сразу единое и неделимое, пребывает в покое, замкнутое в себе. Парменид подчёркивает превосходство разума над чувствами. Чувства часто обманывают нас, т. е. дают недостоверные знания. К достоверной истине ведут только ум, умозрение. Поэтому мыслимое в разуме и следует считать сущим.

Названные два пути дают две картины мира: мир единого и вечного бытия и кажущийся мир мнений. Мысль – это мысль о предмете. Мышление нельзя отделить от бытия, причём даже тогда, когда мы думаем о небытии. Но для Парменида небытия нет, т. к. небытие – это пустота, пустое пространство. Значит, если нет небытия, то нет и пустого

пространства, всё пространство заполнено веществом. Если же всё пространство заполнено веществом, то нет никакого множества вещей, т. к. между вещами нет пустых промежутков, которые отделяли бы одну вещь от другой. Парменид не отрицает чувственного мира. Он только доказывает, что для его философского и научного познания мало одной чувственности.

Учение о бытии

Итак, Парменид поставил первую подлинно философскую проблему – проблему бытия, причём впервые в истории европейской философии. Он её сформулировал следующим образом: как можно мыслить бытие, если бытие это то, что есть, в отличие от того, что только кажется или является. Без преувеличения можно сказать, что философская онтология, а вместе с ней и настоящая философия вообще, как считал Гегель, началась именно с Парменида.

Парменид признаёт характерной чертой бытия его неподвижность и неизменность. У бытия отсутствуют признаки рождения и уничтожения. Позиция Парменида прямо противоположна взглядам Гераклита, который считается основоположником античной диалектики. Если эфесский мыслитель говорил о противоречивом и постоянно изменчивом мире, то Парменид утверждал как раз обратное – в мире царит непротиворечивость и неподвижность.

Мыслитель впервые в античной философии приводит логические доказательства в пользу своей позиции, т. к. до него философы или изрекали истины, или опирались на аналогии и метафоры. Так, главное доказательство несуществования небытия в том, что его невозможно познать, невозможно выразить в слове. Небытие – немыслимо, невыразимо, следовательно оно не может существовать. Более того, сама мысль о небытии является доказательством того, что небытие не существует.

Мысль о небытии предполагает существование данного небытия, ибо, иначе не о чем было бы и мыслить, значит небытие существует. Но если небытие существует, то оно в таком случае является бытием. Следовательно, сама мысль о существовании небытия доказывает как раз обратное – то, что небытие не существует. Существует же лишь только то, что мыслимо и выразимо в словах, т. е. бытие. И тогда получается, что «мыслить – то же, что быть», т. е. Парменид даёт одну из первых формулировок идеи тождества бытия и мышления: «мыслить и быть есть одно и то же», «одно и то же мысль и то, на что мысль устремляется».

Основные признаки бытия: оно не возникло, не подвержено гибели, целокупно, т. е. не состоит из многих частей, единственно, неподвижно, совершенно. Бытие не порождается и не уничтожается. Если бы оно порождалось, то происходило бы из небытия, но это абсурдно. Если же бытие возникло из бытия, то это тоже абсурдно, т. к. тогда нужно признать, что оно существовало до своего возникновения. Бытие не имеет прошлого и будущего, т. к. прошлое – то, чего уже нет, а будущее – то, чего ещё нет. Бытие – вечное настоящее, не имеющее начала и конца.

Бытие, как оно существует поистине, Парменид представляет в виде огромного сплошного шара, неподвижно покоящегося в центре мира, т. е. бытие у Парменида бесценно. Мир – сплошная масса вещества, или шаровидное тело. Существует только бытие как лишь заполненное веществом пространство. И это бытие сферично, имеет форму шара. Мысль о совершенной сплошной заполненности пространства веществом приводит к выводу: мир един, в нём нет и не может быть никакого множества отдельных вещей. Существует только единство, множества нет. В природе нет никаких пустых промежутков между вещами, отделяющих вещи одну от другой, значит, нет никаких отдельных вещей.

Философ высказывает догадку о тёмной природе Луны, которая лишь отражает свет Солнца, а сама не способна к излучению света. Интересно его предположение о зависимости наших чувств и ума от нашей физической природы и состояния наших телесных органов.

Парменида с полным основанием можно считать стоящим у истоков рационализма, т. к. он первым стал принципиально различать подлинную реальность, постигаемую только мыслью, и видимость, данную в чувственных впечатлениях.

Впервые в истории европейской цивилизации ярко и убедительно прозвучала мысль о мощи человеческого разума. Оказывается, не столько в изучении природы проявляется мудрость, сколько в познании свойств самого разума, его способности мыслить. Мышление, логика – вот главная сила человека, вот что может позволить человеку познать истину.

Можно сказать, что Парменид изобрёл форму метафизической аргументации, которая в том или ином виде проявляет себя у большинства последующих метафизиков, в том числе и у Гегеля. Его философия оказала большое влияние на развитие последующей античной философии (прежде всего, на Платона).

Совокупность идей Парменида казалась противоречащей всем обычным представлениям о природе и знании. Поэтому его учение вызвало многочисленные возражения со стороны тех, кто хотел защитить реальность множества, изменения, движения и возможность существования пространства вне вещей. Возражения были, видимо, настолько серьёзны, что возникла необходимость более строго обоснования основных моментов учения Парменида. Задачу отстоять воззрения Парменида против выдвинутых возражений взял на себя ученик и друг Парменида Зенон.

Зенон (480–430 до н. э.)

О жизни Зенона практически нет достоверных сведений. Известно, что, как и Парменид, Зенон активно участвовал в политической жизни и общественных делах своего города – Элеи, был сторонником демократии и участвовал в борьбе с тираном Неархом. За участие в этой борьбе он был заключен в тюрьму и подвергнут пытке с целью заставить его выдать заговорщиков. Но он откусил себе язык зубами и выплюнул его в лицо тирана. Согласно другой версии, он разоблачил наиболее верных людей Неарха и, таким образом, убрал их руками самого тирана, изолировав и обезоружив последнего, потом напросился сказать тирану кое о ком на ухо. Тиран подошёл к Зенону, приблизил своё ухо к его устам, Зенон вцепился в ухо зубами и не отпускал, пока его не закололи. Своей смертью в борьбе с тиранией он «доказал на деле, что великому мужу постыдно быть трусливым» (Плутарх).

От многочисленных трудов Зенона – «Споры», «Против философов», «О природе» (написан прозой в форме вопросов и ответов, ставший впоследствии образцом для диалоговой формы изложения философских взглядов) и др. – сохранились лишь несколько фрагментов.

Зенон был занят не столько поиском новых истин, сколько защитой добытых истин и борьбой с противниками. Основные философские идеи Зенона практически повторяют исходные тезисы философии Парменида: сущее одно, едино, непрерывно и неделимо, не имеет частей, неподвижно, бесконечно. Отсюда следует, что есть только единое и нет многого, есть только неделимое и нет деления, есть только неподвижное и нет движения.

Зенон развил ряд аргументов в защиту учения Парменида. Метод, который он при этом применил, дал основание Аристотелю назвать Зенона родоначальником «диалек-

тики», под которой в данном случае Аристотель понимал искусство выяснения истины через обнаружение внутренних противоречий в мыслях противника и устранение этих противоречий.

В соответствии с принципами элейской школы Зенон разрывает чувственное и рациональное познание. Истинным для него является только рациональное познание. Чувственное же познание ведёт к неразрешимым противоречиям.

Для обоснования своей позиции Зенон прибегает к следующему приёму. Он условно принимает тезисы противников Парменида: пространство может быть мыслимо как пустота, мыслимо существование множества вещей и может быть мыслимо движение. Зенон доказывает, что принятие этих предположений с необходимостью идёт к противоречиям, а значит они ложны. Но если они ложны, то истинны противоположные им суждения, а это и есть утверждения Парменида: пустота, множество и движение немыслимы. Здесь следует иметь в виду, что элейцы не отрицают реальности пустоты, множества, движения. Они отрицают возможность мыслить пустоту, множество, мыслить, не впадая при этом в противоречия.

Возьмём вопрос о мыслимости пустоты, т. е. пространства, отделённого от вещества. Всё существующее находится где-нибудь в пространстве. Но чтобы существовать, пространство тоже должно находиться «где-нибудь», т. е. существовать во втором пространстве, которое, в свою очередь, должно существовать в третьем пространстве и так до бесконечности. Но это абсурдно. Значит, пространство как отдельное от вещества, немыслимо.

Второй вопрос — о мыслимости множества. Если допустить, что множество мыслимо, то тогда возникают вопросы: каким необходимо мыслить каждый в отдельности элемент этого множества? Каким необходимо мыслить общее

количество элементов множества: будет ли их сумма числом конечным или бесконечным? Зенон считает, что на первый вопрос будет такой ответ: о каждом элементе придётся отвечать, что он одновременно и не имеет никакой величины, и бесконечно велик по величине. Ответ Зенона на второй вопрос: сумма элементов множества должна мыслиться и как число конечное, и как число бесконечное.

И, наконец, вопрос о мыслимости движения. Аргументы Зенона по нему стали особенно знамениты и приобрели широкую известность. Философ разработал 40 так называемых апорий – кажушихся непреодолимыми логических рассуждений. До нас дошло несколько этих апорий.

Прежде всего – «Дихотомия». Если предмет движется, то он должен пройти половину пути; прежде чем пройти половину, он должен предварительно пройти половину этой половины и т. д. до бесконечности. В результате предмет не только не дойдёт до конца, он даже не сдвинется с места, т. е. движение не может ни начаться, ни кончиться.

Немыслимость движения доказывается также апорией «Летящая стрела». В каждый момент времени стрела находится, т. е. покоится, в определённом месте, занимает пространство, равное её длине, т. е. пребывает неподвижно в пределах этой части пространства. Выходит, что стрела и движется, и не движется. Следовательно, видимое движение стрелы представляет собой сумму состояний покоя. А сумма состояний покоя никак не может представлять движение. Из этого следует, что движение невозможно.

Третья апория – «Ахиллес и черепаха». Необходимо, чтобы Ахиллес, прежде чем догнать черепаху, сначала достиг черты, с которой она стартовала. Но за то время, пока догоняющий приближается к этой черте, убегающий продвигается на какое-то расстояние, хотя и меньшее, чем пройденное за то же время догоняющим, так как бежит мед-

леннее, но всё-таки продвигается, ибо не стоит на месте. И опять за то время, пока догоняющий будет проходить то расстояние, на которое продвинулся убегающий, убегающий опять пройдет какое-то расстояние. И хотя с каждым разом это расстояние будет становиться всё меньше и меньше, убегающий в любом случае будет продвигаться на какое-то расстояние, ибо он движется. И поскольку в силу бесконечной делимости величин можно выделять всё меньшее и меньшее расстояние вплоть до бесконечности, то Ахиллес не догонит не только Гектора, но и черепаху.

Продолжая доказывать неистинность свидетельств чувственного восприятия, он прибегает к такому рассуждению: если мы бросаем на землю одно зерно, то не воспринимаем звука его падения. Если же бросаем мешок зёрен, то слышим шум. Разум же утверждает, что либо и одно зерно производит шум, либо и мешок зерна не производит шума. Значит, в наших рассуждениях о бытии мы должны основываться не на чувствах, а на разуме.

В апориях Зенон имеет дело с диалектикой прерывного и непрерывного, конечного и бесконечного. Но он не приходит к выводу о том, что движению присуща противоречивость. Следовательно, и описывать движение нужно в противоречивых понятиях и делает заключение, что движение как таковое не существует, что оно – обман чувств. Движение это видимость, а не сущее. В апориях отразилась трудность формирования понятийного аппарата науки, а также противоречивость таких понятий, как пространство, время, движение. Зенон формулирует свои апории для того, чтобы показать, что мы не можем мыслить движение, если понимаем пространство как состоящее из отделённых друг от друга частей, а время – как состоящее из отделённых друг от друга моментов. Таким образом, Зенон доказывает, что множества не существует, бытие едино.

Диоген Синопский, пытаясь опровергнуть апории Зенона, ничего не говоря, просто встал и прошёлся по комнате, показав, что все зеноновские аргументы разбиваются об этот чувственно неоспоримый факт. А. С. Пушкин написал по этому поводу:

«Движенья нет», – сказал мудрец брадатый,
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами Солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

Таким образом, Пушкин соглашается с Зеноном, что не во всём следует доверять чувствам. Разум, как бы парадоксальны ни были его утверждения, часто оказывается более прав, чем чувства.

Аргументы Зенона способствовали интенсивному развитию античной математики, логики и диалектики. Они вскрыли противоречия в понятиях современной Пармениду и Зенону науки – в понятиях о пространстве, о едином и многом, о целом и частях, о движении и покое, о прерывном и непрерывном. Апории Зенона стимулировали поиски решения замеченных им трудностей.

Мелисс

Третий представитель элейской школы, который считается систематизатором идей элеатов. Уроженец Самоса, искусный флотоводец и способный политик. Во время войны Афин и Самоса в 440 г до н. э. успешно командовал самосским флотом. Избранный гражданами стратегом, в 442 году разбил флот Перикла, которым командовал драматург Софокл. Впоследствии Перикл собрал силы, разгромил Мелисса и взял Самос после многомесячной осады. Как го-

сударственный деятель Мелисс пользовался уважением и почетом среди сограждан, а после победы над афинянами снискал ещё большее восхищение своей доблестью. Учился у ионийских философов.

Основная мысль Мелисса та же, что и Парменида. В поэме «О природе, или О сущем» он повторил и развил аргументы Парменида о едином, неизменном и неподвижном бытии. Небытия нет, пустоты нет, сущее едино, неизменно, неподвижно, вечно, не возникает и не уничтожается. Но он вносит в учение Парменида и Зенона важные новшества.

Прежде всего, он дал ясное и чёткое, без поэтических метафор, как это было у Парменида, прозаическое изложение учения элеатов. Ему принадлежит формулировка «закон сохранения бытия» – основного пункта учения элеатов. Этот закон известен в латинской формулировке – «из ничего не бывает ничего». Но впервые этот закон сохранения бытия сформулировал Мелисс в словах: «Из ничего никогда не может возникнуть нечто». Этот закон был принят всеми античными философами, независимо от того, признавали они наличие небытия в мире или нет.

Далее, Мелисс истолковал вечность бытия не как вневременность, а как вечность во времени. Прошлое и будущее для Мелисса не небытие (в смысле – прошлого уже нет, а будущего ещё нет), а части бытия. Парменид же говорил о бытии, что его не было в прошлом и не будет в будущем, оно всё в настоящем, т. е. у Мелисса существует не только настоящее, а и прошлое и будущее. Бытие у него вечно в том смысле, что оно было, есть и будет вечно.

Мелисс существенно изменил учение Ксенофана и Парменида о конечности бытия в пространстве. Бытие по Пармениду конечно. Бытие по Мелиссу беспредельно, бесконечно, ибо в нём нет ни пространственных, ни временных границ. Если бы оно было конечным, то ограничивалось бы пустотой, а значит небытием, что невозможно. К идее

о пространственной беспредельности мироздания Мелисс пришёл, исходя из единства сущего. Если бы сущее было ограничено пределом, то оно не было бы единым, а было бы двояким: тем, что ограничено, и тем, что ограничивает. Итак, сущее неограниченно, а потому беспредельно.

Мелисс приписывает бытию состояние полного блаженства, не нарушаемого болезнью, страданием и печалью (Парменид ничего не говорил об эмоциональной стороне сущего).

Мелисса можно квалифицировать как материалиста: если Парменид говорит об «умопостигаемом едином», то у Мелисса речь идёт о «материально едином».

Наконец, Мелисс был атеистом: о богах не следует учить, т. к. познание их невозможно.

Мелисс не проложил новых путей для философской мысли; его заслуга состоит в том, что он изложил элейское учение в самой ясной форме, наиболее обстоятельно развивал его и защищал.

Заключение

Таким образом, представители элейской школы первыми пытались понять мир, применяя к многообразию вещей философские понятия предельной общности – бытие, небытие, движение. Они отрицали существование отдельных вещей, отвергали возможность движения. Недаром Платон называл их «неподвижниками», а Аристотель – «нефизиками» или «противоестественниками». Вместе с тем, попытки решения вопросов, поднятых элейской школой, сыграли важную роль в формировании философии Платона и Аристотеля.

ГЛАВА 7. ЭМПЕДОКЛ (ок. 484 – ок. 424 гг. до н. э.)

Философ, поэт, естествоиспытатель, политический деятель, религиозный проповедник, ритор (Аристотель признаёт его изобретателем риторики), один из первых греческих энциклопедистов. Философ был знаменитым врачом, которого в древности признавали одним из основателей италийской школы врачей. Эмпедокл был плодовитым автором. Он писал трагедии, политические и медицинские трактаты, гимны богам, от которых ничего не сохранилось. До нас дошли фрагменты двух его сочинений: натурфилософской поэмы «О природе» и религиозно-эсхатологической поэмы «Очищения». Эмпедокл первый после Пифагора греческий философ, о котором уже в древности возникла большая литература.

Жизнь

Жизнь и деятельность Эмпедокла протекала в Агранже на берегу Сицилии. Эмпедокл принадлежал к богатому и политически влиятельному аристократическому дому. Первыми воспитателями философа были, вероятно, пифагорейцы. Его политические взгляды трудно определить. С одной стороны, он проявляет себя как народный заступник, борется против злоупотреблений должностных лиц, против продажных государственных деятелей. Выступал за равные права всех граждан и боролся даже за права животных. С другой стороны, в общении с народом не считает себя равным: Эмпедокл постоянно подчёркивал, что он потомственный аристократ. Видимо, его не волновала форма государственного правления. Он считал, что любая форма хороша, если она не губительная для народного благосостояния, но один режим он категорически не принимал – тиранию.

Политическое влияние Эмпедокла было очень серьёзным. Его решения и указания принимали силу государственных постановлений. Известно, что он изгонял из города растратчиков государственного имущества, добивается роспуска правительственного совета и т. д. Граждане города предложили ему стать их царём. Вполне возможно, что семья Эмпедокла восходила к какому-нибудь древнему царскому роду. Эмпедокл отказался от предложения, предпочитая оставаться частным лицом.

Своеобразна была внешность Эмпедокла: он носил пурпуровое жреческое одеяние – признак царственности. Это действовало на окружающих буквально магически. Багряный хитон, перепоясанный золотой тесьмой, медные сандалии, венок на голове, бледность лица, не знающего улыбки; длинные обрамляющие лицо и ниспадающие на плечи волосы – всё это привлекало к философу. Он важно шествовал по городу со свитой. В нём видели верховного ходатая по делам спасения и веры. Ученики почитали Эмпедокла как божество.

Существует много версий о смерти Эмпедокла. Самая знаменитая говорит о том, что философ отправился на Этну и бросился в огненное жерло вулкана, но вероятнее всего, потеряв благосклонность народа, он умер изгнанником естественной смертью. Похоронен в Пелопонессе, где ему поставлен надгробный памятник.

Учение о стихиях

Философия Эмпедокла представляет собой довольно сложное образование, совмещающее в себе самые разные элементы: здесь рационализм и мистицизм, элементы учения элеатов и эмпирические поиски итальянских врачей, гилозоизм ионийских философов и откровения пифагорейцев.

В своих философских взглядах Эмпедокл во многом следует за предшественниками, особенно видно влияние

пифагорейцев, Ксенофана и Парменида. Началом всего Эмпедокл считает полноту бытия, которую и он представляет в виде всеобъемлющего шарообразного тела (Сферос). Как и элеаты, он наделяет это тело физическими и духовными свойствами, признавая его божеством. Как и Парменид, Эмпедокл отрицает всякое происхождение или уничтожение истинно сущего. Сущее тождественно себе, не может произойти из ничего или обратиться в ничто. Вне полноты нет ничего. Пустое пространство не существует, а потому к полноте ничто не может прибавиться и ничто из неё исчезнуть; полнота и есть божественный Сферос.

На этом совпадение взглядов Эмпедокла и Парменида заканчивается. Эмпедокл признаёт реальное множество, движение и качественные различия вещей, о которых свидетельствуют наши чувства.

Объясняя появление мира во множестве и движении частей из первоначального единства, Эмпедокл признаёт его продуктом некой силы, которая рождает его посредством давления, раздробления, расчленения первоначального единства. Эмпедокл называет эту силу Враждой. Но не всё в мире можно объяснить только ею одной. Есть в нём и внутреннее согласие, гармония, внутреннее единство во множестве. Эта сторона выступает у Эмпедокла как мировая сила Любви, соединяющей разрозненные стихии. Вражда, разрушая единство, способствует созиданию множества, а Любовь, уничтожая множество, служит образованию единства.

Предшествующие физики признавали происхождение различных вещей из одной какой-нибудь стихии. Эмпедокл признаёт четыре основных стихии, четыре «корня» сущего – огонь, воздух, воду и землю. Это качественно и количественно неизменные вечные элементы всего сущего. Из них состоят все без исключения существа.

Даже боги состоят из них, так же, и как растения, и животные. Всё создаётся через соединение частиц этих стихий и разрушается путём их разъединения. Нет и не может быть происхождения и уничтожения, есть только сложение и разложение от века существующих элементов. Названные четыре элементарных тела Вселенной вступают между собою в бесконечное множество разнообразных соединений.

Эмпедокл, признавая свои стихии живыми или чувствующими, остаётся на почве античного гилозоизма. Он видит в стихиях не только первичные предметы чувственного восприятия, но и первичные чувствующие начала, живые части, органы божественного тела.

Каким образом мы видим вещи, находящиеся от нас на расстоянии? Человек воспринимает чувственные вещи только потому, что сам состоит из стихий. Все вещи под влиянием противоположных сил Любви и Вражды находятся в непрерывном движении. Все испускают из себя тонкие истечения, которые проникают в «поры» наших чувств и вызывают в нас определённые восприятия. Человек познаёт «подобное подобным». Например, глаз содержит в себе воду, огонь, воздух и землю, причём, огонь заключён, как в фонаре, в тонкой капсуле, ограждающей его от окружающей воды, т. е. только те вещи могут быть видимы, которые по своей форме и величине соответствуют порам глаза. Нельзя не видеть здесь великолепной идеи о том, что восприятия зависимы от строения, особенностей воспринимающего органа.

Космогония

Происхождение мира Эмпедокл объясняет совместным действием этих сил. Каждая из них, по очереди, получает преобладание, вытесняя другую в ритме мирового процесса. Когда господствует Любовь отдельные существа и вещи не существуют, т. к. всё находится в слитном состо-

янии в неподвижном Сферосе. Они не существуют и при господстве Вражды, которая отделяет друг от друга стихии, не допуская никакого конкретного образования.

Космос может возникнуть только при совместном действии Любви и Вражды. При действии Вражды отдельные стихии обособляются, выделяются из Сфероса. А под действием Любви – вновь соединяются. Первым выделяется эфир, затем огонь, потом земля, из которой давлением вихря была выжата вода. Эфир окружает первоначальную смесь и в верхней части отвердевает в хрустальную твердь. Явившийся позднее огонь, тоже устремляется вверх, но, остановленный твердью, движется под нею.

Скопясь в одном из полушарий, огонь составляет светлый день. Другое полушарие, в котором преобладает воздух и тёмные испарения, образует ночное небо. Эмпедокл предполагал, что Луна – это тёмное тело, которое получает свет от Солнца и вращается вокруг Земли. Но у него было своеобразное представление о Солнце: оно – не источник живого света, а, наоборот, световое отражение Земли, освещённой лучами «дня», на определённой части небесного свода.

Происхождение жизни

Эмпедокл пытается понять, как произошли живые организмы. До образования Солнца, рассуждает он, Земля находилась в тинообразном состоянии и согревалась внутренним огнём. Этот огонь стремился вверх и поднимал пузыри из тинистой массы, придавая ей разнообразные формы. Так появились растения – разветвления этой земной тины.

Примерно так же возникли и животные формы. Сначала это были отдельные органы – головы без шей, глаза без голов, руки без туловищ. Потом под влиянием любовного смешения стихий эти члены стали соединяться как попало. Получились самые фантастические чудовищные сочетания,

в которых смешивались человеческие и животные формы. Борющаяся с Любовью Вражда разрушает эти случайные чудовищные образования, не приспособленные к борьбе за существование. Но Любовь продолжала своё творчество и постепенно, путём естественного отбора получились жизнеспособные формы, которые приспособились к среде и были способны к размножению. Теперь животные возникают уже не из тины, а путём полового размножения. Свойственное нам любовное влечение есть частное проявление великой космической силы Любви. Вражда бессильна против этого процесса и не может его остановить. Таков, как выразился русский философ С. Н. Трубецкой, «мифологический дарвинизм» Эмпедокла.

Касаясь сферы божественного, Эмпедокл утверждал, что бог не доступен чувственному познанию. Его можно созерцать лишь умом. Бог не человекоподобен, он есть «дух, святой и несказанный, оббегающий весь космос быстрыми мыслями».

Заключение

Философ высказал немало гениальных мыслей, которые не могли быть подтверждены опытным путём. Так, он утверждал, что свету требуется определённое время для распространения. Мы не воспринимаем эту скорость, потому что она слишком велика. Даже Аристотель в IV в до н. э. считал это мнение ошибочным. Эмпедокл полагал, что невозможно овладеть врачеванием, не зная, не исследовав человека.

ГЛАВА 8. АНАКСАГОР

(ок. 500 – 428 до н. э.)

Первый греческий философ, деятельность которого протекала собственно в Греции, а не в греческих городах Малой Азии или Сицилии. Занимался математикой, астрономией, метеорологией. Истолкователь Гомера. Основоположник афинской философской школы, давшей впоследствии много блестящих мыслителей, в первую очередь – Платона и Аристотеля. Дружил с Периклом, его учениками были Фукидид, физик Архелай, Еврипид. Первым стал излагать философию в общедоступной форме. Его учение было известно всякому образованному афинянину.

Жизнь

Анаксагор родом из Клазомен – приморского городка малоазийской Ионии. Его отец – Гегесибул (или Евбул) был зажиточным человеком. После смерти оставил значительное состояние. Однако у Анаксагора было абсолютное равнодушие к любой практической деятельности, сторонился он и удовольствий. Уже в раннем возрасте у Анаксагора пробуждается страстный интерес к научным изысканиям. В молодости он любил наблюдать за небесными явлениями с вершины мыса Миманта, находившегося по соседству с Клазоменами. Отношение к небу имело у него не столько чисто научно-астрономический характер, сколько эстетический. Как-то его спросили, ради чего лучше родиться, чем не родиться, он ответил: «Чтобы созерцать небо и устройство всего космоса».

Полученное наследство он уступает ближайшим родственникам, а сам покидает Клазомены и отправляется странствовать. После посещения ряда городов Греции Анаксагор появляется в Афинах и там обосновывается, целиком

посвятив себя науке, т. е. став учёным-профессионалом. Для Афин V в. это был новый тип человека. Все предшественники Анаксагора (Фалес, Пифагор, Ксенофан, Гераклит, Парменид) были государственными деятелями, поэтами, но профессиональных учёных среди них не было. Афины были родиной государственных деятелей, законодателей, полководцев. И вот они обрели первого крупного философа.

Анаксагор начинает занимать заметное место в духовной элите города, чему способствовала его дружба с вождём демократической партии Периклом. Когда положение Перикла в качестве главы государства стало менее прочным, его политические противники начали судебные преследования против тех, которые были к нему близки, в том числе против Анаксагора. Он обвинялся в безбожии и в распространении учений о естественных причинах солнечного и лунного затмения, землетрясений, о небесных светилах, которые противоречили традиционным религиозным представлениям.

Утверждения Анаксагора, что звёзды – это раскалённые камни, оторванные от Земли силой космического круговращения, что Солнце – огромная воспламенившаяся глыба, а Луна – тело, во многом подобное Земле, и, может быть, обитаемое, не могло понравиться ревнителям старых традиций и обычаев. И он первый подвергся преследованиям за свои воззрения. Философу грозил смертный приговор. Его спасло только красноречие Перикла. При его же содействии Анаксагор выходит из тюрьмы и тайно покидает Афины. «Не я потерял Афины, – гордо говорил он, – а афиняне потеряли меня».

Среди афинян Анаксагора выделяли некоторые индивидуальные черты. Во-первых, это отсутствие узкого патриотизма, приверженности к родному полису. Когда Анаксагор умирал в Лампсаке, друзья спросили его, не желает ли

он быть перевезённым на родину, в Клазомены, он сказал: «Совсем этого не нужно: ведь путь в подземное царство отовсюду одинаково длинен». Подобный космополитизм, осознание себя гражданином Вселенной не был типичен для V в. Этим он предвосхитил мироощущение философов эллинистической эпохи. Вторая черта Анаксагора – равнодушие к материальным благам. Отказавшись от наследства, он полагал, что тем самым он обрёл внутреннюю свободу, необходимую для философа. Быт Анаксагора отличался скромностью и простотой. Кроме того, он был неизменно серьёзен (его никогда не видели ни смеющимся, ни улыбающимся) и, видимо, не отличался особой общительностью. Для Анаксагора характерна твёрдость духа в любых, даже самых тяжёлых для него обстоятельствах. При получении известия о смерти сына он сказал: «Я знал, что родил его смертным». Узнав о вынесении ему смертного приговора, Анаксагор спокойно сказал: «Природа давно присудила [к смерти] и меня, и их [судей]».

Последние годы Анаксагор проводит в Лампсаке – богатом торговом городе на берегу Геллеспонта. Умер Анаксагор в 428 г., окружённый почётом и уважением лампсакских граждан, которые поставили ему памятник – жертвенник, посвящённый Уму и Истине. В течение длительного времени после смерти философа горожане устраивали в его память ежегодные детские празднества. Кроме того, в соответствии с его завещанием годовщину его смерти отмечали в основанной им философской школе днём отдыха.

Космогония и космология

В центре учения Анаксагора о природе находится космогоническая концепция – о происхождении и эволюции космоса. В качестве исходного первовещества Анаксагор взял воздух, исходя не из мифологических традиций, а из

конкретных физических соображений. Воздух – наиболее удобный элемент для объяснения механизма образования вещей. Как и предшественники, Анаксагор считал, что мир получил развитие из неопределённого и бесформенного первичного состояния. Оно представляло собой смесь всех веществ. Эти вещества были раздроблены на бесконечно малые, не воспринимаемые нашими органами чувств, частички, перемешанные настолько совершенным образом, что ни одно из веществ не преобладало ни в какой точке пространства.

Идея первичной смеси была оригинальной, не имевшей непосредственных предшественников в прошлом. Эта первичная смесь обладала характерной особенностью: она лишена какого бы то ни было движения. До начала процесса космообразования бесконечно малые частицы бесчисленных «существующих вещей» неподвижно покоились каждая в своём месте. Они не изменялись и не перемещались, ибо не было ничего, что побуждало бы их изменяться и перемещаться. Это тоже было новым. У Анаксагора движение не является свойством, изначально присущим вещам нашего мира. Вещи покоились неподвижно в составе первичной смеси. Движение было привнесено в неё внешним фактором, который Анаксагор назвал Разумом – Нусом.

В определённый момент времени в каком-то ограниченном участке пространства Разум сообщает первичной смеси мощное круговращательное движение. Это круговращение начинает затем расширяться в силу того, что приведённые в движение частицы смеси увлекают за собой соседние, ещё неподвижные частицы, находящиеся на периферии вихря. Захватывая всё большие участки пространства и приводя в движение всё большие области первичной смеси, космический вихрь, по-видимому, замедляется: он как бы растрчивает свою энергию. Первичный толчок, вызвав-

ший круговращение смеси, определил весь ход дальнейшего процесса космообразования. Люди воспринимают мировое круговращение в форме суточного кругового движения звёзд, Солнца и Луны.

Круговое движение приводит к разделению первичной смеси на ряд компонентов. Прежде всего, происходит разделение эфира и воздуха. Эфир, совпадающий с огнём, является носителем сухого, светлого и тонкого начал. Воздух обладает противоположными свойствами. Выделение компонентов продолжается, они образуют ряд слоёв. В центре концентрируются наиболее плотные, влажные и холодные вещества. В дальнейшем из них формируется Земля, принимающая вид плотной, расплющенной лепёшки. В подвешенном состоянии она поддерживается находящимся под ней воздухом. Сухие же и горячие компоненты отбрасываются к периферии космоса, где находятся массы эфира.

Изложенный процесс пока не объяснял возникновение разнообразных вещей в окружающем мире. И Анаксагор обращается к положению «Подобное стремится к подобному». Его смысл сводится к тому, что приведённые в движение тождественные по своим свойствам частички первичной смеси стремятся соединиться, слиться, образуя значительные массы более или менее однородных веществ.

Названные два механизма в единстве определяли весь дальнейший ход процесса космообразования. По мере дифференциации оболочек космоса их движение приобретает всё более неравномерный характер. Внешняя, эфирная оболочка продолжает вращаться с большой скоростью, захватывая всё новые массы окружающей смеси. Вращающиеся массы эфира воздействуют на края земного диска, отрывают от них выступающие глыбы и камни и увлекают их в своём движении. Под действием эфирного жара и в результате трения эти глыбы и камни раскаляются и делаются светящимися.

Самая большая из этих глыб – Солнце, величиной превышающее Пелопоннес. Другая большая глыба, оторвавшаяся от Земли, – Луна, которая движется по более близкой к Земле орбите и поэтому менее раскалена. Анаксагор первый объяснил, что Луна получает свой свет от Солнца. На Луне можно заметить возвышенности, низменности и глубокие впадины. Философ даже допускал возможность существования на Луне живых существ. Более мелкие камни, вспламенившиеся под действием эфира, – звёзды, которые удалены от Земли дальше, чем Солнце и Луна. Отдельные камни продолжают падать на землю – это метеориты. Анаксагор впервые дал, в принципе верное, объяснение солнечных и лунных затмений, чем нанёс серьёзный удар различным предрассудкам.

При всей наивности понимания ряда астрономических вопросов Анаксагор придерживался прогрессивной для того времени общей методологической тенденции: отрицания сколько-нибудь существенных отличий мира земного от мира небесных светил. Она не была господствующей в древнегреческой науке. Для пифагорейцев и Платона небесные светила представлялись существами, имеющими божественную природу. Аристотель проводил резкую грань между миром земным и миром небесных сфер. У Анаксагора нет такого противопоставления, хотя он жил примерно на столет раньше Аристотеля. Весь космос у Анаксагора имел единую природу, в нём не было ничего божественного, сверхъестественного. Конечно, не только Анаксагор так считал, но у Анаксагора эта черта выражена особенно отчётливо.

Наряду с атомистами Анаксагора можно признать одним из основоположников позднейшей физической науки.

Учение о «семенах»

Анаксагор не согласился с милетцами, которые для объяснения бесконечного разнообразия видимых явлений принимали одну первичную стихию – воду, воздух, огонь. Он пишет о множестве бесконечно малых первичных материальных частицах, которые он назвал «семенами». Идея «семян» выражается формулой самого Анаксагора: «Всё заключается во всём», т. е. все качества, существующие в различных вещах физического мира, имеются и в каждом отдельном элементе. Кроме того, каждое отдельное «семя» подобно целому, т. е. включает в себя все качества существующего и в этом смысле бесконечно. Идея Анаксагора «всё во всём» получает своеобразное выражение в концепции взаимодействия элементарных частиц, развиваемой современной квантовой физикой.

Семена, утверждает Анаксагор, не созданы, не могут ни разрушаться, ни переходить друг в друга. Но это не эмпедокловы стихии, а основные первобытные тельца, отличающиеся друг от друга по своим качествам и однородные тела, которые из них образуются. Эти тельца не похожи и на демокритовские атомы, потому что среди них Анаксагор называет мясо, дерево и т. п. Характер вещи, ее свойства зависят от преобладания того или иного типа семян. Т. е. Анаксагор ввёл в философию понятие зависимости качества вещи от количественной стороны свойств.

Анаксагор высказывает оригинальную мысль о том, что в природе нет ни абсолютного максимума, ни абсолютного минимума. С одной стороны, Вселенная продолжает увеличиваться. С другой – каждое «семя» допускает возможность беспредельного деления. Нет никакого предела делимости для каждого «семени» и нет предела расширения области Вселенной, где движущая сила («ум») упорядочивает хаос «семян». Анаксагор утверждает: «И в малом

ведь нет наименьшего, но везде есть меньшее. Ибо бытие не может разрешиться в небытие. Но и в отношении к большему всегда есть большее. И оно равно малому по количеству. Сама же по себе каждая (вещь) и велика и мала».

Учение об «уме»

Космос поражал Анаксагора совершенной организацией, которая, как ему казалось, не могла быть результатом действия слепой, бессознательной силы. В мире должно быть некое упорядочивающее начало, которое приводит в действие ход мирового процесса и упорядочивает космос как единое развивающееся целое. Элементарные материальные частицы, или «семена», сами по себе лишены движения. Из покойного, хаотического состояния они должны быть выведены каким-то вечным началом, это вечное начало Анаксагор назвал Нусом, или Разумом, Умом. Движением этого ума, отделением разнородного и соединением однородного и был создан мир: «Все вещи были вместе: затем пришёл ум и привёл их в порядок».

Ум Анаксагор рассматривает как субстанцию, которая входит в состав живых существ и отличает их от мёртвой материи. Он всё приводит в движение, оживляет, проникая повсюду. Нус, пишет философ, «беспределен, самовластен и не смешан ни с какой вещью, но пребывает один сам по себе. ... Он есть легчайшее из всех вещей и чистейшее и обладает всяческим ведением обо всем и величайшей мощью. И всё, что только имеет душу, большое и малое, – всем этим владевает Ум. И всем круговращением Вселенной он владествовал, так что он положил начало этому круговороту». Аристотель за идею Ума как причины космоса и всего миропорядка назвал Анаксагора единственным трезвым по сравнению с прежними философами, «говорившими (пьяную) чушь».

Фрагменты из текстов Анаксагора показывают, что он колебался между двумя взглядами: является ли ум только механической причиной отделения друг от друга первоначально перемешанных частиц или же он разумная, даже «знающая» целесообразно действующая сила. В пользу второй позиции говорят слова самого Анаксагора: «...Он обладает совершенным знанием обо всём и имеет величайшую силу. ... Как должно быть в будущем, как (раньше) было, (чего ныне уже нет), и как в настоящее время есть, порядок всего этого определил ум. Он (установил) также это круговое движение, которое совершают ныне звёзды, Солнце, Луна и отделяющиеся воздух и эфир». Из этого текста ясно видно, что Анаксагор характеризует ум одновременно и как целесообразно действующую духовную силу, и как чисто механическую силу. Каким образом совмещаются эти две стороны ума – из оставшихся фрагментов Анаксагора установить невозможно.

Заключение

Анаксагору принадлежит ряд идей, которые опередили своё время: идея первичного толчка, мысль о расширяющейся вселенной, идея зависимости импульса силы от скорости, идея роли руки в развитии человека (ум единообразен: в животном он так же хорош, как и в человеке, видимое превосходство человека обусловлено наличием у него рук). Анаксагор предугадал химическое понятие элемента. Утверждая, что хаос – естественное свойство вещей, философ как бы предвидел современное учение физики об энтропии.

ГЛАВА 9. СОФИСТЫ

Во второй половине V в. до н. э. в Греции появляются софисты. В условиях античной рабовладельческой демократии риторика, логика и философия оттесняют в системе образования гимнастику и музыку. Риторика – искусство красноречия – становится царицей всех искусств. В судах и народных собраниях умение говорить, убеждать и переубеждать становится жизненно важным. Поэтому появились платные учителя «мыслить, говорить и делать» – софисты.

Слово «софист» в буквальном переводе с греческого языка означает «учитель мудрости»: так называли преподавателей, которые обучали других людей логике и искусству спора, то есть давали им образовательные навыки, необходимые в условиях демократии.

При оценке воззрений софистов исследователи наталкиваются на значительные трудности. Из их сочинений практически ничего не сохранилось, а изучение при помощи не прямых сведений сложно тем, что они не стремились создать определенную цельную систему знаний. Расцвет деятельности софистов падает на период Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н. э.). Во время жизни Аристотеля софистика уже приходит в упадок.

Относительно исторической последовательности можно говорить о «старших» и «младших» софистах. Старшие софисты (Протагор, Горгий, Гиппий, Продик, Антифонт) исследовали проблемы политики, этики, права, государства, языкознания. Все прежние принципы они подвергали сомнению, все истины объявляли относительными. Релятивизм, перенесённый в теорию познания, привёл софистов к отрицанию объективной истины и к абсолютизации истины субъективной. У младших софистов (Фразимах, Критий, Алкидам, Ликофрон, Полемон, Гипподам) софистика вырож-

дается в «жонглирование» словами, в фальшивые приёмы доказательства истинности и лживости любыми средствами. Именно из-за младших софистов в позднейшее время понятие «софист» приобрело уничижительный характер.

К наиболее видными представителями старших софистов относятся Горгий, Протагор, Гиппий, Продик и Антифонт.

Протагор (ок. 500 – ок. 420 гг. до н. э.)

Основателем софистической школы считается Протагор. Он родился в Абдерах – городе, где родился и Демокрит, поэтому иногда его считают учеником Демокрита. Дважды посещал Афины, создал кодекс законов для города Фурии. Его отец был богатым человеком, однако в молодости Протагор промышлял ремеслом носильщика дров. В дальнейшем он стал профессиональным преподавателем риторики и эристики – искусства речи и искусства спора. Протагор объездил всю Элладу. В Афинах был схвачен и приговорён к смертной казни за книгу «О богах», которая была конфискована и публично сожжена. После изгнания из Афин Протагор утонул в Мессинском заливе на пути из Южной Италии на Сицилию. Согласно свидетельствам Протагор был автором более десяти работ, основной и самой знаменитой среди которых был трактат «О богах».

В онтологии Протагора основными принципами являются релятивизм и материализм. Протагор утверждал, что:

- основные причины всех явлений находятся в материи;
- главное свойство материи это не её объективность и вещественность, а её изменчивость, текучесть;
- принципы текучести Протагор распространил не только на саму материю, но и на познающего эту материю субъекта, то есть, по его утверждению, изменяется не только мир (объект), но и познающее его одушевленное тело (субъект);

– ничто не существует само по себе, а всё существует и возникает лишь в отношении к другому;

– всё изменяется не как попало, а так, что все существующее в мире постоянно приходит в свою противоположность. Поэтому всякая вещь содержит в себе противоположности.

Из своих онтологических принципов Протагор делает следующие гносеологические выводы:

– если всё изменяется и переходит в противоположное себе, то о каждой вещи возможны два противоположных мнения;

– каждое из этих мнений равно может претендовать на истинное. Поэтому объективной истины нет. Истина предстает человеку такой, какой он хочет её представлять, то есть все изречённое – истина.

Но в такой ситуации человек не может ориентироваться в мире. Он должен выбирать между двумя противоположными мнениями. В этом его свобода как свобода выбора. Именно поэтому Протагор пишет свой знаменитый тезис: «Человек – мера всех вещей, существующих, что они существуют и несуществующих, что они не существуют». Впоследствии Платон переформулировал этот тезис так: «Мера всех вещей – человек и, следовательно, какими мне представляются вещи, такими они и будут для меня, а какими тебе, такими они будут для тебя».

Но что же позволяет человеку делать выбор и давать оценки? Каков критерий этих действий? Главным критерием, по Протагору, является выгода. Поэтому добродетель, как и все другие этические аспекты человеческой жизни, носит относительный характер.

Свой релятивизм (гносеологический и этический) и скептицизм Протагор распространял и на религию, проявив себя своеобразным атеистом. Смертный приговор, а затем

публичное сожжение книги Протагора – яркие события в истории античной философии. Причинами этого стала книга «О богах», начинавшаяся словами: «О богах я не могу знать ни того, что они существуют, ни того, что их нет, ни того, каковы они по виду. Ибо многое препятствует знать это: и неясность вопроса, и краткость человеческой жизни».

Протагор критикует старогреческих богов с позиций разума (задача которого разбираться в ясно поставленных вопросах) и личного опыта человека (основанием которого являются ощущения). Критерий истинности в вопросе о существовании/не существовании богов связан с индивидом. То есть верить или не верить – личное дело каждого.

В этом свете мышление предстает как собственная сила человека и его орудие. Оно должно служить задачам и целям человека (отсюда и берётся выгода как критерий выбора).

Итак: релятивизм, сенсуализм, атеизм и скептицизм – основные характеристики воззрений Протагора. Их разделяют с различными акцентами все старшие софисты.

Другие старшие софисты

Горгий – виднейший сторонник релятивизма среди софистов. Он приводит три тезиса в обоснование этой позиции:

а) ничего не существует; б) если что-то и существует, его нельзя познать; в) если это и можно познать, то нельзя его передать и объяснить другому.

Горгий очень высоко ценит философию в противовес частным наукам.

Он первый оторвал речь от мышления, а мышление от бытия, тем самым положив начало изучению субъективности процесса мышления. По Горгию, можно мыслить и то, что не существует, то есть саму мысль (рефлексия).

О Гиппии, Продике и Антифонте известно мало. Гиппий занимался астрономией, музыкой, геометрией. Он нашел геометрическое определение кривой. Преподавал искусство развития памяти – мнемонику. Он занимался также грамматикой и искусствоведением.

Продик занимался проблемами языка. Он утверждал, что прежде, чем философствовать, надо научиться правильно употреблять слова. Интересна позиция Продика в отношении религии. По его мнению, религия возникает вследствие того, что люди поклонялись полезным им явлениям природы. А сами боги и есть антропоморфические выражение этой пользы. Вместе с тем Продик был (по свидетельству Филострата) «рабом денег и был предан наслаждениям».

Антифонт занимался математикой (весьма неудачно) и этикой. Для него, как и для Гиппия, веления природы и требования закона носят антагонистический характер. Источник всех человеческих бед он видит в том, что законы заставляют людей поступать вопреки своей природе. Поэтому человек должен быть двуличным: делая вид, что подчиняется законам, оставаясь наедине, поступать сообразно природе. Утверждая, что предписания законов суть результат соглашения (договора) людей, а веления природы – сами возникшие врожденные начала, Антифонт выступает как родоначальник теории общественного договора. Поэтому рабство, по Антифону, – общественное установление, противоречащее природе человека. Люди подобны друг другу как природные объекты и «все во всех отношениях равны». Рассказывают, что когда Антифонт (следуя своим тезисам) отпустил своих рабов на волю, а сам вступил со своей бывшей рабыней в брак, то он был объявлен сумасшедшим и лишен гражданских прав.

Младшие софисты

(конец 5 в. до н. э. – начало 4 в. до н. э.)

Среди них наиболее интересны Алкидам, Трасимах, Критий и Калликл. Алкидам, развивая тезисы Антифонта, утверждает, что «Бог создал всех свободными, природа никого не создала рабом».

Критий доказывает, что главная польза богов в том, что они следят за прегрешениями людей, а сочинили их в роли надсмотрщиков древние законодатели.

Трасимах, по словам Цицерона, первым изобрёл правильный склад прозаической речи. Он вошел в историю как непревзойденный оратор. Кроме того, Трасимах обосновывает глубокую мысль о том, что политическая справедливость – это выгода сильнейшего, то есть он вплотную подходит к мысли о классовом характере права и морали. «Справедливостью считается то, что пригодно существующей власти». Он видит в государственных законах больше смысла, чем тот же Антифонт, ибо государственные законы не только плод договорённости, но и выражение интереса власть имущих.

Критий же утверждает, что законы государства устанавливают не просто по соглашению, а в соответствии с необходимостью и служат воспитанию людей. Воспитание он читает главным орудием улучшения людей. Критий рассматривает государство и религию как средства, делающие плохих от природы людей хорошими, а террор – как средство управления, без которого не может обойтись ни одно государство. Одним из главных человеческих пороков Критий считает пьянство.

Значение софистики

Несмотря на отсутствие целостных философских систем, софисты внесли достойный вклад в развитие античной и последующей философии.

Софисты совершили очень важный поворот в философии: от изучения мира они перешли к изучению человека. Они увидели относительность наших представлений о мире, утвердили субъективность как сторону процесса мышления. Софисты первыми в Древней Греции создали культ слова, соединив логику и риторику. Они принимали активное участие в политической жизни греческих городов-полисов, формируя при этом своё понимание природы общества и закона. Основная установка софистов состояла в отрицании слепой веры и зарождении сомнения во всём. Деятельность софистов явно была направлена против предрассудков и традиций

Отрицание объективности как стороны истины не только предвосхитило субъективизм Нового времени, но и представило человека как активного субъекта познавательного процесса. Не менее радикальными софисты были и в отношении религии. Несмотря на разницу позиций в этом вопросе, практически все они рассматривали богов как изобретение человека.

Многие из тезисов софистов легли в основу последующих оснований релятивизма, прагматизма, сенсуализма, атеизма, теории общественного договора. Наконец, софисты по праву считаются основателями античной риторики.

ГЛАВА 10. СОКРАТ (469–399 гг. до н. э.)

В истории философии, пожалуй, нет фигуры более известной, чем Сократ. Ещё в древности в сознании людей он стал воплощением мудрости, идеалом мудреца, поставившего истину выше жизни.

Жизнь

Сократ родился в семье Софрониска – то ли каменотёса, то ли скульптора, – и повитухи Фенареты. Отец не мог дать сыну блестящего образования. Как и остальные афинские дети, Сократ получил общедоступное начальное образование. Дети в Афинах получали так называемое мусическое и гимнастическое воспитание. Мусическое воспитание – общее музыкальное (умение играть на флейте и кифаре, пение и пляска) и литературно-словесное (изучение языка – письмо и чтение, заучивание наизусть и комментирование текстов эпических, лирических и трагических поэтов – Гомера, Гесиода, Пиндара и др.) образование. Обучали также счету – арифметике и началам геометрии.

Нам не известны учителя Сократа. Он сам образовал себя чтением и беседами со знающими людьми, прочитал произведения старых философов, слушал лекции и беседы Анаксагора, Парменида, Зенона, Архелая, Продика, Протагора и других известных философов и софистов.

Отец Сократа хотел, чтобы сын стал ваятелем, но в Сократе рано проснулись философские вопросы и сомнения. Он повиновался внутреннему голосу и сделался общественным учителем и моралистом-просветителем.

Сократу исполнилось 18 лет и перед ним, как и перед его сверстниками, встал весьма важный вопрос о наделении гражданскими правами и официальном признании гражда-

нином Афинского государства. После прохождения определенной процедуры Сократ произнес следующую, обязательную в Афинах, гражданскую присягу: «Я не посрамлю священного оружия и не покину товарища, с которым буду идти в строю, но буду защищать и храмы и святыни – один и вместе со многими. Отечество оставлю после себя не умышленным, а большим и лучшим, чем сам его унаследовал. И я буду слушаться властей, постоянно существующих, и повиноваться установленным законам, а также и тем новым, которые установит согласно народ. И если кто-нибудь будет отменять законы или не повиноваться им, я не допущу этого, но буду защищать их и один и вместе со всеми. И я буду чтить отеческие святыни...» (1, 6–7).

Всю свою долгую и бурную жизнь Сократ оставался верным этой присяге, был мужественным и законопослушным патриотом афинского полиса.

Сократ отбывал воинскую службу в качестве гоплита – тяжеловооруженного пехотинца. Принял участие в трёх военных операциях, показав себя мужественным и выносливым воином, не теряющим присутствия духа при отступлении войска и верным по отношению к соратникам.

В 20 лет Сократ занялся делами отцовской профессии и какое-то время тоже обрабатывал камни. Это было нечто среднее между ремеслом и искусством, требовало значительных физических усилий, большого мастерства и тонкого умения.

Сократ был скорее беден, чем богат. Он получил небольшое наследство, вёл непритворливый образ жизни и не жаловался на свою судьбу.

Предполагают, что Сократ женился довольно поздно, когда ему было более сорока лет. Его жена – Ксантиппа – ещё в древности приобрела громкую репутацию сварливой и несносной женщины. Дело в том, что она была обыкновен-

ной женой, далёкой от философских увлечений мужа и его проповеднической деятельности. Все заботы о домашнем хозяйстве и воспитании детей (у них было трое сыновей) легли на её плечи. Неудивительно, что Ксантиппа называла Сократа «болтуном» и «бездельником», нередко устраивала ссоры, на что он реагировал с истинно философской невозмутимостью.

Сократ рано получил большую известность в Афинах своим оригинальным складом ума, неповторимостью духовного облика, в котором чувствовалось что-то загадочное, неуловимое, сокровенное. Но особенно он поражал всех странностью поведения. В отличие от софистов, этих платных учителей мудрости, щеголявших в пышных одеждах, Сократ всегда ходил в грубом плаще, чаще всего босой и поражал тем, что за наставления не брал плату. По примеру софистов он мог бы заняться философией, сделать её источником больших доходов, но Сократ считал, что торговать мудростью ещё хуже, чем продавать тело.

Философ целыми днями бродил по афинским улицам и площадям и вступал в долгую беседу о самых разнообразных вопросах со всяким желающим. Но особенно он искал общество молодых людей, т. к. они были более восприимчивы к его наставлениям. Сократа можно было встретить на рыночной площади, в мастерской оружейника, плотника, сапожника, в гимнасиях и палестрах, в общем, почти везде, где он мог общаться с людьми и вести беседу. Вместе с тем, он избегал выступлений в народном собрании, на суде, в других государственных учреждениях.

Иногда Сократ останавливался посреди улицы и часами стоял на одном месте в задумчивости, в глубоком размышлении. Наружность его тоже была странная: она делала Сократа комичным в глазах афинян, которые во всем требовали красоты и изящества. Эллинские греки высоко ценили

лица, которые отличались правильными чертами, тонкими губами, прямым носом, сверкающими глазами, проникновенным взглядом. У Сократа же был приплюснутый и вздернутый нос, широкие и раздутые ноздри, толстые и чувственные губы, одутловатое лицо. Глаза у него были навывкате, смотрел он чуть исподлобья. Сократ был невысокого роста, приземистый, с отвисшим животом, короткой шеей, большой лысой головой с огромным выпуклым лбом. Словом, внешний вид Сократа противоречил всем представлениям греков о красоте, был как бы карикатурой на них. Однако этот человек со столь непривлекательным внешним обликом обладал огромным личным обаянием.

Сократ проявил не только военную доблесть на полях сражений, но и гражданское мужество в сложных событиях общественно-политической жизни своей родины. В вопросе об участии в политике государства он занимал весьма своеобразную позицию. Философ сознательно избегал участия в государственной жизни. Он ссылаясь при этом на принципиальное расхождение его внутреннего убеждения относительно справедливости и законности с наблюдаемым множеством несправедливостей и беззаконий, которые совершаются в государстве. В то же время, Сократ не считал себя вправе уклоняться от выполнения гражданских обязанностей (посещение народного собрания, участие в суде присяжных и т. д.), налагаемых на него законами государства.

Летом 406 г. до н. э. афинский флот одержал блестящую победу над пелопонесским при Аргинусских островах близ острова Лесбос. Это была последняя победа афинян в Пелопоннесской войне, но военное счастье обернулось большой бедой для победителей-стратегов. Вместо наград и почестей в Афинах их ожидали неправый суд и строгая кара.

Что же произошло? Разыгравшаяся после сражения буря помешала победителям спасти экипаж тонущих судов,

а также подобрать и похоронить трупы погибших, как того требовали обычай и закон. Когда весть об этом дошла до Афин, в народе пошли толки, начались волнения. Закипела страстная борьба вокруг вопроса о предполагаемых виновниках печального события. Против шести из восьми страгетов было возбуждено судебное дело.

По нормам афинского судопроизводства требовалось судить каждого виновного в отдельности и выносить приговор индивидуально, но один из членов суда предложил решить вопрос о вине всех сразу путём голосования, хотя и тайного, в народном собрании, а не на суде присяжных. Как противозаконное, это предложение сначала было отклонено. Членам суда начали угрожать, и при повторном обсуждении предложение было принято. Только один проголосовал против. Этот единственный, не побоявшийся угроз и непоколебимо стоявший на страже закона и законности, был Сократ. Такой поступок едва не стоил ему жизни или, во всяком случае, заключения в тюрьму.

Когда власть в Афинах перешла к Тридцати тиранам, неповиновение им Сократа было примером гражданского мужества. Вместе с четырьмя другими лицами он получил приказ об аресте одного из противников олигархов, осуждённого на казнь. Сократ демонстративно отказался от выполнения приказа, опять-таки, несмотря на реальную угрозу самому стать жертвой террора.

Точно так же он поступал и при демократическом строе. Если большинство было готово в тех или иных случаях отступить от закона или законности, нарушить ими же самими установленные и обязательные для всех законы, Сократ выступал против этого большинства.

Смерть Сократа стала историческим явлением. Трое сограждан — молодой и честолюбивый посредственный трагический поэт Мелет, владелец кожевенных мастерских

Анит и влиятельное лицо среди демократической партии оратор Ликон – возбудили против Сократа судебный процесс. В обвинении было сказано, что Сократ преступает закон тем, что «не чтит богов, которых чтит город, а вводит новые божества, и повинен в том, что развращает юношество; а наказание за то – смерть» (2, 16).

В этом обвинении фактически не было наговора. И в самом деле, Сократ учил сограждан, в том числе молодёжь, руководствоваться авторитетом собственного разума. Он «портит» молодёжь, т. к. подрывал традиционные устои воспитания, основанные на почитании внешнего авторитета. Сократ прямо не подрывал авторитета религии, законов, родителей, но провозглашаемые им принципы добродетельной жизни находились в явном противоречии с традиционными установками, с устоявшимися законами народной жизни. Тем не менее, он считал, что его деятельность – благо для Афин, и сожалел, что его обвинители и остальные сограждане не понимают этого.

Весной 399 г. до н. э. Сократ предстал перед судом. Надо сказать, что его обвинители не добивались его смерти. Они были бы вполне удовлетворены, если бы Сократ не явился на суд и добровольно удалился из Афин. Но Сократ, вполне сознавая грозящую ему опасность, на суд явился.

В своей речи он выступил не как обвиняемый, а как наставник, призывающий своих сограждан ценить духовные блага выше материальных. Он считал недостойным для себя и для судей, а также «для чести всего города» просить суд и самих афинян об оправдании, слёзно упрашивать их о помиловании. По той же причине он не привел с собою детей, родных и друзей, чтобы разжалобить судей.

Сократ был признан виновным. В практике судопроизводства греческих полисов было принято, чтобы обвиняемый после признания его виновным сам предлагал себе меру наказания, которую он заслуживает в собственных

глазах. Это давало возможность смягчить наказание, что свидетельствовало о гуманности судопроизводства афинян.

Если бы Сократ предложил себе какое-либо наказание, то дело кончилось бы уплатой штрафа, заключением в тюрьму или же изгнанием из Афин. Но он неожиданно для суда сказал, что для него, человека заслуженного, но бедного, нуждающегося в досуге для назидания своих граждан, нет ничего более подходящего, чем получать обед за общественный счёт в знак почёта и особых заслуг перед государством. Предложение Сократа шокировало суд и было расценено как дерзость. Оно вызвало недовольство и гнев многих судей. Сократ продолжал, что если всё же необходимо назначить какое-то наказание, то он готов уплатить одну мину серебра, ибо он беден. Состоятельные друзья уговаривают его увеличить штраф до 30 мин, которые они поручаются уплатить за него.

Судьи не поддержали и предложение об уплате штрафа. Суд вынес Сократу смертный приговор. Таким образом, не обвинение само по себе явилось причиной сурового наказания: решающую роль здесь сыграло поведение Сократа на суде.

Обычно смертный приговор приводился в исполнение сразу же после его вынесения, но в данном случае исполнение приговора было отложено на 30 дней. Дело в том, что афиняне ежегодно отправляли на остров Делос к храму Аполлона священное судно с дарами. Этим самым исполнялась клятва Тезея, данная им богу Аполлону после уничтожения чудовища Минотавра на Крите и избавления Афин от уплаты дани (семь юношей и семь девушек на съедение Минотавру) критскому царю Миносу. Со дня отплытия священного посольства и до его возвращения в Афины смертная казнь запрещалась.

Друзья Сократа воспользовались этим обстоятельством. Они навещали его в тюрьме, вели с ним беседы и

готовили побег, осуществить который было несложно. Но Сократ остался верным отечественным законам. Мотивы отказа от побега вытекают из учения Сократа и сводятся к тому, что несправедливый поступок есть зло и позор для совершающего его, и притом во всех случаях. Тем более нельзя совершать несправедливости в отношении отечественных законов. Ведь только благодаря им существует государство, благодаря им Сократ родился от законного брака. Он обязался поддерживать, а не подрывать законы своего отечества. Как против отца и матери, так и тем более против государства и его законов, недопустимо учинять насилия, даже если испытываешь от них несправедливость, в том числе такую незаслуженную кару как осуждение на смерть.

Сократ исходил также из того, что если он своим бегством из тюрьмы нарушит законы, то это явится косвенным подтверждением справедливости обвинения его в нарушении законов и соращении юношества. Говоря от имени законов, Сократ замечает, что ему, всю жизнь учившему справедливости и добродетели, не пристало противоречить себе в поступках и бежать из тюрьмы в страхе перед смертью, наподобие жалкого раба. И где ему найти новую родину, если на своей родине он стал нарушителем её законов?

Сократ простился с детьми, женой и родственниками и посвятил оставшееся время беседе с друзьями. Друзья философа были подавлены мыслью о предстоящей разлуке с ним и в то же время поражены величиим его духа, его истинно философским спокойствием и необычайным мужеством перед смертью.

Сократ отказался ждать захода солнца, как ему советовал один из друзей, и попросил принести ему чашу с ядом — цикутой. Когда слугитель протянул чашу, Сократ взял её с полным спокойствием, поднес к губам, выпил до дна — спокойно и легко.

Искусство беседы. Ирония Сократа

Жизнь Сократа, как уже отмечалось, прошла в беседах. Это были не обычные житейские разговоры, а хорошо продуманный и умело применявшийся им способ исследования философских, моральных и политических проблем. Сократ не написал ни строчки – он философствовал устно, все свои взгляды высказал в беседах.

Сократ разговаривал со всеми и обо всём, но суть оставалась одна – постоянный поиск истины, справедливости и нравственности, должного в человеческих делах. Философ блестяще владел искусством спора, и тем не менее он принципиально противопоставлял себя софистам-спорщикам, а свои беседы – софистическим спорам, которые были нацелены на достижение внешнего эффекта победы над оппонентом. Софист-спорщик игнорировал существо дела, пользовался всевозможными словесными ухищрениями и уловками. Для Сократа беседа – это диалогическая форма обсуждения соответствующего предмета и поиска истины. Диалоги Сократа – это диалектика в действии, а диалектика – философское искусство вести диалог. Спорщики препираются и затемняют предмет спора. Беседующие же совместными усилиями стремятся к прояснению возникшей проблемы, причем знающий помогает своему собеседнику на этом пути познания.

Искусство беседы, по Сократу, требует исходить из того, что уже известно собеседнику, а не ошарашивать его сразу некоей неизвестной ему и непонятной истиной. Поэтому следует путём наводящих вопросов выяснить границы знания и незнания собеседника, помочь ему «вспомнить» то, что известно его душе. Ведь познание и есть воспоминание вечной души о том, что она знала ещё до рождения данного человека.

В ходе диалогических бесед человек, по Сократу, восстанавливает знания доставшейся ему бессмертной души, т. е.

духовно возрождается. Поэтому роль собеседника, посредством диалектики помогающего возрождению знания и его закреплению, он по аналогии с ремеслом своей матери-повитухи называл «маиевтикой», т. е. повивальным искусством.

С этой точки зрения Сократ не называл себя «учителем» тех, с кем он беседовал. Ведь рождённые в ходе беседы знания есть «плоды» его собеседников, а не результат особой мудрости Сократа, от которой он решительно открещивался. Сократ полагал, что от него слушатели не могут чему-то научиться. Но они могут с его помощью открыть в себе много прекрасного и разумного, если в них это уже заложено. Если же Сократ видел, что у его собеседников ничего не заложено, он отсылал их учиться к софистам.

Возрожденные посредством «повивального искусства» знания, чтобы их не растерять, необходимо, по Сократу, «связать» путём общих определений и понятий. Только так можно раскрыть сущность обсуждаемого предмета и достигнуть истинного знания о нём. Такова, собственно, цель сократовских бесед: обсуждение конкретных и частных явлений должно подвести к выяснению их сущности, к рассмотрению того, что же такое сами по себе добродетель, справедливость, мудрость, мужество и т. д. Получается, что Сократ использовал индуктивный способ восхождения к общим определениям.

Однако определения Сократом блага, мужества, справедливости и т. д. лишь по видимости являются выводом из предшествующего индуктивного рассуждения. На самом деле они представляют собой исходный принцип сократовского философствования. Сократ уже в начале беседы имеет соответствующие дедуктивные понятия, это и позволяет ему уверенно дирижировать ходом обсуждения. Спор как будто разворачивается в ключе индуктивных рассуждений, но его итог уже предопределен исходной установкой дедуктивного

характера. Опровергнуть в беседе Сократа значило обнаружить и отвергнуть невидимые начала его внешней аргументации, но его собеседники не вдавались в эти глубины.

Сократовская беседа исходит из предпосылки наличия объективной истины, признание которой делает разговаривающих собеседниками и объединяет их познавательные усилия. Свою уже выработанную позицию Сократ выдает за нечто общезначимое и объективное. Тем самым облегчалось согласие оппонента на саму беседу и на её результаты. Это не было каким-то хитроумием, это был акт сократовской мудрости.

Отличительной чертой диалектики Сократа, его способ ведения диалога и поиска общих определений являлась ирония. Сократ постоянно принижает себя, превозносит других, делает вид, что ничего не смыслит в предмете обсуждения и просит своего собеседника – без сомнения «мудрого» – вразумить его, Сократа, наставить на путь истины. Но постепенно выясняется, что собеседник не в состоянии ответить на его вопросы и объяснить что-либо толком. Ирония Сократа – это скрытая насмешка над самоуверенностью того, кто мнит себя «многознающим».

Сократ прикидывается простачком и всё время задаёт вопросы. Он сбивает самонадеянность «многознающего» тем, что обнаруживает противоречия в его суждениях, несоответствие между исходными посылками и конечными выводами. Сам Сократ говорил просто, примеры и сравнения брал из самой обыденной жизни. Он высмеивал тех, кто ни в чем не сомневался и кому всё было ясно и понятно. Ирония Сократа была направлена также против духа всего псевдосерьёзного, против слепого преклонения перед традицией и разного рода ложными авторитетами, почитание которых не обосновано убедительными доказательствами. Цель иронии Сократа не только в том, чтобы разоблачить, но и в том,

чтобы помочь человеку стать свободным, открытым для истины и для приведения в движение своих духовных сил.

«Познай самого себя»

Это изречение было начертано на храме Аполлона в Дельфах. Его автором по традиции считался спартанец Хилон – один из семи греческих мудрецов. Согласно преданию, Сократ в молодости посетил Дельфы. Его взволновала и захватила эта надпись, она и послужила толчком к философствованию и предопределила основное направление его поисков истины.

Это изречение закрепилось за Сократом, т. к. никто до него не сделал установку на самопознание основной частью своего учения и руководящим принципом всей своей деятельности. Центральной проблемой философии Сократа и главной темой всех его бесед становится человек и его место в мире. Тем самым был совершён поворот от прежней натурфилософии к моральной философии. В этой связи Цицерон метко заметил, что Сократ спустил философию с неба на землю.

Какой же смысл вкладывал Сократ в дельфийское положение? Самопознание – это познание человеком своего внутреннего мира, осознание того, что осмысленная жизнь, духовное здоровье, гармония внутренних сил и внешней деятельности, удовлетворение от нравственного поведения составляют высшее благо, высшую ценность. С этой ценностью не сравнимы никакие знания, какими бы полезными они ни были.

Положение «Познай самого себя» было для Сократа признанием души руководящим началом в человеке, призывом к заботе о душе, к осмысленной духовной жизни, к воспитанию благородства духа. «Ведь я только и делаю, что хожу и убеждаю каждого из вас, и молодого, и старого, – пе-

редает Платон слова Сократа, – заботиться прежде и сильнее всего не о теле и не о деньгах, но о душе, чтобы она была как можно лучше...» (3, 99). Философ был убеждён в том, что только на пути интеллектуального и морального проникновения в свое «я», в свой внутренний мир возможны самосовершенствование, добродетель и благая жизнь.

Способом реализации дельфийского «Познай самого себя» явилась уже упомянутая «майевтика» Сократа – метод, с помощью которого собеседник становится соискателем единой истины, единой добродетели. Таким образом, сократовское «Познай самого себя» – это поиск общих определений, поиск человеком своего внутреннего мира как высшей ценности, забота о своей душе, о своем назначении.

«Добродетель есть знание»

В центре сократовского философствования стоят вопросы о добродетелях, моральных качествах человека. По существу своему учение Сократа – это философия морали, этика.

Истинное познание, считал Сократ, познание посредством понятия, доступно лишь немногим: мудрецам, философам, но и им доступна не вся мудрость, а лишь незначительная её часть. Мудрость есть знание, но человек не в силах знать всё. Человеческая мудрость немногого стоит по сравнению с божественной мудростью. и уж совсем мало что значит в этом отношении обыденное, непросвещённое мнение.

Сократу принадлежит положение о мудрости знания человеком границ своего знания и незнания – «я знаю, что ничего не знаю». Это не ложная скромность, а его стремление к более глубокому знанию, к отказу от свойственного софистам накопления разнородных знаний, пригодных во всех случаях жизни. Кроме того, данное положение

фиксирует отношение человеческого познания к божественному разуму.

Философ стоит между богом и людьми, мудростью и невежеством. Пифагор, которому следует здесь Сократ, называл себя «философом», а не мудрецом, т. к. мудр один бог, а не человек. Философия как «любовь к мудрости» предстаёт как любовь к божественной мудрости.

Знание божественно, и только оно возвышает человека и уподобляет его богам. Большинство людей чурается знаний и руководствуется случайными влечениями и переменчивыми чувствами. Сократ же отстаивал принцип всеобщего господства разума – в природе, в отдельном человеке, в человеческом обществе в целом. В природе это проявляется как гармония и целесообразность во всём мироздании, в отдельном человеке – как господство разумной души над природным и неразумным телом, в обществе – как господство разумных законов и установлений, как правление знающих.

Знание имеет самое прямое отношение к добродетели. Люди поступают дурно потому, что не знают добродетели. Если бы люди знали, что такое мужество, справедливость, они были бы мужественными и справедливыми. А раз добродетель есть знание, значит можно научиться добродетели? Сократ отвечает – нет! Добродетели научиться нельзя. Дело в том, что Сократ различает знание и мнение. Если подходить строго, то знание и, следовательно, добродетель, по Сократу, – это божественный разум, доступный, и то не полностью, лишь философскому уяснению в понятиях.

Обычно люди только мнят, что знают, и их мнения в большинстве случаев мало чем отличаются от простого незнания. Но есть, замечает Сократ, и истинные мнения, которые находятся как бы между знанием и незнанием. Мнение, если оно истинно, ведёт к правильным действиям и добродетельным поступкам. Истинное мнение, как и знание,

руководя человеком, направляет его к верной цели и удерживает в границах добродетели. Такое истинное мнение и соответствующая ему добродетель доступны человеку, и он может при необходимых случаях им научиться.

Но истинные мнения, как и всякие мнения вообще, из-за их чувственной природы весьма изменчивы, текучи и преходящи. Только понятие придает мнению характер знания, а это доступно лишь философам, что и заключается в добродетели: во-первых, она делает человека пригодным ко всяким родам деятельности, а главное, во-вторых, она освобождает человека от рабства чувственности.

Если человек подчиняется чувственным страстям – он раб, теряет способность свободно избирать доброе. Человек чувственный – величайший враг самому себе, т. к. он губит свое достояние – душу и тело. Надо как можно меньше потакать низшим влечениям. Только тогда можно уподобиться божеству. Основание добродетели – самообуздание и самообладание. Только такой человек истинно наслаждается жизнью, является господином самому себе. Ещё одна добродетель – благочестие, т. е. знание того, что нужно богам. Наконец, справедливость – знание и исполнение того, что сообразно с законом.

Примечания

1. Нерсесянц В.С. Сократ. М., 1977.
2. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
3. Платон. Сочинения в трёх томах. Т. 1. М., 1968.

ГЛАВА 11. ПЛАТОН

(427 – 348 гг. до н. э.)

Основоположник объективного идеализма, один из самых выдающихся философов эпохи античности. Разрабатывал вопросы диалектики, теории познания, эстетики, педагогики. Влияние Платона на дальнейшее развитие философской мысли, науки и в целом европейской культуры огромно. Практически каждый последующий философский период, каждое течение в философии обращались к различным мотивам богатого наследия платоновской мысли и истолковывали их по-своему.

Жизнь

Платон родился в 427 году до н. э. на острове Эгина, но вскоре его родители переехали в Афины, и здесь проходит большая часть жизни философа. При рождении его назвали Аристокл. Платон – это прозвище, которое он получил впоследствии. По одной версии, так назвал его борец Аристон, у которого Аристокл занимался гимнастикой, за широкие плечи, по другой – прозвище связано с его широким лбом (греческое *platos* означает «широкоплечий», а также «полный»).

Платон был красив, отличался крепким телосложением и прекрасным здоровьем. Источники отмечают, что ему были присущи печать благородства, возвышенного идеального настроения, нежного нрава, восприимчивость к прекрасному, вдохновение к высокому и философское спокойствие, стремление к самообладанию, серьезность и простота, достоинство и веселость.

Платон происходил из очень знатного афинского рода. Родословная его отца восходит к последнему аттическому царю Кодру, который оставил глубокий след в исторической памяти афинян. Согласно мифологии, когда вторгшиеся в

Аттику северные племена дорийцев осадили Афины, они получили предсказание, что овладеют городом, если сохранят жизнь его царю Кодру. Узнав об этом, Кодр переоделся в лохмотья, вышел за ворота, затеял ссору с осаждавшими город солдатами и был убит. После этого дорийцы сняли осаду города.

Мать Платона также происходила из знаменитого афинского рода, к которому принадлежал известный государственный деятель и законодатель Солон. Избранный архонтом в период гражданской смуты, Солон вошел в историю Древней Греции как великий реформатор. Законы, созданные Солоном, уничтожили долговую кабалу, запретили продажу граждан за долги, аннулировали поземельные налоги, тяготевшие над мелкими земледельцами, установили свободу завещания и предполагали ряд мер, направленных на развитие торговли и ремесел. Благодаря этим и другим мерам, Солон положил конец анархии в Афинах и заложил основы для развития рабовладельческой демократии.

Платон получил обычное для того времени воспитание и образование. В школе он обучался чтению и письму, музыке и гимнастике, позднее – изучал философию, политику, право. В юности Платон увлекался живописью, поэзией, сочинял дифирамбы и трагедии. Одна из трагедий, по сведениям источников, была принята в театре и готовилась к постановке, когда двадцатилетний Платон стал свидетелем одной из бесед Сократа на улице перед театром. Впечатление от этой встречи было столь сильным, что перевернуло всю его жизнь. Он сжёг все свои поэтические опыты, и с этого времени стал одним из самых прилежных и преданных почитателей и учеников Сократа, а впоследствии – пропагандистом его идей и метода.

Влияние Сократа на всю творческую деятельность Платона сказалось и в том, что Сократ является действу-

ющим лицом в большинстве платоновских диалогов, в построении диалогов, в сократовском стиле поисков истины, в понимании назначения философии, смысла жизни человека и гражданина.

Жизнь Платона совпадает с драматическим периодом в истории афинского государства. Время наивысшего расцвета афинской демократии, культуры и искусства осталось позади. Несмотря на отдельные кратковременные периоды подъёма и стабильности, афинское государство двигалось к распаду.

Молодость Платона проходит в условиях затяжной Пелопоннесской войны, которая длилась почти тридцать лет (431–404 гг. до н. э.) и оказалась губительной для всей Греции. Дело в том, что благополучие афинских граждан строилось не только на эксплуатации рабов, но и на эксплуатации союзных городов, что приводило к конфликтам. Кроме того, Афины стремились расширить сферу своего экономического и политического влияния и в этом своём стремлении сталкивались с такими же интересами других полисов, и в первую очередь – с Пелопоннесским союзом, который возглавлялся Спартой. Это и привело к Пелопоннесской войне, в которой Афины потерпели поражение и навсегда утратили ведущую роль в Греции.

Через одиннадцать лет после смерти Платона Афины были подчинены Македонии, и хотя оставались формально самостоятельными, никогда уже не могли возродить былой славы и значения и, в конце концов, как и другие греческие города, были поглощены Римской империей. Этот драматизм гибнущего государства, по-видимому, остро ощущался философом и оказал влияние на характер поисков Платоном идеальной сущности мира и построение модели идеального государства.

Драматически складывалась жизнь и самого Платона. В 399 году по доносу философу Сократу было предъявлено обвинение в безбожии и развращении молодёжи, суд был скорый и неправый. И хотя никаких доказательств предъявлено не было, и не были допрошены свидетели, Сократ был приговорён к смертной казни. Платону, который хотел выступить в суде в защиту Сократа, слова не дали. Сократ, по существовавшему обычаю, сам выбрал вид казни и принял яд. Платон тяжело переживал смерть любимого учителя и вскоре на целые двенадцать лет покидает Афины.

Он побывал у своего друга Евклида в Мегарах, посетил Египет, который поразил Платона устойчивостью и внешней неизменностью государственной власти, встречался и беседовал там с египетскими жрецами. В северо-африканской Кирене он общался с известным математиком Феодором. В Южной Италии Платон познакомился и подружился с известным политиком, философом и ученым Архитом. Тот принадлежал к пифагорейской школе и обстоятельно и глубоко познакомил Платона с пифагорейскими взглядами и учениями в области математики, механики, политики и философии.

В 389 году из Южной Италии Платон прибыл в Сицилию по приглашению своего ученика Диона, который был братом жены сиракузского тирана Дионисия Старшего. Здесь он осмотрел остров и вулканы, познакомился с творчеством сиракузских поэтов Софрона и Эпихарма.

Однако, приглашая Платона, Дион преследовал и другую цель. Дионисий Старший отличался необузданностью нрава. При его дворе царила обычная для тиранических государств атмосфера интриг, страха и насилия, и вместе с тем – пьянство и разврат. Зная об антитиранических настроениях Платона, Дион хотел, чтобы он своей философией повлиял на Дионисия.

Сначала Платон был ласково принят при дворе, но его дружба с Дионом и его неприятие тирании как формы государственного устройства вызвали подозрение у Дионисия. Дворцовые интриги привели к тому, что Дионисий сначала хотел казнить Платона, а потом приказал продать его в рабство. Благодаря помощи друзей, Платон вскоре всё же вернулся в Афины.

На окраине Афин, в роще, сорокалетний Платон основывает свою школу – Академию, которая надолго пережила своего создателя и просуществовала почти тысячу лет, вплоть до 529 г. н. э., и была закрыта римским императором Юстинианом. Здесь изучали философию, политику, право, математику и другие науки. Слава Академии быстро росла, и в школу Платона стремились попасть не только юноши со всей Эллады, но и девушки. Многие из учеников Платона стали известными философами, политиками, законодателями. Но все же основным занятием Платона является его научная деятельность. Это главный и наиболее плодотворный период творческой деятельности философа. Именно в это время складывается его понимание философии как способности умозрительного постижения сущности мира, формируется его учение об идеях, которое составляет ядро всей его философской системы, и, наконец, именно теперь Платон пытается найти приложение своей теории к мировому государственному устройству.

В 361–360 гг. Платон прерывает свои занятия в Академии, чтобы совершить новое путешествие в Сицилию. Дело в том, что в 367 г. умер Дионисий Старший, и его место занял его сын Дионисий Младший, продолжавший традиции отца и в политической, и в бытовой жизни. Дион уверял Платона, что именно сейчас настало самое подходящее время для того, чтобы с помощью философских идей о справедливом устройстве государства воздействовать на Дионисия Младшего в благоприятном направлении. Платону

было шестьдесят два года, у него уже сложилась концепция идеального, справедливого государства, которую ему хотелось воплотить в жизнь, и, несмотря на возраст, он отправляется в путешествие.

Дионисий принял Платона по-царски, но от занятий философией уклонился, хотя всячески домогался лестных похвал со стороны философа в свой адрес. Вскоре Платон убедился, что его новая попытка усовершенствовать государственный строй с помощью философии не удалась. Он был обвинён в заговоре с Дионом и попытке совершить государственный переворот. Ходили даже слухи, что его хотели казнить. Но, хотя он и находился некоторое время под надзором, ему, в конце концов, удалось вернуться в Афины. Дионисий даже устроил торжественные проводы.

Ещё одна поездка Платона в Сиракузы, предпринятая для того, чтобы примирить Дионисия с Дионом, находившимся в изгнании, тоже не увенчалась успехом.

Платон был потрясён провалом всех своих попыток воплотить в реальность свою философскую модель идеального мироустройства, где бы правили мудрость и справедливость. Вернувшись в Афины, Платон оказывается в обстановке хаоса гибнущего государства, заговоров, политических интриг. Всё мельче становятся фигуры политических деятелей, сменяющих друг друга, всё меньше веры в человека, добро и справедливость.

Платон, очевидно, остро ощущавший надвигающуюся катастрофу, переживает, пожалуй, самый трагический период своей жизни, отличающийся разочарованием и склонностью к мистицизму. Из его диалогов, написанных в этот период, исчезает имя Сократа, страстного искателя истины. В последнем произведении Платона «Законы» нет даже упоминания об идеях, учению о которых он посвятил большую часть своей жизни.

Возможно, пытаясь задержать разрушение некогда славного Афинского государства, он создает в «Законах» образ тоталитарного, деспотического государства по образцу Египта с мельчайшей регламентацией поведения граждан и тяжелейшими наказаниями (чаще всего смертью) за любые их провинности. Платон считал, что такое государство легче осуществить, чем его прежнюю модель идеального строя.

Смерть застаёт его за этой работой, которая так и осталась незавершённой. Умер Платон в восьмидесятилетнем возрасте и был похоронен учениками на территории Академии.

Учение о познании и идеях

Платон был первым мыслителем, который понял, что в философских диспутах и спорах сформировались два вида философов. Одни из них, говорил Платон, всё совлекают с неба на землю и утверждают, что существует только то, что допускает прикосновение и осязание, и принимают тела и бытие за одно и то же. Другие же настаивают на том, что истинное бытие – это некие невидимые, умопостигаемые бестелесные идеи.

Сам Платон относится как раз к «другим». Он стал основоположником теоретически обоснованного объективного идеализма, согласно которому истинной реальностью является мысль, идея, понятие, обладающее надличностным бытием. К этому выводу философ приходит, рассматривая способности человека познавать окружающий мир и проникать в его сущность.

Вслед за своим учителем Сократом Платон пытается решить вопрос о том, что такое истинное знание, обосновать несостоятельность и противоречивость знания мнимого. Проблема эта родилась в споре Сократа с софистами, которые указывали на изменчивость окружающих человека вещей и изменчивость состояний и ощущений самого чело-

века, и на этом основании утверждали, что истинного знания быть не может. Один из наиболее известных софистов Протагор утверждал, что «человек есть мера всех вещей», имея в виду, что вещь такова, какой она в данный момент представляется данному человеку.

Возражая софистам, и, в частности, Протагору, Сократ утверждал, что мерой всех вещей является не человек, а бог, ибо миром правит божественная мудрость. Приблизиться к пониманию божественного миропорядка можно не через познание с помощью ощущений, а лишь путем умозрительного постижения божественной мудрости через понятия. Такое знание даётся не каждому, оно доступно лишь мудрецам. Но и мудрец, по мнению Сократа, мудр не во всем, а лишь в том, что он знает, потому что вся божественная мудрость не может быть открыта одному человеку.

Продолжая традиции Сократа в поисках истины, Платон пытается ответить на вопрос: что такое знание вообще, т. е. не знание отдельных вещей или каких-то взаимодействий, а знание как таковое, знание само по себе?

Большинство людей, считает Платон, в своих представлениях о вещах руководствуется показаниями органов чувств, и именно эти чувства и восприятия, а также выводы, основанные на них, считают вполне достаточными для признания знания о вещах истинными. Но в этом, подчеркивает он, и кроется самое большое заблуждение. В диалогах «Теэтет», «Менон», «Пир» и других Платон всесторонне рассматривает различные формы человеческого познания с тем, чтобы обнаружить несостоятельность и противоречивость мнимого знания и найти пути к знанию истинному.

Чувственное восприятие, по Платону, не может содержать в себе истинной природы вещи по двум причинам. Во-первых, человек познаёт вещь не такой, какой она является на самом деле, а такой, какой она представляется ему в дан-

ный момент. Предметы отражаются в душе каждого человека особенным, только для него свойственным, образом. Но и на одного человека одна и та же вещь может производить разное впечатление в зависимости от его состояния: здоров он или болен, весел или грустен, и даже от того, в каком месте он в данный момент находится.

Во-вторых, человек всегда имеет дело с такими вещами, которые не обладают устойчивостью. Они изменчивы, преходящи, не содержат в себе такого бытия, которое оставалось бы неизменным при всех превращениях и взаимодействиях.

Не могут претендовать на истинность и мнения, под которыми Платон понимал обобщения, созданные нашим рассудком и основанные на чувственном опыте. Мнение, как и восприятие, не проникает в сущность, поскольку основано на случайных и субъективных восприятиях вещей, и представляет собой предположение столь же случайное и произвольное. И если эти мнения объединены каким-то общим смыслом, их нельзя рассматривать как истинные, ибо и смысл относится к вещам не устойчивым, а к таким, которые находятся либо в стадии становления, либо в стадии разрушения.

Таким образом, ни один из этих видов познания, которые вполне устраивают обыкновенного человека, не может дать истинного знания, к которому должна стремиться мысль. Истинное знание, по Платону, – это знание сущности, т. е. того, что всегда равно самому себе, всегда одно и то же, неизменное и вечное. Сама возможность познания зависит от существования вечных и неизменных объектов.

Мир вещей, с которыми имеет дело человек и которые он воспринимает, не обладают устойчивостью и неизменностью, поскольку они непрестанно возникают и исчезают, изменяются и движутся, в них нет ничего прочного и постоянного. Следовательно, они не несут в себе сущности. Значит,

сущность находится за их пределами. Так Платон приходит к выводу о существовании царства вечного, осмыслению которого посвящена большая часть творчества философа.

Что же составляет сущность мира и лежит в основе чувственных вещей? По мнению Платона, подлинная сущность чувственных вещей и их причина – это бестелесные, бесформенные, неосязаемые формы, которые он называет идеями. Идея – божественная сущность, которая не имеет никаких внешних определений. Это значит, что ей нельзя приписать ни цвета, ни формы, ни размера. Поэтому её нельзя ни видеть, ни осязать. И, тем не менее, именно идеям принадлежит действительность и реальность, а все остальное – лишь подобие и отражение.

В отличие от мира вещей идеи вечны и неизменны, всегда равны самим себе. Они есть нечто чистое и абсолютное и поэтому не подлежат какому-либо смешению и сравнению. Так, какая-нибудь материальная и, следовательно, конечная вещь может быть больше одной подобной вещи, но меньше другой. Ничего подобного не может быть в мире идей.

Когда мы говорим, что эта девушка красива, подразумеваем, что другая девушка может быть красивее этой. Красивым может быть и человек, и глиняный горшок, и солнечный закат, но ни одно из этих явлений не содержит в себе абсолютной красоты. Совсем иначе обстоит дело в мире идей: красота в себе всегда красота и никогда не может быть безобразием, красота не может быть ни больше, ни меньше. В мире идей красота существует как таковая, всегда равная самой себе, как чистая и абсолютная красота.

Каждому классу чувственных материальных предметов в бестелесном мире соответствует определенная идея. Идей много, но это множество не бесконечное. Их столько, сколько классов (или видов) чувственных вещей. Высшей идеей является идея высшего блага, или бога. Бог как высший дух и абсолютное благо живёт в недостижимой области

вечных идей. Идеи, по сути дела, – это мысли бога, в соответствии с которыми он творит космос.

По отношению к чувственным вещам идеи выступают и как причины, и как образцы, по которым создаются эти вещи, и как цели, к которым стремятся все существа чувственно воспринимаемого мира. Платоновская идея – это высший идеал, к осуществлению которого направлена всякая деятельность и в мире, и в человеческом обществе.

Но это не тот идеал, который рождается в человеческом сознании как представление о должном, прекрасном и совершенном. Мир идей у Платона – идеал изначально данный, обладающий абсолютной реальностью и независимым от человеческого сознания бытием. Более того, с точки зрения Платона, мир идей – это и есть единственная ревность, а всё остальное – лишь её подобие и копия, лишь приблизительно отражающая сущность, заключённую в мире идей. Идеи присутствуют в вешном мире в неполном, искажённом виде, они теряют свою безусловность и вечность. Но всё положительное в мире вещей имеет своим источником мир идей.

Для того чтобы вечный, нетленный и неизменный мир идей мог явить себя в мире тленном, изменчивом и призрачном, должно быть нечто, противоположное идеальному миру, его и н о е. И этим иным у Платона является вторая сущность, которая представляет собой протяжённое, пространственное бытие. Это бытие – материя. Материя – беспричинный и бесформенный хаос, который нельзя ни ощутить, ни понять разумом, но который способен воспринимать любые формы соответствующих идей.

Как же происходит взаимодействие мира идей с беспорядочно движущимся веществом, в результате которого и возникает вещественный, чувственно воспринимаемый мир? Чёткого и философски обоснованного ответа на этот вопрос у Платона нет. Однако в диалоге «Тимей» он говорит

о том, что бог, верховное благо, по доброте своей пожелал, чтобы всё по возможности было подобно ему и уподобил себе материю.

Но прекрасное не может быть неразумным, и бог создал мировую душу, смешав материальное и идеальное, неизменное и изменчивое. Он вселил ум в душу, а душу – в тело. Так возник космос как живое и одушевлённое тело, благодаря мировой душе. Душа мира – источник жизни и строгой закономерности в природе, потому что она ещё и само божество. Благодаря разумности божественного плана, мир гармоничен и целесообразен и во всех своих процессах направляется божественной мудростью. Так в работах Платона формируется позиция объективного идеализма с признанием реального бытия мира идей и безусловной зависимостью от него материального мира и человека с его сознанием.

Учение о человеке и государстве

В соответствии со своей космологической теорией Платон рассматривает и человека. Человек, как и мир в целом, имеет двойственную природу. Подобно всем земным тварям, человек – существо телесное, материальное, смертное. Тело всякого живого существа, в том числе и тело человека, создано из частиц огня, земли, воздуха и воды, заимствованных из тела космоса. Эти частицы должны быть возвращены космосу.

Тело человека – временное пристанище и вместилище души, которая создана из остатков той смеси, что и душа космоса. Но это относится лишь к одной части души – разумной и бессмертной. У души есть и неразумная часть, которая, в свою очередь, состоит из двух частей. Высшая часть неразумной души – это мужество, воля, сердце, а низшая – желание, вожделение. У разных людей части души представлены неодинаково.

Высшее и бессмертное в человеке – его разумная часть души, душа, как и тело, создана богом и до своего вселения в тело пребывала в мире идей и созерцала там истинно сущее. Но, соединившись с телом, душа забывает то, что знала до своего падения на землю. Однако, она всё-таки хранит память в том, что когда-то созерцала. Восприятие материальных предметов напоминает душе забытые ею знания и воссоздает их.

Большинство людей удовлетворяются знаниями тех вещей, которые они непосредственно наблюдают, другие же стремятся к познанию и «припоминанию» знаний о сущности, а это очень трудно. Подобно тому, как человеку, долго находившемуся в темноте, больно и трудно смотреть на солнечный свет, так нелегко без привычки и упражнений перейти от знаний чувственного мира к постижению его сущности. Это доступно избранному кругу людей – мудрецам и философам. А сама философия, по Платону, и есть учение об умозрительном постижении сущности мира.

Поскольку человек не только разумное, но и телесное существо, в нём постоянно идет борьба между его душой и телом, между душой разумной и неразумной. Неразумная душа больше тяготеет к телу и влечёт человека к страстям, телесным удовольствиям, излишествам. Разумная же душа стремится освободить свой дух от влияния чувственности, избежать заблуждений и чувственных обманов. Но полностью освободиться от чувственных нужд человеку не только невозможно, но и нежелательно, потому что единство тела и духа, материального и идеального – есть реальность человека. Как же должен жить человек, чтобы и в телесной оболочке остаться человеком разумным и выполнить то предназначение, которое предписано ему верховным божеством и заключается в осуществлении блага?

Платон считает, что подлинное благо должно быть законченным и достаточным, т. е. не нуждаться ни в чём таком,

что являлось бы внешним, посторонним по отношению к нему. Удовольствие не может быть совершенным благом, потому что приятная жизнь без сознания, понимания и знания не есть подлинно человеческая жизнь, а жизнь животная, и вряд ли хоть один человек согласится так существовать.

Кроме того, удовольствие никогда не бывает законченным и достаточным, как того требует платоновское определение блага, ибо наслаждение не имеет границ: оно подчинено слепой силе и постоянно колеблется между разнужданностью и пресыщением. Но и разумность, взятая сама по себе, тоже не представляет собой высшего блага, так как ведёт к бесстрастности, и поэтому не может составить для человека высшего стремления. Но в разуме есть то, что способно внести упорядоченность и установить предел в безмерное и безграничное – это мера.

Платон приходит к выводу, что истинное человеческое благо состоит в гармоническом сочетании удовольствия и разумности при безусловном верховенстве разума. Разум способен направить человека на удовольствие чистое, спокойное, которое не предваряется томлением и не приводит к пресыщению, но обеспечивает гармоническую и добродетельную жизнь. Возможность такой добродетельной и нравственной жизни обеспечивается мудростью, руководимой знанием, и воспитанием.

Главная роль в воспитании граждан отводится Платоном государству. Нравственная и добродетельная жизнь возможна лишь в идеальном государстве, которое и само по себе является олицетворением нравственного идеала, и осуществляет воспитание граждан в соответствии с принципами добра и справедливости.

Созданию модели идеального государства Платон отдаёт много лет своей жизни. Основные принципы его устройства и жизнедеятельности изложены им в десяти книгах его работы «Государство» и незавершенных «Законах».

Если для каждого класса чувственных вещей существует определенная идея, в которой заключена сущность всех вещей данного класса, которая является идеалом и моделью для них, то и для государства должна быть такая идея, которая представляла бы собой сущность и идеал, образец государства, которое и надо стремиться создать на земле.

Поскольку во всех людях существуют три части души и одна из них преобладает, Платон делит всё общество на три сословия в зависимости от того, какая часть души занимает ведущее место в жизни человека. Люди, в которых преобладает разумная часть души и которые склонны к мудрости и философствованию, должны составить сословие правителей. Правитель должен быть человеком мудрым, прожившим не менее 50 лет, обладающим жизненным опытом и получившим философское образование. Только философы имеют знание об истинно сущем, могут судить обо всем правильно и мудро управлять государством.

К сословию воинов Платон относит людей, обладающих душой страстной и мужественной. К нему в равной степени принадлежат и мужчины, и женщины. Задача воинов – защищать государство от внешних врагов и внутренних возмущений. И правители, и воины не должны владеть собственностью и даже прикасаться к золоту и серебру. Всё, в чём нуждаются воины и правители, общество обязано поставлять им за их труд. Всю свою жизнь воины должны проводить в лагере. Они не имеют права на какие бы то ни было семейные привязанности, а потому отношения между мужчиной и женщиной регламентируются государством. Дети воинов после рождения передаются на воспитание государству.

Третье сословие – ремесленники, купцы, земледельцы – формируется из людей, в которых преобладает низшая часть души – вождедеющая. Платон говорит о них меньше всего, обязывая их всё же содержать правителей и воинов и полностью повиноваться государству. Представители этого

сословия имеют право обладать собственностью, торговать и обмениваться товарами.

Между сословиями устанавливаются жёсткие границы, и смешения их не должно быть. Правда, Платон допускает, что внутри сословий могут появиться дети, чьи души не соответствуют сословию, в котором они родились. Но вопрос о перемещении такого ребенка из одного сословия в другое может решить только государство.

Основная задача государства – установление согласия и единомыслия граждан. Чтобы добиться этого, в обществе не должно быть ни исключительности, ни противоположности интересов. Вся жизнь граждан должна быть подчинена полностью интересам государства. Отсутствие семьи, собственности, права воспитывать детей направлены к консолидации общества в единый организм.

Государство Платона похоже на царство теней: настолько оно лишено жизни, движения, настолько далеко оно от реальной человеческой жизни.

Почему же модель идеального государственного устройства вышла столь безжизненной, схематичной, абстрактной? А.Ф. Лосев, один из наиболее глубоких исследователей творчества Платона, считает, что это обусловлено, по крайней мере, двумя причинами. Во-первых, любой теоретик, пытаясь предвосхитить пути будущего переустройства общества, исходит из личного и исторического опыта, которым он обладает. Опыт Платона, в силу объективных обстоятельств, был, в сущности, невелик. Он знал историю древнегреческих государств, в которых сильны были еще общинно-родовые связи и традиции, запечатлённые идеализированной исторической памятью греков. Мифология донесла сведения о героических деяниях тех времен, оставив в стороне тёмные и противоречивые стороны жизни этих государств.

Платону хорошо было известно устройство современных ему греческих городов-полисов, шедших к своему закату, и, как всегда на изломе истории, полных острейших противоречий, политических интриг, падения нравов и апатии граждан.

Наконец, Платон побывал в Египте, где кастовость и деспотическая форма правления поддерживали стабильность государства на протяжении многих столетий. Идеальное государство сложилось, таким образом, из элементов тех форм государственного устройства, которые казались Платону наиболее привлекательными и соответствующими идеалу справедливого устройства общества.

Во-вторых, любой идеал как представление о должном, прекрасном и справедливом, всегда имеет истоки в той реальной действительности, в которой живет человек, и пороки которой он хочет преодолеть. Платон жил в хаосе гибнущего афинского полиса, в котором социальные язвы, пороки, противоречия пронизывали все стороны общественной жизни. Поэтому попытка представить эту же жизнь, но только без её отрицательных сторон, ничего, кроме безжизненной схемы и не могла дать.

Неудача, постигшая Платона в его стремлении уже при собственной жизни воплотить идеал мудрого правления, заставляет его приняться за создание такого свода законов, которые позволили бы, по его мнению, максимально быстро и полно создать идеальное стабильное и сплочённое государство.

Его «Законы» свидетельствуют о том, что поездка философа в Сиракузы убедила его в невозможности создания идеального государства столь же идеальными и гуманными методами. Вместо этого Платон предлагает полный контроль со стороны государства над всеми сторонами жизни граждан с жесточайшими наказаниями за любое нарушение

установленных законов. Не только участие в заговоре против государства или укрывательство заговорщиков карается смертью – смерть и избиение угрожают человеку за любой проступок. А за оскорбление родителей и богов, утверждает Платон, даже смерти мало, а нужны такие муки, которые характерны, например, для Аида.

Так и не завершённые «Законы» свидетельствуют о глубочайшем духовном и жизненном кризисе, о глубоких разочарованиях, постигших философа в конце его жизни. И, тем не менее, платоновская философия объективного идеализма оставила глубокий след в истории духовного развития и оказала огромное влияние на развитие европейской философской мысли.

Заключение

Ученики и последователи Платона – неоплатоники – систематизировали его философские идеи и создали на их основе довольно стройную систему объективного идеализма, которая в значительной мере легла в основу христианской теологии и философии.

В XV веке флорентиец Марсилио Фичино перевел сочинения Платона с греческого на латынь, и с этого времени начинается новый этап в освоении платоновского наследия. Во Флоренции Лоренцо Медичи создал Платоновскую академию. Философия Платона повлияла на создание концепции классического образования в XIX веке, философы нового и новейшего времени вновь и вновь обращаются к наследию Платона, критикуя и углубляя его философские идеи.

ГЛАВА 12. АРИСТОТЕЛЬ

(384–322 гг. до н. э.)

Более двух тысяч лет прошло со времени рождения Аристотеля, но его идеи всё еще живы, и нам есть чему у него поучиться. Трудно указать область знания, в которой Аристотель не оставил бы следа. Влияние идей Аристотеля можно найти в образе мышления каждой цивилизованной нации.

Жизнь

Аристотель родился в Стагире (Македония), недалеко от Афонской горы. Отец его, Никомах, был придворным лекарем македонского царя Аминта. Деятельность отца имела большое значение в жизни Аристотеля. Стремление к наблюдению природы было у него в крови. Отец был его первым наставником и передавал ему свои познания в естествознании и медицине.

Пятнадцати лет Аристотель лишился своих родителей, и заботы о нём принял на себя его опекун – Проксен. Аристотель наследовал от своего отца значительные средства, это дало ему возможность продолжать образование под руководством Проксена. Книги тогда были чрезвычайно дороги. Но опекун покупал ему даже самые редкие, и Аристотель уже в юности привык много читать, в то время это было большой редкостью.

Как ни любил Аристотель свою Стагиру, его неудержимо влекло в Афины, которые были центром интеллектуальной жизни, долгое время сохраняли свою нравственную власть и своё величие. В 367 году до н. э. Аристотель отправился завершать свое образование в Афины. Он надеялся встретиться с Платоном, но знаменитый философ в это время на три года уехал во второй раз на Сицилию. Можно представить себе огорчение Аристотеля! Но он нашел в

Афинах много людей, прекрасно знакомых с греческой философией вообще и с учением Платона в особенности. Не теряя времени, он принялся за изучение философии на месте её происхождения. К приезду Платона Аристотель был уже хорошо знаком с основными положениями его учения.

В Академии Платона Аристотель провел в учении около двадцати лет. В течение первых десяти лет он не только усвоил идеи Платона, но и определился как самостоятельная творческая личность, имеющая свой взгляд на философию Платона. При жизни учителя Аристотель не открывал своей школы, хотя его философские воззрения были давно разработаны во всех подробностях. И все же он учил, но только риторике.

В год смерти Платона (в 348 году до н. э.) Аристотель оставил Афины, чтобы расширить круг своих знаний. Вместе с Ксенократом, преемником Платона, он посетил Среднюю Азию и принял приглашение любимого ученика Гермия, тирана Аторнеи, погостить у него. Воспитанный в Афинах и преданный философии, Гермий лелеял мечту освободить все греческие города Малой Азии от персидского ига. Это была также заветная мысль Филиппа Македонского, а для сына его Александра это служило вечным предлогом для нескончаемых войн.

Аристотель не мог не разделить желания Гермия. Но тот был вовлечён в заговор и выдан персидскому царю Артаксерксу, который велел лишить жизни тирана Аторнеи. Эта смерть глубоко огорчила Аристотеля, может быть, еще и потому, что Гермий погиб за идею, уже созревшую в уме самого философа.

В Аторнее Аристотель женился на младшей сестре своего друга Гермия – Пифиаде. Девушка осталась после смерти брата без защиты и без всяких средств к жизни. Аристотель принял в ней братское участие, а потом их сблизило общее горе.

Гнев персидского царя был настолько велик, что Аристотель, вместе с Пифиадой, был вынужден удалиться на остров Лесбос. Здесь он получил приглашение от македонского царя Филиппа стать воспитателем его сына Александра (впоследствии вошедшего в историю под именем Македонского).

Воспитанию Александра Аристотель посвятил три года, занимаясь с ним всеми образовательными предметами. Ученик и учитель жили то в Пелле, то в Стагире, где для них был построен роскошный дворец Нимфеум, окружённый тенистыми садами. Там долго сохранялась белая каменная скамья, на которой сидел Аристотель, беседуя с Александром.

Смерть Филиппа застала Аристотеля еще в Македонии. Он провёл с Александром первые годы его царствования. Но затем Александр, ранее считавшийся со своим учителем так же, как со своим отцом, охладил к нему – в большей мере из-за того, что Аристотель не одобрял завоевательной политики ученика.

Аристотель (ему в то время было пятьдесят лет) с женой Пифиадой, с дочерью и воспитанником Никанором возвращается в Афины. Здесь он открывает собственную философскую школу – Ликей. Знания ученикам преподавались в форме бесед, протекавших во время прогулок. Аристотель, прогуливаясь по тенистым аллеям, обучал воспитанников дважды в день – утром и вечером. По утрам он беседовал о трудных предметах с учениками, знакомыми с началами философии. По вечерам – учил начинающих. От этой привычки Аристотеля излагать лекции во время прогулок школа получила название перипатетиков, т. е. гуляющих философов.

Вскоре после переселения Аристотеля в Афины умерла его жена Пифиада, для которой он воздвиг мавзолей. Че-

рез два года после её смерти он женился на своей красивой рабыне Герпилиде, от которой родился его сын Никомах.

Афины в те годы в политическом отношении напоминали вулкан, готовый к извержению. Ненависть к македонянам клочкотала в груди афинян, страсти вот-вот готовы были вспыхнуть. Хотя Аристотель держался в стороне и вёл себя как истинный мудрец, положение с каждым днем становилось всё опаснее. Дело в том, что по своему образованию и языку он был грек, но в то же время он был подданным македонского государя.

После смерти Александра (323 г. до н. э.) Аристотелю было уже невозможно оставаться в Афинах. Не имея никаких причин к его удалению, афиняне обвинили его в неуважении к богам, т. к. он чтит память своего друга Гермия и жены Пифаиды и воздавал им почести, приличествующие только богам.

Аристотель опять покидает Афины, переселяется в Халкиду, на остров Эвбей, где в 322 году до н. э. умирает, прожив шестьдесят три года.

Общий характер философии

Аристотель, как и его предшественник Платон, имел самое возвышенное представление о назначении философии. Философию он считал наукой, имеющей предметом исследования первые начала и причины вещей или сущности явлений. Многие науки нужнее философии, но она выше всех наук. Все другие знания имеют целью удовлетворение житейских нужд, а философия чужда всякой корысти. Источник философии – это наше стремление постигнуть всё непонятное и поразительное силою мысли. К сожалению, сочинение, в котором Аристотель излагал подробно своё понимание философии, утеряно.

Аристотель соглашался с Платоном, что предмет философии – исследование сущности вещей, но расходился

со своим учителем в определении этой сущности. У Платона сущность вещей отделялась от них самих и обитала в царстве вечных и неизменных идей. Согласно Аристотелю, сущность вещей и явлений заключалась в них самих. Исследуя эти явления, наука составляет общие понятия и через их сочетания образует свои теории и доказательства.

Платон утверждал, что всякое явление только затемняет, портит свою идею. Аристотель же, наоборот, говорил, что каждое явление проникнуто идеей и служит её живым выражением. Платон, не выходя из идеального мира, не объяснял явлений. Аристотель первый поставил задачу философии: исходить из общих начал для объяснения частных явлений.

Наконец, Аристотель отделил в философии науку о явлениях внешнего мира от учения о нравственности. Этим он оказал великую услугу знанию. Указав философии новую цель, Аристотель дал ей и средства для её достижения, которые заключаются в его логике.

Логика

В сочинениях, относящихся к логике, Аристотель рассматривает различные формы нашего мышления («Категории», «Об истолковании», «Первая аналитика»), способы доказательств или логический метод («Вторая аналитика»).

В «Первой аналитике» философ подробно объясняет образование понятий, суждений и умозаключений и перечисляет их различные виды. Он говорит, что каждый предмет или имеет данные свойства, или их не имеет. Эти свойства или общие понятия Аристотель называет категориями. Он насчитывает их десять, а именно: категории бытия, количества, качества, отношения, времени, места, положения, владения, действия, страдания.

Во «Второй аналитике» Аристотель разрабатывает учение о доказательствах. Задача науки есть познание при-

чин явлений. Объяснять явления – значит выводить их из необходимых причин, служащих им основанием. Это и называется «доказывать». Наука есть знание, основанное на доказательствах.

Аристотель различает два рода знания: непосредственное и посредственное. Первое относится к высшим началам и к чувственному восприятию, второе состоит в доказательстве с помощью умозаключений. Начала, как аксиомы, не могут быть выведены из чего-нибудь более несомненного: в таком случае они не были бы началами. Однако и для них возможно находить основание – оправдывать их принятие. Выведение состоит в восхождении от частного к общему, от известного нам к известному всем и каждому, одним словом – к началу. Доказывание и выведение являются, таким образом, процессами обратными и образуют научное знание.

Истина всегда и везде устанавливается не наблюдением, а размышлением. Наблюдение же убеждает нас в действительном существовании истины, т. е. в присутствии её в данных явлениях. Из сказанного можно увидеть, как объяснял Аристотель происхождение знания. Он говорил, что прежде всего необходимо отличать возможность (потенцию) от действительности. По возможности, по способности наш ум содержит в себе все общие понятия. В действительности же ум обладает ими только тогда, когда их приобретёт. Отсюда следует, что мы не родились на свет с готовыми понятиями. Они образуются впоследствии, определяясь и свойствами нашего ума, и влиянием внешнего мира.

Говоря о логике Аристотеля, нельзя не коснуться его учения о силлогизме. Силлогизм есть такое общее предположение, которое, после установления известных частных предположений, выводит заключение, отличное от этих предположений, но не содержащее никакой не заключающейся в них идеи. Например: «Все дурные люди жалки; всякий тиран – дурной человек; следовательно, все тираны жалки».

Аристотель оставил анализ шестнадцати форм силлогизма, который и в настоящее время с логической точки зрения признается удовлетворительным.

Учение о неорганической и органической природе

В этом учении Аристотеля следует различать два рода сочинений: одни из них проникнуты общим направлением его философии, другие – совершенно от нее не зависящие и представляющие исключительно наблюдения.

В физике Аристотеля, к которой он относил учение о мире и человеке, не всё служит выражением его философских воззрений. Природу он рассматривает как органическое, гармоническое целое, состоящее из последовательных, связанных между собой звеньев. Они самостоятельны, обладают внутренней силой, способной сообщать телам движение и удерживать их в покое. Природа отождествляется с живой мировой силой. Признается, что всю вселенную пронизывает оживляющая теплота.

Аристотель утверждает, что природа стремится к одной цели. Целесообразность он признает во всех её проявлениях. Ласточка только ввиду цели вьёт своё гнездо. То же самое относится и к растениям, которые для своего питания пускают корни внутрь земли, а не на её поверхности.

В природе Аристотель видит два начала: материю и форму, или действующую идею. Материю приводит в движение Бог, который понимается как закон и законодатель, порядок и распорядитель вещей. Движение есть сущность природы. Следует подчеркнуть, что Аристотель движение отождествляет с идеей изменения.

Согласно аристотелевской астрономии, на небе господствует гораздо больший порядок движений, чем на земле. Небесные тела – существа, не подверженные страдани-

ям, достигшие лучшей цели. Они ближе к божественному, чем земля и живущие на ней люди. Небо имеет свою душу и начало своего движения в самом себе. В самом верхнем небе живут созвездия, планеты находятся в низших сферах, в центре вселенной находится Земля.

Аристотель сделал первые шаги в области метеорологии. Он говорил о происхождении ветров, о метеорах, землетрясениях, морских приливах и отливах и старался объяснить явление радуги.

Во всем своём блеске гений Аристотеля проявился в учении об органическом мире. Здесь упомянутая уже целесообразность казалась ему очевидной. Природа в этой сфере проявляет больше искусства и изобретательности, выбирая везде самые простые и лучшие средства для достижения цели.

Организмы, которые производит природа (растения, животные, люди) отличаются от тел неорганических тем, что они получают свои побуждения от внутреннего начала. У человека к этому преимуществу присоединяется еще разум. Благодаря ему, человек есть венец природы, самая конечная её цель, к которой природа стремится через постепенные прогрессивные формы животного царства.

Животное царство разделяется на две ветви. Первая включает в себе животных, имеющих кровь, а именно: млекопитающих, птиц, рыб, амфибий. Вторая включает насекомых, раковидных, моллюсков.

С жизнью нераздельна теплота, и количество теплоты, присущей животному, находится в прямом отношении к его относительному совершенству. Аристотель допускает вечность органической жизни и видов.

Отношение организма к душе есть отношение между материей и формой, возможностью и действительностью, способностью и деятельностью. Ввиду этой тесной связи

организм существует и живёт только благодаря душе, которая есть его конечная причина и цель. Но душа существует только тогда, когда она живёт в теле. Чувствовать, желать, помогать без телесных органов невозможно. Таким образом, Аристотель считал основные отправления души нераздельными с телом.

Учение о душе

Учение Аристотеля о душе составляет как бы переход от органической природы вообще к ее венцу – человеку. Мы уже знаем, что, по Аристотелю, душа относится к телу как форма к материи. Но, вместе с тем, он допускает существование разума, называя его формой форм. Относительно этого разума душа представляет материю.

Душа, отмечает Аристотель в специальном трактате «О душе», принадлежит не только человеку. Каждое органическое существо одарено жизненной силой, или душой, в которой заключается внутренняя причина и конечная цель всякого органического движения или развития.

На этом основании Аристотель допускает, что степень телесного совершенства зависит от жизненной силы, или души, а не наоборот, как это утверждали некоторые из прежних греческих мыслителей. Аристотель различает три степени души, обуславливающих известные степени развития органической природы: душу растительную, животную и разумную (человеческую). Учение о переселении душ Аристотелем отвергается.

Учение Аристотеля о человеческой разумной душе содержит ценные наблюдения психологического характера. Он положил начало опытному изучению души в связи с телом, и в то же время рассматривал ее как микрокосм, в котором отражается весь мир.

Этика

Аристотель является основоположником этики как науки. Он дал название этой отрасли философского знания и первым написал специальные труды по этике («Никомахова этика», «Евдемова этика», «Большая этика»).

Основной вопрос этики Аристотеля – чем является для человека добро в условиях нашей обыденной земной жизни. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, философ изучал человеческую жизнь со всех сторон, во всех её разнообразных проявлениях.

Аристотель заметил, что всего полезней оказывается для самого человека и для других людей поступки, в которых проявляется знание меры, умение выбрать среднее между двумя крайностями. Он возвел это знание меры в главный принцип нравственности. Добродетель заключается в сдерживании страстей и управлении ими при помощи разума.

Философ считал, что все страсти и чувства колеблются между крайностями и противоположностями. Каждому пороку противопоставляется другой порок, совершенно противоположного свойства. Например, скупости – расточительность, трусости – безрассудная смелость, бесстыдству – стеснительность и т. д. Если добродетель состоит в сдерживании страстей с помощью разума, то она есть не что иное, как соблюдение золотой середины между противоположностями.

Аристотель различает пять основных добродетелей, или способностей: знание, искусство, предусмотрительность, рассудок, мудрость. Знание и рассудок относятся к деятельности ума. Искусство и предусмотрительность есть практические добродетели и стоят в близком отношении к воле. Под предусмотрительностью Аристотель имеет в виду способность найти в отдельных случаях правильный путь на основании приобретённого опыта.

Предусмотрительность определённым образом является воспитательницей воли. Но в каждом воспитании имеет значение привычка и происходящее при этом инстинктивное стремление к добру. На созданном привычкой равновесии между противоположными наклонностями покоится умеренность, которую Аристотель вследствие этого рассматривает как необходимое условие всех добродетелей, не причисляя её к ним. Это ещё в большей степени относится к мудрости, которая у Аристотеля является результатом сочетания рассудка и науки. В рассуждениях о мудрости философ выражает свои личные склонности к созерцательной жизни. Как ни высоко ценил он политическую жизнь, но всё же предпочитал ей уединение, углубление в самого себя. Венцом «Этики» Аристотеля является его «Политика».

Политика

Высшее благо может быть достигнуто, считает Аристотель, только совместными усилиями отдельного лица и государства. Он признаёт государственную жизнь выше индивидуальной. Но не потому, что она преследует высшие цели, а прежде всего потому, что цели отдельных лиц лучше могут быть достигнуты с помощью государства.

В «Политике» Аристотеля мы найдём общие выводы относительно форм правления, к мысли о которых он пришёл, тщательно изучив различные формы правления существовавших в то время мелких государств. Ни одну из форм правления он не считал безусловно хорошей. Таковая, по его мнению, должна отвечать степени образованности данного народа и особенностям страны, имея в виду также её географическое и экономическое положение.

Счастливейшим он бы назвал такое государство, которым управляет добродетель, воплощённая в одном человеке или в нескольких лицах. Так как одного совершенного че-

ловека легче отыскать, чем нескольких, а нескольких легче, чем многих, то Аристотель склонен предпочитать монархическое и аристократическое правление демократическому. Однако он отдаёт дань справедливости и другим формам правления.

В противоположность Платону, Аристотель стремился соединить интересы отдельного лица и государства. Он не желал жертвовать отдельными живыми лицами отвлечённой идее государства. Но в подробностях, которые мы находим в «Политике», Аристотель всё же часто требует вмешательства государственной власти в дела частных лиц. Например, он говорит, что государство должно принять на себя заботы о том, чтобы лица, вступающие в брак, имели известный возраст, наиболее благоприятный для рождения здоровых детей. Мужчине должно быть 37 лет, а женщине – 18.

В 50 лет, по мнению философа, мужчина достигает полного расцвета своих умственных сил, а затем они начинают падать. Поэтому после 50 лет не следует иметь детей. Число детей, которых могут иметь семьи, должно быть также предписано государством и т. д.

Во всём этом проглядывает не деспотизм, а настойчивое желание лучшего будущего для всего человечества

В своей «Политике» Аристотель говорит решительно обо всём, что имеет важность для человеческой жизни: о власти и рабстве, о воспитании детей, о здоровье, о долголетию, о праве, о браке. Он заботится о человеке ещё до его появления на свет, высказывая свое мнение о гигиене беременности, предписывая женщине в это время больше двигаться, считая вредными для неё умственные занятия. Во всём этом проявляется любовь философа ко всему живому, конкретному. Он завещал человеку любить самого себя и не отказывать себе ни в чём, что служит усовершенствованию души и тела.

О воспитании

Аристотель, как и Платон, придавал большое значение делу воспитания. Как врач он рассматривал его также и с физиологической точки зрения.

Цель воспитания Аристотель определяет следующим образом: воспитание, как и всякое искусство, имеет целью восполнить недостатки природы. Воспитание юношества должно быть делом общественным. Будущие граждане должны одинаково уметь повелевать и управлять, повиноваться и подчиняться. Учить следует не только тому, что полезно и необходимо. Воспитание свободного человека должно преследовать также другие, более сложные задачи – развивать высшие интересы, эстетические и интеллектуальные.

Учебные предметы, согласно Аристотелю, – грамота, музыка, графика и гимнастика. Впрочем, последней он не советует слишком увлекаться и считает излишним стремиться к развитию силачей и атлетов. Большое значение в воспитании философ придает музыке, под которой в качестве предмета воспитания древние имели в виду не собственно музыку в нашем понимании. Подразумевались вообще занятия предметами, возвышающими и облагораживающими душу.

Музыка, отмечает Аристотель, имеет, конечно, и значение забавы как отдыха после трудов, и составляет также содержание свободного времени. Но она имеет еще большую ценность сама по себе: она изменяет состояние нашего духа, и способна его облагораживать. В рифмах и мелодиях есть подражание гневу, кротости, мужеству, благоразумию и всем другим состояниям нашей души. Слушая такие рифмы и мелодии, мы изменяемся душою. Только музыка может воспитать нас в том или ином чувстве. Воспитывая в музыке, необходимо стремиться к тому, чтобы юноши сами пели и своими руками играли на инструментах.

Аристотель требовал от школы, чтобы она создавала людей, которые были бы способны и к гражданской жизни: вести мирные дела, наслаждаться досугом и одновременно могли бы жить в условиях войны.

Эстетика

Аристотелю принадлежало немало работ по эстетике, но сохранилась лишь «Поэтика», да и та не полностью.

Рассуждая об искусстве, философ говорит о нём в широком смысле слова. Под искусством он понимает всё, что создано человеком, а не природой, точнее говоря, даже не продукт человеческой деятельности, а саму эту деятельность. Искусство – есть человеческая деятельность, этим оно отличается от природы. Творения человека целиком зависят от его воли и разума. Произведения искусства не есть совершенно новые, невиданные формы. Это подражание формам бытия как естественным, так и искусственным, подражание тому, что происходит в реальной жизни. Искусство есть подражание – мимесис.

Подражательными искусствами Аристотель называет живопись, скульптуру, поэзию и часть музыки. Подражание – не копирование. Философ оставил большой простор для свободы художественной деятельности: художник волен выбирать предметы, средства и способы подражания.

Рассуждая, в частности, о поэзии, Аристотель исходит из её широкого понимания – как искусства слова вообще. Средствами выражения поэзии являются ритм, напев (слово) и метр (гармония). Есть искусство, которое пользуется только словами, без ритма и гармонии. Это то, что мы называем прозой. Но есть искусства, которые пользуются всеми названными средствами. В сохранившейся части «Поэтики» рассматривается в основном трагедия.

В трагедии Аристотель признает определенную свободу подражания. Изображая людей, поэт может представлять

их или лучше, или хуже, чем они есть на самом деле, или же такими, как они есть.

Стоит подчеркнуть, что предметом искусства для Аристотеля являются исключительно люди. Подражание природе, изображение природы, красота природы для него не существуют. В трагедии стремятся подражать лучшим людям, в комедии – худшим. Подражание же обыкновенному человеку, т. е. драма, у Аристотеля не рассматривается.

Задача поэта, по Аристотелю, говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможным в силу вероятности или необходимости. Этим поэзия отличается от истории. Историк и поэт, подчёркивает философ, различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой. Можно и Геродота переложить в стихи, но сочинение его все равно останется историей. Нет, они различаются тем, что один говорит о том, что было, а другой – о том, что могло бы быть. Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории, т. к. поэзия больше говорит об общем, а история – о единичном.

Заключение

Аристотель подвёл итог развитию философской мысли с её начала в Древней Греции и до Платона включительно. Он создал дифференцированную систему знания, освоение которой продолжалось свыше полутора тысяч лет. Основанные Платоном и Аристотелем школы стали центрами не только античной философии, но и античной науки: математики, физики, астрономии, биологии, широкого круга наук гуманитарного цикла.

ГЛАВА 13. ЭПИКУР (341–271 гг. до н. э.)

С IV века до н. э. начинает складываться так называемая эллинистическая философия. В широком смысле к периоду эллинизма можно отнести и греко-римскую философию первых веков нашей эры. Прежде всего, к ней относят стоицизм, эпикуреизм, скептицизм. Позже появляется неоплатонизм и гностицизм. Основателем эпикуреизма является Эпикур.

Жизнь

Эпикур родился на острове Самос, учился у последователя Демокрита – Навсифана, преподавал в городе Митилена и Лампсак, начал изучать философию с 14 лет. В 311 году до н. э. приехал на остров Лесбос. Здесь он основывает свою философскую школу «Сад», которой руководит до своей смерти. Известно, что на воротах этой школы, которая располагалась в саду, стояла надпись: «Гость, тебе будет здесь хорошо; здесь удовольствие – высшее благо». Этот девиз породил позднейшие представления о том, что Эпикур и его последователи считали удовольствие единственным смыслом жизни.

В действительности Эпикур, его философия и его биография являют собой пример гармоничного подхода к жизни во всех её проявлениях. Сам Эпикур сказал об этой гармонии так: «Всегда имей в своей библиотеке книгу, в погребе – полную бутылку вина, в саду – свежий цветок». Эпикурейская философия была распространена среди средних слоёв населения, среди мелких чиновников, её использовали не очень богатые, но и не бедные люди. Её основными представителями были (кроме Эпикура) Метродор из Лампсака, Зенон из Сидона, Полистрат и наиболее известный –

Тит Лукреций Кар, автор поэмы «О природе вещей», дошедшей до нас практически полностью.

Главной задачей философии Эпикур считал создание этики – учения о поведении, приводящем к счастью. Но этика может быть построена только при условии, если определено место, которое человек как частица природы, занимает в самой природе. Этика поэтому должна опираться на физику, включающую в себя учение о человеке. В свою очередь, разработке физики должно предшествовать исследование познания и его критериев (каноника). Поэтому философия Эпикура условно подразделяется на: а) канонику (теорию познания); б) физику; в) этику.

В этой последовательности мы и рассмотрим его учение. Каноника показывает пути создания философской системы, она была изложена в трактате под названием «Правило» (Канон). Физике – учению о природе – Эпикур посвятил трактат «О природе» (37 книг) и «Письма». Об этике философ рассуждает и в «Письмах», и в книгах «Об образе жизни», и в трактате «О конечной цели».

Каноника

Теорию познания Эпикур называет каноникой. В основе его теории познания лежало учение о критериях или канонах истины («канон» – мера, образец, критерий).

Главный и первичный критерий истины Эпикур видел в непосредственно данных нам ощущениях. У Эпикура разум полностью зависим от ощущений (в отличие от Платона и Аристотеля). Однако он не отрицает значимости и других критериев. В итоге (по Диогену Лаэртскому) в работе «Канон» можно синтезировать четыре основных критерия истины – это ощущения (айстхэсейс), предвосхищение (пролепсейс), претерпевания (патхэ) и «образный бросок мысли». Но, согласно Эпикуру, три последних вторичны по отношению к ощущениям.

Так, предвосхищение – «оттиск, предварением которого были ощущения». Сам «оттиск» это «памятование того, что часто являлось к нам извне». Эти «оттиски» есть то, что сегодня мы называем понятиями. Иначе говоря, понятие – это те глубокие оттиски в нашей памяти, которые «создаются в результате неоднократных наслоений в нашем сознании и в нашем восприятии ощущений от сходных предметов, и которые служат в дальнейшем для опознавания предметов и явлений окружающего нас мира, для ориентировки в нем как «предвосхищения». «Претерпевание» – это у Эпикура не столько критерий истины, сколько критерий отношения к вещам. Именно «патхэ» как претерпевание определяет – к каким вещам и как мы должны относиться, к чему стремиться, а чего избегать. В известном смысле, «патхэ» – это моральный критерий или критерий моральной оценки.

Таким образом, в познании Эпикур развивает и отстаивает сенсуализм атомистического толка.

Физика

Учение Эпикура о природе включает в себя как общие, мировоззренческие вопросы, так и частные. Так, в письме к Пифагору он анализирует небесные, астрономические, метеорологические явления и многое другое. Эпикур рисует грандиозную картину мира, следуя за Левкиппом и Демокритом. Здесь для Эпикура важны следующие моменты.

Во-первых, анализ всех природных явлений и их причин должен доказывать одно (Эпикур был сторонником индуктивного метода мышления) – причины всех природных явлений носят естественный характер. Для философа важно то, чтобы при объяснении даже самого малого естественно-го факта не прибегали к вымышленным божественным силам. Эпикур отрицал какое-либо божественное сотворение мира. По его мнению, множество миров постоянно рождает-

ся в результате притяжения атомов друг к другу, а просуществовавшие определённый срок миры так же распадаются на атомы. По мнению Эпикура, существует множество населённых планет, подобных Земле. Но он не был абсолютным атеистом, Эпикур признавал существование богов, но мыслил о них по-своему. По его мнению, боги обитают между населёнными планетами в космическом пространстве, где живут своей жизнью и в человеческую не вмешиваются. Эпикур пишет: «Допустим, что страдания мира интересуют богов. Боги могут или не могут, хотят или не хотят уничтожить страдания в мире. Если они не могут, то это не боги. Если могут, но не хотят – то они несовершенны, что также не подобает богам. А если могут и хотят – то почему до сих пор не сделали».

Во-вторых, Эпикур развил учение Демокрита о строении мира из атомов. Если Демокрит характеризует атомы по величине, форме и положению в пространстве, то Эпикур им приписывает ещё одно свойство – тяжесть. Атомы движутся в пустоте, но если Демокрит приписывает им только прямолинейное движение, то Эпикур считает допустимым и отклонение от прямолинейности. Это допущение позволяет Эпикуру шире подойти к пониманию причинности. Он отрицает абсолютную необходимость Демокрита, развивая тем самым учение о взаимосвязи свободы и необходимости. Эпикур считает, что душа человека материальна и представляет собой структуру атомов, тончайшую материю, рассеянную по всему организму. С разложением тела рассеивается и душа. Таким образом, Эпикур отрицает бессмертие души. В целом его физика – это атомизм, но усовершенствованный и тесно связанный с этикой через понятие свободы.

Этика

Этика Эпикура – это этика свободы. Свобода – это достижение счастья. Для Эпикура критерий счастья (аналогичный критерию истины) – чувство удовольствия. Благо – то, что порождает удовольствие, зло – то, что порождает страдание. Разработке учения о пути, ведущем человека к счастью, должно предшествовать устранение всего, что стоит на этом пути.

Главные препятствия к счастью: страх перед вмешательством богов в человеческую жизнь, страх перед смертью и страх перед загробным миром. Учение Эпикура доказывало неосновательность всех страхов. Боги не страшны, так как они не способны вмешиваться в человеческую жизнь: ни вредить, ни помогать. Боги живут не в нашем мире и не в других бесчисленных мирах, а в промежутках между мирами (в «метакосмиях»). Маркс разъяснил, что боги Эпикура – «пластические боги греческого искусства», высшие образцы совершенства, красоты и невозмутимости души, к которой, согласно Эпикуру, должен стремиться философ. Так как душа смертна, и есть лишь временное соединение атомов, то проникнувшийся этой истиной философ освобождается от всех прочих страхов, препятствующих счастью.

Невозможность бессмертия делает невозможным загробное существование, а смерть не страшна – ни ввиду предшествующих ей страданий, ни сама по себе. Предшествующие страдания прекращаются либо выздоровлением, либо смертью, смерть же не касается самой жизни как таковой. Так Эпикур разъяснял в упомянутом выше письме Менекею – смерть не имеет к нам никакого отношения. Освобождение души от гнетущих её страхов открывает путь к счастью.

Мудрец не тот, кто подобно Аристиппу, хватается на лету наслаждение без оценки его и без мысли о его будущих последствиях. Мудрец различает три вида удовольствий: 1) природные и необходимые для жизни; 2) природные, но для жизни не необходимые; 3) не природные и не необходимые для жизни. Мудрец стремится только к первым и воздерживается от всех остальных. Результат такого воздержания – полная невозмутимость, или безмятежность, которая и есть счастье философа. Одно из условий счастья – уклонение от жизни на виду других. Жизнь философа – жизнь скрывающаяся. Ведь правило Эпикура – «живи незаметно».

Высшим благом Эпикур признавал блаженство, наслаждение (гедоне). Оно состоит в удовлетворении естественных потребностей и в достижении определённого душевного равновесия – спокойствия души (атараксия), а тем самым счастья (эвдемония). Эти моральные требования он считает естественными, вытекающими из человеческого сущности. Поэтому идеальный эпикурейский человек (мудрец, философ) избегал общественной (политической) деятельности.

Мудрец Эпикура отличается от мудреца стоиков и, особенно, скептиков и киников. В отличие от скептика эпикуреец имеет прочные и обоснованные убеждения. В отличие от стоика он не бесстрастен (хотя и не будет никогда влюблён, ибо любовь порабощает). В отличие от киника никогда не будет нищенствовать и презирать дружбу.

Эпикуреец никогда не будет мучить рабов и не будет тираном, так как общество – это совокупность индивидов, которые договорились между собой, что они не будут вредить друг другу. Соблюдение этого договора он называл справедливостью. Именно поэтому (вспомним свободу) эпикуреец не раболепствует перед судьбой как стоик: он понимает, что есть необходимость и случайность, а третье

зависит от нас, от нашей воли. Эпикурец не фаталист, он способен на самостоятельные поступки, преодолевающие страх и в этом отношении подобен атомам с их нелинейным движением.

Заключение

Хотя Эпикур был мягок и добр по отношению к большинству людей, иная сторона его проявляется по отношению к тем, от кого он был в своей жизни (он всю жизнь страдал от плохого здоровья) зависим. Он никогда не признавал, насколько обязан Демокриту, Навсифана называл моллюском, о Левкиппе говорил, что такого философа не существовало вовсе. С отсутствием великодушия сочетается другой личностный недостаток – диктаторский догматизм. Его философские основания должны быть приняты беспрекословно. Ни один из его учеников на протяжении веков существования эпикуреизма не добавил и не изменил ничего. Тит Лукреций Кар 200 лет спустя переложивший учение Эпикура в стихотворной форме, ничего теоретического не добавил тоже. Философия Эпикура стала известна читателям с эпохи Возрождения именно через эту поэму. Шестьсот лет люди воспринимают это учение как манифест сенсуалистического материализма, практического атеизма и нравственного эталона.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ В МИРЕ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ ТЕКСТЫ

О воззрениях милетских философов и других древнегреческих мыслителей мы знаем из произведений более поздних греческих и римских учёных и писателей, а также из работ самих философов. Имена доксографов указаны курсивом в скобках. Фрагменты приводятся из книги «Антология мировой философии в четырех томах». Т. 1. Ч. 1. М., 1969. Милетская школа – стр. 268–274, Гераклит – 275–280, Пифагор – 286–288, Ксенофан – 292–299, Парменид – 293–296, Зенон – 296–299, Эмпедокл – 300–308, Анаксагор – 308–315, софисты – 316–321, Демокрит – 322–346, Эпикур – 346–360.

МИЛЕТСКАЯ ШКОЛА

Фалес

/Фалес/, как /сообщают/ некоторые, первый стал рассуждать о природе... Началом всего он положил воду (*Диоген Лаэртский*).

Из первых философов большинство полагало в виде материи единое начало всего: то, из чего все сущее состоит, из чего как первого оно рождается и в чем как последнем оно гибнет; то, сущность чего сохраняется, а состояния изменяются; говорят, что оно и есть основа и начало сущего и что поэтому ничто не рождается и не уничтожается, так как такая природа сохраняется вечно... При этом о числе и виде такого начала не все говорят одно и то же. Фалес – родоначальник этой философии – говорит, что это вода /поэтому и земля из воды появилась/; сделал он это предположение, вероятно наблюдая, что все питается влагой и что сама теплота из нее рождается и ею живет..., а еще потому, что семена всего /сущего/ имеют влажную природу (*Аристотель*).

Фалес первый провозгласил, что природа души такова, что она находится в вечном движении или самодвижении (*Аэций*).

Согласно Фалесу, ум есть божество мироздания, все одушевлено и полно демонов (*Аэций*).

Изречения Фалеса весьма многочисленны, среди них и общеизвестное: «Познай самого себя» (*Свида*).

Анаксимандр

Анаксимандр Милетский ... сказал, что начало и основа всего сущего есть апейрон. Он первый ввел такое название для начала (*Симплиций*).

Анаксимандр говорит неопределенно о теле, лежащем в основании, называя его апейроном и не определяя его по виду ни как огонь, ни как воду, ни как воздух (*Симплиций*).

Некоторые считают таким /началом/ апейрон, а не воду или воздух, дабы все прочее не сгнуло в бесконечности этих стихий: ведь все они противоположны друг другу: воздух холоден, вода влажна, огонь горяч. Если бы одна из стихий была апейроном, то все остальные погибли бы. Поэтому говорят, что есть нечто иное, из коего все эти стихии возникают. Но невозможно, чтобы такое тело существовало (*Аристотель*).

/Анаксимандр говорит, что/ движение вечно (*Симплиций*).

/Анаксимандр утверждал, что/ части изменяются, целое же неизменно (*Диоген Лаэртский*).

/Анаксимандр говорит, что/из беспредельной природы рождаются все небеса и все миры в них (*Симплиций*).

И эти миры... то разрушаются, то снова рождаются, причем каждый /из них/ существует в течение возможного для него времени. И Анаксимандр в этих делах ничего не оставлял божественному уму (*Августин*).

/Апейрон/ есть божество: ведь он бессмертен и непреходящ, как говорит Анаксимандр (*Аристотель*).

/По Анаксимандру/, выше всего расположено солнце, после него луна, а под ней неподвижные звезды и планеты (*Аэций*).

Анаксимандр считал, что земля по своей форме цилиндрична и что ее высота равна трети ширины (*Псевдо-Плутарх*).

По учению Анаксимандра, первые живые существа возникли во влажном месте. Они были покрыты чешуей с шипами. Затем они вышли на сушу, их чешуя лопнула, и вскоре они изменили свой образ жизни (*Аэций*).

А еще говорит Анаксимандр, что первый человек произошел от живых существ другого вида. Животные быстро начинают кормиться сами, и только человек нуждается в продолжительном кормлении грудью. Он потому и сохранился, что в самом начале был не таким, /как ныне/ (*Псевдо-Плутарх*).

/По Анаксимандру/, первые люди зародились в рыбах и, вскормленные, как это делают пятнистые акулы, до такого состояния, когда они стали способны приходить на помощь самим себе, были изрыгнуты ими и вышли на землю (*Плутарх*).

Анаксимен

Говорят, что Анаксимен назвал началом всего воздух, по величине беспредельный, но по своим качествам определенный (*Псевдо-Плутарх*).

/Анаксимен/ богов не отрицал и не замалчивал, но полагал, что не богами создан воздух, а что они сами произошли из воздуха (*Августин*).

Движение же Анаксимен считает вечным. Благодаря ему все вещи превращаются /друг в друга/ (*Симплиций*).

Земля, будучи плоской, парит в воздухе, и точно так же солнце, луна и другие небесные огненные тела благодаря плоской форме держатся на воздухе... Светила произошли из земли через испаряющуюся из нее влагу, которая, разрежаясь, порождает огонь. А поскольку огонь поднимается в воздух, то таким образом и рождаются светила (*Ипполит*).

По Анаксимену, звезды наподобие гвоздей воткнуты в хрусталевидный /небосвод/ (*Аэций*).

ПИФАГОР

Самосец Пифагор, сын Мнесарха, первый назвавший философию этим именем, /признает/ началами числа и заключающиеся в них соразмерности, которые он называет также гармониями, элементы же, называемые геометрическими, /он считает/ состоящими из тех и других /начал/. Опять же /он принимает/ в началах монаду и неопределенную диаду. Одно из начал у него устремляется к действующей и видовой причине, каковая есть бог – ум, другая же /относится/ к причине страдательной и материальной, каковая есть видимый мир (*Аэций*).

Пифагор научился у египтян священному слову, геометрическим теоремам и учению о числах (*Диодор*).

Пифагор, кажется, ценил занятие числами более всего, и он подвинул вперед /эту науку/, освободив ее от служения делу купцов и уподобляя все вещи числам (*Стобей*).

...Пифагор преобразовал геометрию, придав ей форму свободной науки, рассматривая ее принципы чисто абстрактным образом и исследуя теоремы с нематериальной, интеллектуальной точки зрения. Именно он нашел теорию иррациональных количеств и открыл конструкцию космических фигур (*Прокл*).

Пифагор говорит, что есть пять телесных фигур, которые называются также математическими: из куба, /учит он/

возникла земля, из пирамиды – огонь, из октаэдра – воздух, из икосаэдра – вода, из додекаэдра – сфера Вселенной /т.е. эфир/ (*Аэций*).

Он же, /Пифагор/, сам слышал гармонию Вселенной, воспринимая всеобщую гармонию сфер и движущихся в них светил, которую мы не слышим вследствие малости /нашей/ природы... Ибо и в зрении, и в слухе, и в мышлении Пифагора /заклучалась/ чрезвычайно большая /сила/, способность усматривать каждую из существующих /вещей/, сокровищница ума и в высшей степени надлежащее проявление исключительной и более точной по сравнению с остальными /людьми/ организации (*Порфирий*).

О чем Пифагор учил своих учеников, никто не может сказать с уверенностью, ибо они давали строгий обет молчания. Из его учений наиболее общеизвестны следующие: что, по его словам, душа бессмертна, но переходит в тело других живых существ; далее, что все происходящее в мире снова повторяется через определенные промежутки времени, но что ничего нового вообще не происходит и что все живые существа необходимо считать однородными между собой. Говорят, что эти учения впервые принес в Грецию Пифагор (*Порфирий*).

О Пифагоре Ксенофан говорит следующее: «И как-то раз, говорят, когда били какого-то щенка, он, проходя мимо, пожалел его и изрек: «Перестань его бить! В нем душа доброго мне человека, которую я узнал, услышав издаваемые /ею/ звуки (*Ксенофан*).

Пифагор и Филолай /сказали/, что душа есть/ гармония (*Макробий*).

Пифагор – мудрейший из эллинов (*Геродот*).

ГЕРАКЛИТ

Огонь живет смертью земли, воздух живет смертью огня, вода живет смертью воздуха, а земля – смертью воды (*Максим Тирский*).

Гераклит [учит], что вечный круговращающийся огонь [есть бог], судьба же – логос (разум), созидающий сущее из противоположных стремлений. Гераклит: все происходит по определению судьбы, последняя же тождественна с необходимостью. Гераклит объявил сущностью судьбы логос, пронизывающий субстанцию Вселенной. Это эфирное тело, сперма рождения Вселенной и мера назначенного круга времени (*Аэций*).

Морская вода и чистейшая, и грязнейшая: рыбам она питье и спасение, людям же гибель и отрава (*Ипполит*).

В ту же реку вступаем и не вступаем. Существоем и не существуем (*Гераклит*).

Следует знать, что борьба всеобща, что справедливость в распре, что все рождается через распрю и по необходимости (*Ориген*).

Противоречивость сближает, разнообразие порождает прекраснейшую гармонию, и все через распрю создается (*Аристотель*).

Скрытая гармония сильнее явной (*Ипполит*).

Для бога все прекрасно, хорошо и справедливо, а люди одно приняли за справедливое, а другое – за несправедливое (*Порфирий*).

Подобен беспорядочно рассыпанному сору самый прекрасный космос (*Теофраст*).

И души из влаги испаряются (*Арий Дидим у Евсевия*).

Душам смерть – воде рождение. Воде смерть – земле рождение. Из земли ведь вода рождается, а из воды – душа (*Климент*).

Сияющая, сухая душа мудрейшая и наилучшая
(*Стобей*).

Всякий раз, как человек опьянеет, [его] ведет ребенок, а он шатается и не видит, куда идет, имея влажную душу
(*Стобей*).

Для душ наслаждение или смерть стать влажными.
(*Нумений, у Порфирия*).

Человек, [умирая] в ночи, сам себе огонь зажигает: хотя его глаза померкли, жив он (*Климент*).

Людей после смерти то ожидает, на что они не надеются и чего себе не представляют (*Климент*).

И по мнению Гераклита, кажется, человек обладает двумя средствами познания истины: чувственным восприятием и логосом (*Секст*).

Чему нас учат зрение и слух, то я ценю выше всего
(*Инполит*).

Глаза более точные свидетели, чем уши (*Полибий*).

Глаза и уши – плохие свидетели для людей, имеющих грубые души (*Секст*).

Идя к пределам души, их не найдешь, даже если пройдешь весь путь: таким глубоким она обладает логосом (*Диоген Лаэртский*).

Ведь существует единственная мудрость: познать замысел, устроивший все через все (*Диоген Лаэртский*).

Так вот, этот общий и божественный разум, через участие в котором мы становимся разумными, Гераклит называет критерием истины. Отсюда заслуживает доверия то, что является всем вообще (ибо это воспринимается общим и божественным разумом), а то, что является кому-либо одному, то неверно по противоположной причине (*Секст*).

Хотя этот логос существует вечно, недоступен он пониманию людей ни раньше, чем они услышат его, ни тогда, когда впервые коснется он их слуха. Ведь все совершается по этому логосу, и тем не менее они (люди) оказывают-

ся незнающими всякий раз, когда они приступают к таким словам и делам, каковы те, которые я излагаю, разъясняя каждую вещь согласно ее природе и показывая, какова она. Остальные же люди [сами] не знают, что они, бодрствуя, делают, подобно тому как они забывают то, что происходит с ними во сне (*Секст*).

Многознание уму не научает, иначе оно научило бы Гесиода и Пифагора, а также Ксенофана и Гекатея (*Диоген Лаэртский*).

Гомер заслуживает изгнания с состязаний и наказания розгами (*Диоген Лаэртский*).

И самый вдумчивый [человек] познает только кажущееся и лелеет его. Но Дике настигнет лжецов и лжесвидетелей (*Климент*).

Но хотя логос присущ всем, большинство живет так, словно [каждый] имеет свое особое разумение (*Секст*).

Людям не стало бы лучше, если бы все их желания сбылись (*Стобей*).

Нрав человека – его демон (*Стобей*).

Человек бессловесен перед демоном, как ребенок перед взрослым (*Ориген*).

Ведь все человеческие законы питаются единым божественным (*Стобей*).

И воле одного повиноваться – закон (*Климент*).

Народ должен бороться за закон, как за свои стены (*Диоген Лаэртский*).

ДЕМОКРИТ

Учение о бытии

.../Все/прочее состоит из неделимых тел, последние же бесконечны числом и бесконечно разнообразны по формам: вещи же отличаются друг от друга /неделимыми/, из которых они состоят, их положением и порядком... (*Аристотель*).

...Существуют некоторые легкие тельца – одни шероховатые, другие круглые; третьи угловатые и крюкастые, четвертые закрученные и как бы внутрь загнутые, и из этих-то /телец/, образовались небо и земля, причем это образование произошло по природе без всякого воздействия извне, но вследствие некоторого случайного стечения (*Цицерон*).

...Атомов – бесконечное множество, пустота же беспредельна по величине (*Аэций*).

Атомы суть всевозможные маленькие тела, не имеющие качеств, пустота же – некоторое место, в котором все эти тела, в течение всей вечности носясь вверх и вниз, или сплетаются каким-нибудь образом между собой, или наталкиваются друг на друга и отскакивают, расходятся и сходятся снова между собой в такие соединения, и, таким образом, они производят и все прочие сложные /тела/, и наши тела, и их состояния и ощущения (*Гален*).

...Начало Вселенной – атомы и пустота... Миров бесчисленное множество, и они имеют начало и конец во времени. И ничто не возникает из небытия... И атомы бесчисленны по разнообразию величин и по множеству; носятся же они во Вселенной, кружась в вихре, и, таким образом, рождается все сложное: огонь, вода, воздух, земля. Дело в том, что последние суть соединения некоторых атомов. Атомы же не поддаются никакому воздействию и неизменяемы вследствие твердости (*Диоген Лаэртский*).

Демокрит... /учил/, что может быть атом размером в наш мир (*Аэций*).

Ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости (*Аэций*).

Ведь ничто не возникает случайно..., но есть какая-либо определенная причина у всего того, относительно чего мы говорим, что оно возникает само собой или случайно (*Аристотель*).

Учение о познании

Демокрит иногда отвергает чувственно воспринимаемые явления и говорит, что ничто из них не является поистине, но лишь по мнению, поистине же существуют /только/ атомы и пустота... А именно он говорит: «/Лишь/ в общем мнении существует сладкое, в мнении – горькое, в мнении – теплое, в мнении – холодное, в мнении – цвет, в действительности же /существуют только/ атомы и пустота». Это значит: чувственно воспринимаемые /явления/ общим мнением признаются существующими, но на самом деле они не существуют, а существуют только атомы и пустота. В «Подтверждениях» он хотя и обещал приписать ощущениям силу достоверности, однако ничуть не меньше осуждает их. А именно он говорит: «В действительности мы не воспринимаем ничего истинного, но /воспринимаем лишь/ то, что изменяется в зависимости от состояния нашего тела и входящих в него и оказывающих ему противодействие /истечений от вещей/» (*Секст*).

В «Канонах» он говорит, что есть два вида познания, из коих познание посредством логического рассуждения он называет законным и приписывает ему достоверность в суждении об истине, познание же посредством ощущений он называет темным и отрицает пригодность его для распознавания истины (*Секст*).

Учение о космосе

...Существует в бесконечной пустоте бесконечное множество миров и ... они образуются из бесконечного множества атомов (*Симплиций*).

...Мир шарообразен. .../Мир/ не одушевлен и не управляется провидением, но, будучи образован из атомов, /он/ управляется некоторой неразумной природой (*Аэций*).

...Вначале земля блуждала вследствие своей малости

и легкости; с течением же времени, сделавшись плотнее и тяжелее, она пришла в неподвижное состояние (*Аэций*).

Миры ... бесчисленны и различны по величине. В некоторых /мирах/ нет ни солнца, ни луны, в некоторых /солнце и луна/ больше /по размерам/ наших и в некоторых их большее число (*Инполит*).

Расстояния между мирами не равны: между некоторыми большие, между другими меньшие, и одни миры /еще/ растут, другие находятся /уже/ в расцвете, третьи разрушаются. Погибают же они друг от друга, сталкиваясь /между собой/. Некоторые миры не имеют животных и растений и вовсе лишены влаги (*Инполит*).

...Луна – огненное твердое тело, заключающее в себе равнины, горы и пропасти... Солнце – раскаленное железо или раскаленный камень (*Аэций*).

Учение об органической природе и человеке

И подобно тому как во Вселенной мы видим, что одни /вещи/ только управляют, как, например, божественные; другие и управляют, и управляются, как, например, человеческие, /а именно они и управляются божественными и управляют неразумными животными/; третьи же только управляются, как, например, неразумные животные; точно так же и в человеке, который есть, по Демокриту, микрокосм /малый мир/, наблюдается то же самое. И /в человеке/ одни /части/, как разум, только управляют, другие же, как сердце, и повинуются, и управляют... третьи же только повинуются, как вождение (*Давид*).

...Растения имеют ум и знание (*Николай из Дамаска*).

...Первые люди произошли из воды и ила (*Цензорин*).

.../Люди/ произросли из земли наподобие червяков, без всякого творца и без всякого разумного основания (*Лактанций*).

Демокрит и Эпикур: душа состоит из двух частей; она

имеет разумную /часть/, помещающуюся в груди, и неразумную /часть/, рассеянную по всему телу. А именно Гиппократ, Демокрит и Платон помещают главенствующую часть /души/ в мозг (*Аэций*).

...Душа смертна, она уничтожается вместе с телом (*Аэций*).

...Душа и ум – одно и то же. ...Не может быть ни одного, животного, которое было бы совершенно неразумным (*Аэций*).

О богах и религии. Об обществе

...То он полагает, что во Вселенной находятся образы, одаренные божественностью, то он говорит, что боги суть умственные начала, находящиеся в той же Вселенной, то /принимает в качестве богов/ живые образы, которые обычно или помогают, или вредят нам, то /считает богами/ некие громадные образы столь больших размеров, что они извне окружают весь мир (*Цицерон*).

По мнению некоторых, мы пришли к представлению о богах, /исходя/ от чудесных явлений в мире; кажется, этого мнения Демокрит. А именно он говорит, что древние, наблюдая небесные явления, как-то: гром, молнии, перуны, сближения звезд, затмения солнца и луны, приходили в ужас и полагали, что виновники этого – боги (*Секст*).

Прежде всего эти люди, /последователи Демокрита/, ... утверждают, что существование богов есть хитрая выдумка, что на самом деле их нет, но их существование признается /лишь/ в силу некоторых установлений и что боги различны в разных местах, соответственно тому, как каждый /народ/ у себя это установил, создавая свои обычаи... Отсюда овладевают молодыми людьми нечестивые /мысли/, будто нет богов, которых закон предписывает признавать (*Платон*).

/1/. Что же касается перворожденных людей, то о них говорят, что они вели беспорядочный и звероподобный об-

раз жизни. Действуя /каждый сам по себе/ в одиночку, они выходили на поиски пищи и добывали себе наиболее годную траву и дикорастущие плоды деревьев.

/2/. Так как на них нападали звери, то они стали научиться взаимно помогать друг другу благодаря пользе, /приносимой совместными действиями/. Собираясь же вместе вследствие страха, они мало-помалу стали познавать знаки, /подаваемые ими/ друг другу.

/3/. И тогда как /вначале/ голос их был бессмысленным и нечленораздельным, постепенно они стали говорить членораздельно и в общении друг с другом стали устанавливать /словесные/ символы относительно каждой из вещей, /и таким образом/ они создали самим себе привычную речь обо всем /существующем/.

/4/. А поскольку такие объединения /людей/ образовались по всей обитаемой земле, то не один язык возник у всех /людей/, так как каждая /из групп/ составляла слова как ей пришлось.

В результате этого появились разнообразные языки со своими особенностями, и /такие/ первоначально образовавшиеся объединения людей стали родоначальниками всех народов.

/5/. Итак, первые люди, поскольку /тогда еще/ не было изобретено ничего из того, что относится к удобствам жизни, проводили свою жизнь в непрерывных тяжелых трудах, ибо они не были защищены одеждою, не умели строить жилищ, не знали употребления огня и не имели вовсе никакого понятия о приготовлении пищи.

/6/. В самом деле, не имея /еще/ привычки собирать пищу, которая была дикорастущей, они не делали никакого запаса плодов для своих нужд. По этой причине многие из них погибали зимой от холода и недостатка пищи.

/7/. С того времени, мало-помалу научаемые опытом, они стали зимою искать убежища в пещерах и откладывать

про запас те из плодов, которые могут сохраняться. /Далее/ стало им известно употребление огня, и постепенно они познакомились и с прочими полезными /для жизни вещами/, затем были изобретены ими искусства и /все/ остальное, могущее быть полезным для общественной жизни. Действительно, сама нужда служила людям учительницей во всем, наставляя их соответствующим образом в познании каждой /вещи/. /Так нужда научила всему/ богато одаренное от природа живое существо, обладающее годными на все руками, разумом и сметливостью души (*Диодор*).

«От животных, — говорит Демокрит, — мы путем подражания научились важнейшим делам: /а именно мы — ученики/ паука в ткацком и портняжном ремеслах, /ученики/ ласточки в построении жилищ и /ученики/ певчих птиц, лебедя и соловья в пении» (*Плутарх*).

КСЕНОФАН

[Ксенофан]: не от начала все открыли боги смертным, но постепенно, ища, [люди] находят лучшее (*Стобей*).

[Ксенофан]: но смертные думают, будто боги рождаются, имеют одежду, голос и телесный образ, как и они (*Климент*).

[Ксенофан]: эфиопы говорят, что их боги курносы и черны; фракияне же [представляют своих богов] голубоглазыми и рыжеватыми (*Климент*).

[Ксенофан]: но если бы быки, лошади и львы имели руки и могли бы ими рисовать и создавать произведения [искусства] подобно людям, то лошади изображали бы богов похожими на лошадей, быки же — похожими на быков и придавали бы [им] тела такого рода, каков телесный образ у них самих, [каждые по-своему] (*Климент*).

[Ксенофан]: все, что есть у людей бесчестного и позорного, приписали богам Гомер и Гесиод: воровство, прелюбодеяние и взаимный обман (*Секст*).

[Ксенофан]: единый бог, величайший между богами и людьми, не подобный смертным ни внешним видом, ни мыслью (*Климент*).

[Ксенофан]: всем своим существом он видит, мыслит и слышит (*Секст*).

[Ксенофан]: но без усилия силой ума он все потрясает (*Симплиций*).

[Ксенофан]: всегда он пребывает на одном и том же месте, никуда не двигаясь; переходить с места на место ему не подобает (*Симплиций*).

Он учит, что... существо божье шарообразно и несколько не подобно человеку. Божество всем своим существом видит и все оно слышит, однако не дышит. Также все оно есть ум, мышление и вечность (*Диоген*).

Все едино и неизменяемо, и это есть бог, никогда не рожденный, вечный, шаровидной формы (*Цицерон*).

Затем Ксенофан, приписав разум Вселенной, которую он, сверх того, считал бесконечной, признал ее богом (*Цицерон*).

Он сам говорит, что бог есть тело, говоря это или о нем целом или о его сущности. Ведь, будучи бестелесным, каким образом он мог бы быть шаровидным? (*Аристотель*).

[Ксенофан]: из земли все [возникло] и в землю все обратится в конце концов (*Аэций*).

[Ксенофан]: этот верхний конец земли, соприкасающийся с воздухом, мы видим [у себя] под ногами, нижняя же часть [земли] простирается в бесконечность (*Ахилл*).

Солнце же возникает ежедневно из скопления мелких искорок, а земля беспредельна и не окружена ни воздухом, ни небом... Земля бывает смешана с морем и со временем освобождается от влаги... В странах, удаленных от моря, и на горах находят раковины... Все люди гибнут всякий раз, когда, погрузившись в море, земля становится грязью, затем

снова она полагает начало рождению, и такое чередование бывает во всех мирах (*Ипполит*).

Ксенофан считал началами сухое и влажное, то есть землю и воду (*Филопон*).

[Ксенофан]: ибо все мы родились из земли и воды (*Секст*).

ЭЛЕЙСКАЯ ШКОЛА

Парменид

Он сказал, что философий две: одна – сообразно истине, другая – сообразно мнению... Критерием же [истины] он признал разум. И ощущения не точны, [по его мнению] (*Диоген Лаэртский*).

И не следующий мнению толпы, могучий, надменный Парменид, который поистине освободил мышление от обмана воображения (*Тимон* (у *Диогена Лаэртского*)).

Он доказывает вечность Вселенной и [в то же время] старается объяснить возникновение сущего, причем суждения его о том и другом [предмете] не одинакового порядка, но он полагает, что поистине Вселенная едина, безначальна и шаровидна; согласно же мнению толпы, для объяснения возникновения он принимает два начала кажущегося [мира]: огонь и землю, одно – в качестве материи, другое же – в качестве действующей причины (*Александр Афродисийский*).

Не удивляйся, если он говорит, что единое сущее «подобно массе совершенно правильного шара». Дело в том, что вследствие поэтического способа выражения он также прибегает к некоторому мифическому образу. Какая, в самом деле, разница – сказать это или так, как сказал Орфей: «Серебристое яйцо»? (*Симплиций*).

Он объявляет, что, согласно истинному положению вещей, Вселенная вечна и неподвижна... Возникновение же

относится к области кажущегося, согласно ложному мнению, бытия. И ощущения он изгоняет из области истины. Он говорит, что, если что-нибудь существует сверх бытия, то оно не есть бытие. Небытия же во Вселенной нет. Вот таким-то образом он оставляет бытие без возникновения (*Псевдо-Плутарх*).

Парменид: бог – неподвижен, конечен и имеет форму шара (*Аэций*).

О природе

I 28. ...Все должен знать ты:

Истины круглой моей неустрашимое сердце
И не присущи ей туманные мнения смертных.

34. Пусть не принудит тебя накопленный опыт
привычки
Зренье свое утруждать, язык и нечуткие уши.
Разумом ты разреши труднейшую эту задачу,
Данную мною тебе.

IV 5. Путь же: есть небытие, и небытие
неизбежно.

Путь этот знания не даст.

VII 1. Не доказать никогда, что небытие
существует.
Не допускай свою мысль к такому пути
изысканья.

IV 7. Небытия ни познать... не сможешь,
Ни в слове выразить.

VI 3. Ты избежишь дурного пути изысканья, –
Что измышляют невежды,
Люди о двух головах. Беспомощно ум их
блуждает.
Бродят они наугад, глухие и вместе слепые.
Вздорный народ! Бытие и небытие тем же
самым

- И не тем же самым зовут. И путь во всем
видят обратный.
- VIII 15. Быть или вовсе не быть – вот здесь
разрешенье вопроса.
- IV 3. Есть бытие, а небытия вовсе нету;
Здесь достоверности путь, и к истине он
приближает.
- V 1. Одно и то же есть мысль и бытие.
- VI 1. Слово и мысль бытием должны быть.
- VIII 34. Одно и то же есть мысль и то, о чем мысль
существует.
Ибо ведь без бытия, в котором ее
выраженье,
Мысли тебе не найти.
- VIII 3. Не возникает оно, [бытие], и не подчиняется
смерти.
Цельное все, без конца, не движется и
однородно.
Не было в прошлом оно, не будет, но все –
в настоящем.
Без перерыва, одно. Ему ли разыщешь
начало?
Как и откуда расти?
- VIII 21. Гаснет рождение так и смерть пропадает
без вести.
И неделимо оно, ведь все оно сплошь
однородно.
- VIII 26. Так неподвижно лежит в пределах оков
величайших,
И без начала, конца, затем что рожденье
и гибель
Истинным тем далеко отброшены вдаль
убеждением.

- VIII 30. ...Могучая необходимость
Держит в оковах его, пределом вокруг
ограничив.
Так бытие должно быть, необходимо,
конечным:
Нет ему нужды ни в чем, иначе во всем бы
нуждалось.
- VIII 42. Есть же последний предел, и все бытие
отовсюду
Замкнуто, массе равно вполне совершенного
шара
С правильным центром внутри.
- VIII 50. Этим кончаю я речь правдивую и
обсужденье
Истины. Ты же теперь прислушайся к
мнениям смертных,
Звукам обманчивых слов дальнейших
прилежно внимая.

Зенон

В своем сочинении... он доказывает, что тому, кто утверждает множественность [сущего], приходится впадать в противоречия... [В частности], он доказывает, что «если сущее множественно, то оно и велико, и мало; столь велико, что бесконечно по величине, и столь мало, что вовсе не имеет величины». Вот в этом [доказательстве] он старается доказать, что то, что не имеет ни величины, ни толщины, ни объема, существовать не может. «Ибо, – говорит он, – если прибавить [это] к другому сущему, то нисколько не увеличишь его. Ведь так как у него нет вовсе величины, то, будучи присоединено, оно не может нисколько увеличить. И таким образом, [как] уже [очевидно], ничего не было бы прибавлено. Если же другая [вещь] нисколько не уменьшится от от-

нятия [у ней этого] и, с другой стороны, нисколько не увеличится от прибавления [этого], то очевидно, что то, что было прибавлено и отнято, есть ничто». И это Зенон говорит не с целью отрицать единое, но исходя из того [соображения], что каждая из многих бесконечных [по числу вещей] имеет величину по той причине, что перед любой [вещью] всегда должно находиться что-нибудь вследствие бесконечной делимости. Это он доказывает, после того как раньше показал, что ничто не имеет величины, так как каждая из многих [вещей] тождественна с собой и едина (*Симплиций*).

Доказывая, что если существует многое, то одно и то же будет ограниченным и беспредельным, Зенон пишет буквально следующее: «Если существует много [вещей], то их должно быть [ровно] столько, сколько их [действительно] есть, отнюдь не больше и не меньше, чем сколько их есть. Если же их столько, сколько есть, то число их ограничено.

Если существует много [вещей], то сущее [по числу] беспредельно. Ибо между [отдельными] существующими [вещами] всегда находятся другие [вещи], а между ними опять другие. И таким образом, сущее беспредельно [по числу]» (*Симплиций*).

Показав сначала, что, «если бы сущее не имело величины, оно не существовало бы», он продолжает: «Если же оно существует, то каждая [вещь] обязательно должна иметь какую-либо величину, толщину и расстояние от любой другой вещи. И к лежащей перед ней [вещи] применимо [опять] то же самое рассуждение. А именно и она будет обладать величиной и перед ней будет лежать какая-либо другая [вещь]. Итак, то самое, что было сказано однажды, можно повторять до бесконечности. Ибо ни одна такая [вещь] его (сущего) не будет последней и никогда не будет вещи, у которой не было бы [вышеуказанного] отношения к другой вещи. Таким образом, если сущее множественно, то оно должно

быть и малым, и большим: настолько малым, чтобы [вовсе] не иметь величины, и настолько большим, чтобы быть бесконечным» (*Симплиций*).

Зенон же отрицает движение, говоря: «Движущийся [предмет] не движется ни в том месте, где он находится, ни в том, где его нет» (*Диоген Лаэртский*).

Есть четыре рассуждения Зенона о движении, доставляющие большие затруднения тем, которые хотят их разрешить. Первое – о несуществовании движения на том основании, что перемещающееся тело должно прежде дойти до половины, чем до конца... Второе – так называемый Ахиллес. Оно заключается в том, что существо более медленное в беге никогда не будет настигнуто самым быстрым, ибо преследующему необходимо раньше прийти в место, откуда уже двинулось убегающее, так что более медленное всегда имеет некоторое преимущество. Третье... заключается в том, что летящая стрела стоит неподвижно; оно вытекает из предположения, что время слагается из отдельных «теперь»... Четвертое рассуждение относится к двум равным массам, движущимся по ристалищу с противоположных сторон с равной скоростью: одни с конца ристалища, другие от середины, в результате чего, по его мнению, получается, что половина времени равна ее двойному количеству (*Аристотель*).

ЭМПЕДОКЛ

Количество и форму для такого начала не указывают все одинаково, но Фалес... считает его водою... С другой стороны, Анаксимен и Диоген ставят воздух раньше, нежели воду, и из простых тел его главным образом принимают за начало; Гиппас из Метапонта и Гераклит из Эфеса [выдвигают] огонь, Эмпедокл – [известные] четыре элемента, к тем, которые были названы, на четвертом месте присоеди-

няя землю; элементы эти всегда пребывают, и возникновение для них обозначает только [появление их] в большом и в малом числе в то время, когда они собираются [каждый] в одно и рассеиваются из одного (*Аристотель*).

Он принимает четыре телесные стихии (материальных элемента): огонь, воздух, воду и землю, которые вечны, изменяются же в больших и малых размерах в зависимости от [образуемого ими взаимного] соединения и разделения; началами же в собственном смысле слова, приводящими в движение вышеупомянутые [элементы], являются Любовь и Вражда. Дело в том, что стихии (элементы) всегда должны совершать движение попеременно в противоположном направлении, то соединяясь Любовью, то разделяясь Враждою. Таким образом, по Эмпедоклу, начал [всего] шесть (*Симплиций*).

Необходимость, которую большинство зовет судьбой, Эмпедокл называет одновременно Любовью и Враждой (*Плутарх*).

Эмпедокл: космос (т. е. мир как упорядоченное целое) один, однако космос не составляет [всей] Вселенной, но [образует] лишь некоторую, небольшую часть Вселенной, остальная же [часть ее] представляет собой необработанную материю (*Аэций*).

Другие же говорят, что один и тот же [мир] попеременно возникает и уничтожается и, вновь возникши, опять разрушается, и такая смена вечна. Так, Эмпедокл говорит, что поочередно одерживает верх то Любовь, то Вражда, причем первая сводит все в единство, разрушает мир Вражды и делает из него шар, Вражда же снова разделяет элементы (*Симплиций*).

Эмпедокл обращается к причинам больше, нежели Анаксагор, но и он обращается недостаточно и, имея с ними дело, не получает последовательных результатов. По

крайней мере у него во многих случаях дружба разделяет, а вражда соединяет. В самом деле, когда целое под действием вражды распадается на элементы, тогда огонь собирается вместе и также – каждый из остальных элементов. Когда же элементы снова под действием дружбы сходятся в единое целое, то из каждого элемента части [его] должны опять рассеяться [в разные стороны]. Эмпедокл, таким образом, в отличие от прежних философов первый ввел разделение [движущей] причины – установил не одно начало движения, а два разных, и притом противоположных. Кроме того, элементы, относимые к разряду материи, он первый указал в числе четырех (*Аристотель*).

Первые животные и первые растения совсем не родились целыми, но отдельными частями, не могущими быть прилаженными; во-вторых, произошли собрания частей, как в картинах фантазии; в-третьих, появились цельные тела; в-четвертых, вместо того чтобы происходить из элементов, каковы земля и вода, они родились друг от друга, с одной стороны, потому, что пища была в избытке, с другой стороны, потому, что красота самок возбуждала желание полового сближения (*Аэций*).

Смерть происходит от разделения огненного, [воздушного, водяного и земного], соединение которых представляет собой человек. Таким образом, смерть тела и души по указанной причине происходит одновременно. Сон же возникает вследствие отделения огненного (*Аэций*).

[Солнечное затмение происходит] вследствие того, что луна заходит под солнце, (*Аэций*).

О природе

2. Скудные средства познания нашим дарованы
  членам,
Множество скверн и напастей смущает
  пытливые думы.
Малый узрев лишь удел человеческой жизни
  злосчастной,
Гибнут, как дыма струя, скоротечных людей
  поколенья,
Сердцем постигнув лишь то, что каждому путь
  преградило
В суетной жизни стезе; а всякий мнит целое
  ведать:
Оку людскому незримо оно, ни уху невнятно,
Даже умом необъемлемо. Ты же, столь жадный
  к познанию,
Сведать готовься лишь то, что смертная мысль
  прозревает.
8. Но и другое тебе я поведаю: в мире сем тленном
Нет никакого рожденья, как нет и губительной
  смерти:
Есть лишь смешенье одно с размещеньем того,
  что смешалось,
Что и зовут неразумно рождением темные люди.
11. Глупые! Как близорука их мысль, коль они
  полагают,
Будто действительно раньше не бывшее может
  возникнуть,
Иль умереть и разрушиться может совсем то,
  что было.
12. Ибо из вовсе не бывшего существа стать неспособно;
Также и существа чтобы прешло – ни на деле, ни
  В мысли

- Вещь невозможная: ибо оно устоит против
силы,
14. Нет во Вселенной нигде пустоты: и откуда ей
взяться?
17. Речь моя будет двоякая: ибо – то в множества
недрах
Крепнет единство, то множество вновь
прорастает в единстве.
Тленного также двояко рожденье, двояка и
гибель:
Эту рождает и губит всеобщий порыв к
единенью,
То же, разладом питаюсь, в нем вскоре конец
свой находит.
Сей непрерывный обмен никак прекратиться
не в силах:
То, Любовью влекомое, сходится все воедино,
То ненавистным Раздором вновь гонится врозь
друг от друга.
20. Ясно то можно узреть в совокупности членов
телесных:
То, Любовью влекомые, сходятся все воедино
Органы бренного тела, в расцвете жизненной
силы;
То, напротив, Враждой разъятые злой, каждый
порознь
В шумном прибое житейского моря у берега
блуждают.
Так у растений бывает, у рыб, населяющих воду,
Так и у горных зверей, и у птиц, сих ладей
окрыленных.
21. Но на свидетельства прежних речей обрати свои
взоры,

Не было ль там уклонений от мысли,
 положенной нами.
 Вот пред тобою горячее и лучезарное солнце,
 Вот и бессмертная высь, сиянием дня залитая,
 Вот и дождем нисходящая, темная, хладная
 влага,
 Вот и в земле сокровенное твердое мира начало.
 Все во Гневе они разнovidны и врозь
 существуют,
 Но в Любви сочетаются, страстью пылая взаимной.
 Ибо из них все, что было, что есть и все то, что
 будет:
 В них прозябают деревья, из них стали мужи
 и жены,
 Дикие звери, и птицы, и в море живущие рыбы,
 Также и боги из них, многочтимые, долгие
 днями.
 Ибо всё те же они, проникая, однако, друг
 друга,
 В видах различных являются: столько их смесь
 изменяет.
 22. Все они – солнце, земля, необъятное небо и
 море, –
 Все стремятся равно к единению всеми частями,
 Сколько бы их ни отпрянуло в тленных вещей
 зарожденьи.
 Так равной все те, что более склонны к
 смешенью,
 Страстью взаимной пылают, по воле самой
 Афродиты.
 Те же, что сильно враждебны, взаимно с собой
 разногласят
 Свойствами, способом смеси и формы своей
 отпечатком:

- Купно сойтись неспособны они, и властвует ими
Беспрекословно Раздор, такую им давший
природу.
26. Властвуют поочередно они во вращении круга,
Слабнут и вновь возрастают, черед роковой
соблюдая.
Ибо всё те же они, проникая, однако, друг друга,
Образ людей и животных различных пород
принимают.
То, Любовью влекомые, сходятся в стройный
порядок,
То ненавистным Раздором вновь гонятся врозь
друг от друга,
Чтобы в единое целое снова затем погрузиться.
Так, поскольку единство рождается без
перерыва
В множества недрах, а множество вновь
прорастает в единстве, —
Вечно они возникают, и нет у них стойкого века.
Но поскольку обмен сей никак прекратиться не
в силах, —
Вечно постольку они существуют в недвижимом
круге.
27. Там ни быстрых лучей Гелиоса узреть
невозможно,
Ни косматой груди земли не увидишь, ни моря:
Так, под плотным покровом Гармонии, там
утвердился
Шару подобный, окружным покоем гордящийся
Сферос.
29. Нет ни рук у него, что как ветви из плеч
вырастают,
Нет ни быстрых колен, ни ступней, ни частей
детородных:

- Равный себе самому отовсюду был шар, или
Сферос.
30. Но как скоро Раздор возрос и окреп среди
членов,
К почестям вспрянув высоким, когда
совершилось время,
Клятвой великою им предреченное порознь
обоим...
31. Дрогнули члены у бога один за другим по
порядку.
35. ...Из смешенья стихий бесконечные сонмы
созданий
В образах многоразличных и дивных на вид
происходят.
36. К крайним пределам Раздор отступал при их
единении.
37. Тело земли из земли, из эфира эфир вырастает.
38. Скажем о первых и равных по древности мира
основах,
В коих возникло все то, что ныне мы зрим во
Вселенной:
Бурное море, земля, бременеющий влагою
воздух,
Также эфирный Титан, облакающий вокруг
мирозданье.
55. ...Море – пот земли...
57. Выросло много голов, затылка лишенных и шеи,
Голые руки блуждали, не знавшие плеч, одиноко
Очи скитались по свету без лбов, им ныне
присущих.
58. ...Блуждали одночленные органы...
59. Но как скоро тесней божество с божеством
сочеталось,

- Купно тогда одинокие члены сошлись, как
попало,
Множество также других прирождалось к ним
беспрерывно.
61. Множество стало рождаться двуликих существ
и двугрудых,
Твари бычачьей породы с лицом человека
являлись,
Люди с бычачьими лбами, создания смешанных
полов:
Женской природы мужчины, с бесплодными
членами твари.
71. Если вера твоя ненадежна в мои поученья,
Как из смешенья воды, и земли, и эфира, и
солнца
Образы все и цвета преходящих возникли
созданий, —
Все, сколько б ныне на свет их ни вышло из
рук Афродиты...
72. Как деревья огромные вышли, как рыбы
морские...
73. Землю Киприда, дождем оросив и согревши
дыханьем
Теплым, огню предала закалить ее пламенем
быстрым.
74. Рыб обильно семянных ведя неразумное племя...
81. В кору проникнув извне, вином бродит в дереве
влага.
82. Волосы, листья и перья густые у птиц и на
рыбах
Плотный покров чешуи — из одной происходят
основы.
89. Знай: из всего, что родилось, тончайшие токи
исходят.

90. Сладкое к сладкому, горькое к горькому стало
стремиться,
Кислое с кислым сошлось, теплота с теплотой
сочеталась.
91. Смесь охотно с вином образует вода, но не
с маслом.
102. Так у всего, что живет, обоняние есть и
дыханье.
103. Воля Судьбы такова, что присуща всем тварям
разумность.
105. В бурных волнах обтекающей крови питается
сердце;
В нем же находится то, что зовем мы так часто
мышленьем:
Мысль человека есть кровь та, что сердце вокруг
омывает.
106. Разум растет у людей в соответствии с мира
познанием.
109. Землю землею мы зрим и воду мы видим
водою,
Дивным эфиром эфир, огнем же огонь
беспощадный,
Также любовью любовь и раздор ядовитым
раздором.
110. ...Ибо знай, что во всем есть разумности доля
и мысли.

Очищение

117. Был уже некогда отроком я, был и девой когда-то,
 Был и кустом, был и птицей, и рыбой морской
 бессловесной.
133. Нет, божество недоступно ни зрению нашего
 ока,

- Ни осязанию рук, а ведь в них пролегает
главнейший
Путь для внедрения веры в сердца недоверчивых
смертных.
134. Нет у него головы человекообразной, что члены
Смертных кончает, ни рук, что, как ветви, из
плеч вырастают,
Нет ни быстрых колен, ни ступней, ни частей
волосатых:
Дух лишь один существует святой, несказанный,
от века
Мыслями быстрыми вокруг обегаящий все
мирозданье.
135. Этот всеобщий закон простирается без перерыва,
Весь обнимая эфир и безмерного света сиянье.

АНАКСАГОР

[Анаксагор считал, что] ничто не возникает из небытия (*Симплиций*).

[Анаксагор признал] гомеомерии материей, действующей же причиной – ум, который все привел в порядок (*Аэций*).

Он высказал [учение], что начало Вселенной – ум и материя; ум – [начало] производящее, материя – [начало] страдательное (*Инполит*).

Почти в [самом] начале первой книги «О природе» Анаксагор говорит следующее: «...должно думать, что во всех соединениях [заключается] много различных [веществ] и [находятся] семена всех вещей, имеющие разнообразные формы, цвета, вкусы и запахи» (*Симплиций*).

Анаксагор... признал началами сущего гомеомерии. Ибо ему казалось в высшей степени непонятным, каким образом что-нибудь может возникнуть из небытия или уничтожиться в небытие. Действительно, мы принимаем пищу

простую и однородную – хлеб и воду, и ею питаются волос, жила, артерии, мясо, мускулы, кости и остальные части [тела]... Должно согласиться с тем, что в принимаемой [нами] пище находится все существующее и что увеличение всего происходит на счет [уже] сущего. И в нашей пище находятся частицы – производители крови, мускулов и [всего] прочего... И вот по причине того, что части, [закрывающиеся] в пище, подобны производимым ими [вещам], он назвал их гомемериями (подобочастными) и признал их началами сущего (*Аэций*).

Все питается подобным... Все возникает из всего если и не прямо, то по порядку... Вследствие этого он признал, что в пище и воде, если этим питаются деревья, находится древесина, кора и плод (*Симплиций*).

Анаксагор говорит: «Во всем есть часть всего» (*Симплиций*).

Анаксагор утверждает, что любая из частиц есть смесь, подобная целому, так как можно видеть, как любая вещь возникает из любой (*Аристотель*).

Теофраст во второй книге «Об Анаксагоре» пишет следующее: «Затем недостаточно доказательно утверждение, что все заключается во всем по той причине, что и в большом, и в малом [находится] бесконечность и нельзя получить ни наименьшего, ни наибольшего» (*Симплиций*).

Анаксагор... утверждает, что начала неограниченны [по числу] (*Аристотель*).

Все гомемерии... не имеют ни начала, ни конца во времени (*Симплиций*).

Анаксагор в первой книге «Физики» ясно говорит, что возникновение и гибель суть соединение и разделение. А именно он пишет следующим образом: «[Слова] возникновение и гибель неправильно употребляют эллины. Ибо [на самом деле] ни одна вещь не возникает и не уничтожается, но [каждая] составляется из смешения существующих

вещей или выделяется из них. Таким образом, правильно было бы говорить вместо «возникать» – «смешиваться» и вместо «погибать» – «разделяться» (*Симплиций*).

Все заключается во всем, каждая же [вещь] характеризуется тем, что в ней преобладает. Так, золотом кажется то, в чем много золотого, хотя в нем есть все. По крайней мере Анаксагор говорит: «... чего [в вещи] наиболее, тем каждая отдельная вещь наиболее кажется и казалась» (*Симплиций*).

Начинается же [его сочинение] следующим образом: «Вместе все вещи были, ум же их отделил и привел в порядок» (*Аэций*).

[Анаксагор говорит в начале первой книги своей «Физики»], что «вместе все вещи были, бесконечные и по множеству, и по малости. Ибо малое было бесконечным (бесконечно малым). И пока все они были вместе, ни одно [из них] не было заметно вследствие малости. Ибо всех [их] сдерживал воздух и эфир, которые оба были бесконечными. Дело в том, что их наиболее заключается во всем и по количеству, и по величине» (*Симплиций*).

[Анаксагор] утверждает, что все было смешано, кроме ума, и лишь он один не смешан и чист (*Аристотель*).

Анаксагор же говорит, что в начале тела стояли [неподвижно], божественный же ум привел их в порядок и произвел возникновение Вселенной (*Аэций*).

Анаксагор утверждает, что... должно существовать какое-нибудь начало возникновения; оно едино; и называет он его разумом; разум, начавши некогда, действует посредством мышления; таким образом, по необходимости все когда-то было вместе и начало в известное время двигаться (*Аристотель*).

[Анаксагор говорит, что] «остальные [вещи] имеют в себе часть всего, ум же бесконечен, самодержавен и не смешан ни с одной вещью, но только он один существует сам по себе. Ибо если бы он не существовал сам по себе, но

был бы смешан с чем-нибудь другим, то он участвовал бы во всех вещах, если бы был смешан [хотя бы] с какой-либо [одной вещью]. Дело в том, что во всем заключается часть всего... Эта примесь мешала бы ему, так что он не мог бы ни одной вещью править столь [хорошо], как [теперь, когда] он существует отдельно сам по себе. И действительно, он – тончайшая и чистейшая из всех вещей, он обладает совершенным знанием обо всем и имеет величайшую силу. И над всем, что только имеет душу, как над большим, так и над меньшим, господствует ум. И над всеобщим вращением господствует ум, от которого это круговое движение и получило начало. Сперва это вращение началось с некоторого малого [пространства], [затем] оно приняло большие размеры и в будущем примет еще большие. И все, что смешивалось, отделялось и разделялось, знал ум. Как должно было быть в будущем, как [раньше] было, [чего ныне уже нет], и как в настоящее время есть – порядок всего этого определил ум. Он [установил] также это круговое движение, которое совершают ныне звезды, солнце, луна и отделяющиеся воздух и эфир. Само это вращение производит отделение [их]. Отделяется от редкого плотное, от холодного теплое, от темного светлое и от влажного сухое. Много частиц многих [веществ] находится [там]. Вполне же ничто, кроме ума, ни отделяется, ни выделяется из другого. Ум же всякий, как большой, так и меньший, одинаков. Из [всего же] остального ни одна вещь не похожа ни на одну, но каждая отдельная вещь более всего кажется и казалась тем, чего в ней наиболее» (*Симплиций*).

Однажды мне кто-то рассказал, как он читал в книге Анаксагора, что всему в мире сообщает порядок и всему служит причиной разум; и эта причина мне пришлось по душе, я подумал, что это прекрасный выход из затруднений, если всему причина – разум. Я решил, что если так, то разум-устроитель должен устраивать все наилучшим образом...

С величайшей охотой принялся я за книги Анаксагора, чтобы поскорее их прочесть и поскорее узнать, что же всего лучше и что хуже. Но... я... увидел, что разум у него остается без всякого применения и что порядок вещей вообще не возводится ни к каким причинам, но приписывается – совершенно неожиданно и нелепо – воздуху, эфиру, воде и многому иному (*Платон*).

Анаксагор хотя и допустил [в числе начал] ум... однако [полагает], что многое образуется само собою, [без его действия] (*Симплиций*).

Анаксагор [полагает], что лежащий кругом эфир является огненным по своей сущности, [и учит], что он, силою своего вращательного движения оторвав от земли камни и воспламенив их, сделал звезды (*Аэций*).

Солнце, луна и все звезды суть горящие камни, охваченные круговращением эфира (*Инполит*).

Анаксагор... сказал, что все небо состоит из камней. Вследствие сильного круговращения оно прочно держится, и, если [это движение] прекратится, оно упадет вниз (*Диоген Лаэртский*).

Анаксагор: солнце – кусок раскаленного железа или горящий камень... [Солнце] во много раз больше Пелопоннеса (*Аэций*).

Луна же расположена ниже солнца и ближе к нам... Он сказал, что луна – земной [природы] и что на ней находятся равнины и пропасти... Затмение же луны происходит вследствие того, что [ее] загораживает [от солнца] земля, иногда также [тела], лежащие ниже луны; солнечное же затмение бывает, когда во время новолуния луна загораживает [собой солнце] (*Инполит*).

Он (Анаксагор) сказал недавно, что луна заимствует свой свет от солнца (*Платон*).

Луна же обитаема, и на ней имеются холмы и долины (*Диоген Лаэртский*).

Анаксагор говорит, что воздух содержит в себе семена всего, которые уносятся вниз дождем и порождают растения (*Теофраст*).

Анаксимен, Анаксагор, Архелай, Диоген [считали душу] воздушной... Пифагор, Анаксагор и Диоген... объявили, что душа бессмертна (*Аэций*).

Сон возникает вследствие истощения телесной энергии. Ибо [сон] – телесное состояние, а не душевное. Смерть же есть отделение души (*Аэций*).

Анаксагор считает душу источником [движения]... Часто он называет ум источником красоты и основательности, и другом месте [у него сказано], что ум есть душа. Ведь ум, [по его взглядам], имеется у всех животных, как больших, так и маленьких, как у благородных, так и у более низких. Между тем, по-видимому, то, что называют умом в смысле рассудительности, не присуще одинаково всем животным, даже не всем людям... Анаксагор, по-видимому, считал, что душа отлична от ума... но пользуется обоими [понятиями], словно их природа одинакова, за исключением того, что ум он почитает началом преимущественно перед другими. Действительно, он говорит, что из всего существующего только ум есть нечто простое, несмешанное и чистое. Тому же самому началу он приписывает оба качества: и познание, и движение, утверждая, что ум все привел в движение (*Аристотель*).

И поскольку ум мыслит обо всем, ему необходимо быть ни с чем не смешанным, как сказал Анаксагор, чтобы иметь господство, то есть чтобы познавать (*Аристотель*).

Анаксагор говорит, что человек является самым разумным из животных вследствие того, что он имеет руки (*Аристотель*).

По мнению Анаксагора, ощущения происходят благодаря противоположному, так как подобное не действует на подобное... Нельзя сладкого и горького познать при помощи

их самих, но холодное познается теплым, пресное – соленым, сладкое – горьким сообразно тому, чего в другом недостает... Всякое ощущение сопровождается страданием... ибо все неподобное при прикосновении вызывает страдание, причем явным делается это страдание благодаря продолжительности и силе ощущений (*Теофраст*).

Анаксагор, обвиняя ощущения в слабости, говорит: «Вследствие слабости их мы не в состоянии судить об истине» (*Секст*).

Гомеомерпи... могут быть... усмотрены только разумом. Ведь не следует все возводить к ощущению (*Аэций*).

СОФИСТЫ

[Вначале слово] «софист» было именем, имевшим весьма общее значение... Кажется, что Платон... придал этому имени порицательное значение (*Аристид*).

Платон был до известной степени прав, признав небытие за область софистики. В самом деле, рассуждения софистов, можно сказать, больше всего другого имеют дело со случайно данным (*Аристотель*).

Софистика есть мудрость кажущаяся, а не подлинная, и софист – [это человек], умеющий наживать деньги от кажущейся, не подлинной мудрости (*Аристотель*).

Протагор

Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют (*Протагор, у Секста*).

Протагор... мерой называет критерий, вещами же – дела (то, что делается); таким образом, он утверждает, что человек есть критерий всех дел: существующих, что они существуют, несуществующих, что они не существуют.

И вследствие этого он принимает только то, что является каждому [отдельному человеку], и таким образом вводит [принцип] относительности...

[Протагор] говорит, что материя текуча и при течении ее беспрерывно происходят прибавления взамен убавлений ее и ощущения перестраиваются и изменяются в зависимости от возрастов и прочих телесных условий. Он говорит также, что причины всего того, что является, лежат в материи, так что материя, поскольку все зависит от нее самой, может быть всем, что только является всем [нам]. Люди же в различное время воспринимают по-разному, в зависимости от различий своих состояний. А именно тот, кто живет по природе, воспринимает то из заключающегося в материи, что может явиться живущим по природе, живущим же противоестественно – то, что [может являться] живущим противоестественно. И совершенно то же самое учение дается и в отношении возрастов, и относительно сна или бодрствования, и о каждом виде состояния [человека]. Итак, согласно его учению, критерием существующего является человек. Ибо все, что представляется людям, то и существует... Итак, мы видим: и [в своем учении] о текучести материи, и [в учении] о том, что причины всех явлений лежат в материи, он держится догматических взглядов (*Секст*).

[Протагор] говорил, что все продукты воображения и все мнения истинны и что истина принадлежит к тому, что относительно, вследствие того, что все явившееся или представившееся кому-нибудь существует непосредственно в отношении к нему (*Секст*).

[Протагор говорил], что мера всех вещей есть человек, то есть какими вещи являются мне, таковы они и суть для меня, а какими [они являются] тебе, таковы они для тебя (*Платон*).

В самом деле, я утверждаю, что истина такова, как я ее описал; а именно [что] каждый из нас есть мера существу-

ющего и несуществующего. И действительно, бесконечно один [человек] от другого различается этим самым, так как для одного существует и является одно, для другого другое. Но я далек от того, чтобы не признавать мудрость и мудрого человека. Напротив, именно того я и называю мудрым, кто, если с кем-нибудь из нас случится кажущееся и действительное зло, сумеет превратить его в кажущееся и действительное добро. А я думаю, что [человека], имевшего в дурном (поврежденном) состоянии души соответствующие этому самому [состоянию] мнения, [то есть] дурные мнения, [вернувшееся к нему] хорошее состояние сделало имеющим иные таковые, [то есть хорошие мнения]. Последние представления некоторые по незнанию называют истинными, я же признаю лишь одни мнения лучшими, чем другие, но отнюдь не более истинными (*Протагор*, у *Платона*).

[Протагор] первый сказал, что о всякой вещи есть два мнения, противоположных друг другу... И [еще он говорил], что все истинно (*Диоген Лаэртский*).

Это есть «делать слабейшую речь сильнейшей». И поэтому справедливо вызывает негодование у людей объявление (профессия) Протагора. Ибо [его дело] есть ложь и не истина, но кажущееся правдоподобие, и [ему нет места] ни в одном искусстве, кроме как в риторике и эристике (*Аристотель*).

О богах я не могу знать ни того, что они существуют, ни того, что их нет, ни того, каковы они по виду. Ибо многое препятствует знать [это]: и неясность [вопроса], и краткость человеческой жизни (*Протагор*).

Горгий

В самом деле, разве кто-нибудь мог бы превзойти Горгия, дерзнувшего говорить, что ничто из существующего не существует? (*Исократ*).

Горгий же [учил, что] совершенно нет никакого бытия (*Исократ*).

Горгий правильно говорил, что серьезность противников следует убивать шуткой, шутку же – серьезностью (*Аристотель*).

Из той же самой группы [философов] Горгий Леонтинский предводительствовал отрядом отрицавших критерий [истины] на основании иных соображений, чем [какие были] у Протагора и его последователей. А именно в сочинении, носящем заглавие «О несуществующем, или О природе», он устанавливает три главных положения, непосредственно следующих одно за другим. Одно [положение] – именно первое – [гласит], что ничто не существует; второе – что если [что-либо] и существует, то оно непознаваемо для человека; третье – что если оно и познаваемо, то все же по крайней мере оно непередаваемо и необъяснимо для ближнего (*Секст*).

Продик

Сперва, как говорит Продик, следует изучить [учение] о правильности имен (*Платон*).

Продик... сказал, что те предметы, которые были полезны для жизни людей, были занесены в число богов (*Цицерон*).

Продик же Кеосский говорит: «Солнце, луну, реки, источники и вообще все, что полезно для нашей жизни, древние признали богами вследствие получаемой от них пользы, подобно тому как египтяне обоготворили Нил»; по этой-то причине хлеб был признан Деметрой, вино – Дионисом, вода – Посейдоном, огонь – Гефестом и вообще каждая из употреблявшихся на пользу людям вещей [была подобным образом обоготворена] (*Секст*).

[Продик] всякое священнодействие у человека, и мистерии, и таинства ставит в связь с благами земледелия, считая, что отсюда появилось у людей и [самое] представление о богах, и всяческое благочестие (*Фемистий*).

Фразимах

Так слушай, сказал он (Фразимах): справедливым я называю не что иное, как полезное сильнейшему... Всякая власть дает законы, сообразные с ее пользою... Дав же законы, полезные для себя, она объявляет их справедливыми для подданных и нарушителя этих законов наказывает как беззаконника и противника правде... Во всех городах справедливое одно и то же: это — польза постановленной власти... Овчары или волопасы заботятся о благе овец либо быков, кормят их и ходят за ними, имея в виду... благо господ и свое собственное... те же мысли в отношении к подчиненным у самих правителей обществ... как бы отсюда извлечь свою пользу...

Справедливость и справедливое... есть благо чужое, то есть польза человека сильнейшего и правителя, а, собственно, для повинующегося и служащего это — вред. Человек справедливый везде выигрывает менее, нежели несправедливый... Легче же всего узнаешь это, когда дойдешь до несправедливости совершеннейшей, которая обидчика делает самым счастливым, а обижаемых и нежелающих обижать — самыми несчастными. Такова тирания (*Платон*).

Антифонт

[Антифонт]: время есть [наша] мысль или мера, а не сущность (*Аэций*).

(1) Справедливость [заключается в том, чтобы] не нарушать законы государства, в котором состоишь гражданином. Так, человек будет извлекать для себя наибольшие пользы из применения справедливости, если он в присутствии свидетелей станет соблюдать законы, высоко их чтя, оставаясь же наедине, без свидетелей, [будет следовать] законам природы. Ибо предписания законов произвольны (искусственные), [веления же] природы необходимы. И [сверх того], предпи-

сания законов суть результат соглашения (договора людей), а не возникшие сами собой [порождения природы]; веления же природы суть самовозникшие (врожденные начала), а не продукт соглашения [людей между собой]. (2) Итак, тот, кто нарушает законы, если это остается тайным от [остальных] участников соглашения, свободен от позора и наказания; если же [его противозаконный поступок] открывается, то его постигает позор и кара. Но если кто-нибудь попытается насильственно нарушить что-нибудь из коренящихся в самой природе [требований], идя против [естественной возможности], то, если это и остается скрытым от всех людей, бедствие [от этого для него самого] будет ничуть не меньшим и несколько не большим, чем в том случае, если это все увидят. Ибо [в этом случае] вред причиняется не вследствие мнения [людей], но поистине. Вообще же рассмотрение этих [вопросов] приводит к выводу, что многие [предписания, признаваемые] справедливыми по закону, враждебны природе [человека]... (4) Что же касается полезных [вещей], то те из них, которые установлены [в качестве полезных] законами, суть оковы [для человеческой] природы, те же, которые определены природой, приносят [человеку] свободу... (5) [В поступках, противоречащих природе], заключается [причина] того, что люди страдают больше, когда можно было бы меньше страдать, и испытывают меньше удовольствий, когда можно было бы больше наслаждаться, и [чувствуют себя] несчастными, когда можно не быть таковыми.

Тех, которые происходят от знатных родителей, (2) мы уважаем и чтим, тех же, которые не из знатного дома, мы не уважаем и не почитаем. В этом мы поступаем по отношению друг к другу как варвары, потому что по природе мы все во всех отношениях равны, притом [одинаково] и варвары, и эллины. [Здесь] уместно обратить внимание на то, что у всех людей нужды от природы одинаковы... И в самом

деле, мы все [одинаково] дышим воздухом – через рот и нос и едим мы все [одинаково] – при помощи рук.

СОКРАТ

Воззрения Сократа даются по диалогам Платона. В скобках указывается название диалога, даются том и страница из издания: Платон. Сочинения в трех томах. М., 1968–1972.

Со мною приключается нечто божественное или чудесное... Началось у меня это с детства: возникает какой-то голос, который всякий раз отклоняет меня от того, что я бываю намерен делать, а склонять к чему-нибудь никогда не склоняет. Вот этот-то голос и возбраняет мне заниматься государственными делами (*Апология Сократа, т. 1, с. 100–101*).

...Я ... шел туда, где частным образом мог оказать всякому величайшее, как я утверждаю, благодеяние, стараясь убедить каждого из вас не заботиться о своих делах раньше и больше, чем о себе самом и о том, чтобы самому стать как можно лучше и разумнее... (*Апология Сократа, т. 1, с. 106*).

...Местности и деревья ничему не хотят меня научить, не то, что люди в городе (*Федр, т. 2, с. 163*).

...Я никак еще не могу, согласно дельфийской надписи, познать самого себя. И по-моему, смешно, не зная пока этого, исследовать чужое. ... Поэтому... я... исследую... самого себя: чудовище ли я, замысловатее и яростней Тифона, или же я существо более кроткое и простое и хоть скромное, но по своей природе причастное какому-то божественному уделу? (*Федр, т. 2, с. 162*).

...Величайшее благо для человека – это каждодневно беседовать о добродетели и обо всем прочем, ...испытывая себя и других, а без такого испытания и жизнь не в жизнь для человека... (*Апология Сократа, т. 1, с. 108*).

В моем повивальном искусстве почти все так же, как и у них – отличие, пожалуй, лишь в том, что я принимаю у мужей, а не у жен, и принимаю роды души, а не плоти. Самое же великое в нашем- искусстве – то, что мы можем разными способами допытываться, рождает ли мысль юноши ложный призрак или же истинный и полноценный плод (*Теэтет, т. 2, с. 236*).

...Я говорю, что не от денег рождается добродетель, а от добродетели бывают у людей и деньги, и все прочие блага как в частной жизни, так и в общественной (*Апология Сократа, т. 1, с. 99*).

С умом и образованием, и воспитание приносят пользу, а без ума – вред. ... Разве не все, к чему стремится душа и что она претерпевает, оканчивается счастливо, если ею управляет разум, и несчастливо – если безрассудство? ... Так вот, если добродетель – это нечто, обитающее в душе, и если к тому же она не может не быть полезной, то, значит, она и есть разум: ведь все, что касается души, само по себе не полезно и не вредно, но становится вредным или полезным благодаря разуму или по безрассудству. В согласии с этим рассуждением добродетель, коль скоро она полезна, и есть не что иное, как разум (*Менон, т. 1, с. 396*).

...Не сознательная жизнь приводит к благополучию и счастью и не все науки, сколько их есть, но лишь одна эта единственная наука – о добре и зле (*Хармид. В кн.: Платон. Диалоги. М, 1986. С. 323–324*).

Я по крайней мере думаю: никто из мудрых людей не считает, что какой-нибудь человек может охотно заблуждаться или охотно творить постыдные и злые дела; они хорошо знают, что все, делающие постыдное и злое, делают это невольно (*Протагор, т. 1, с. 233*).

...Неужели же есть такой человек, который хочет быть несчастным и жалким? ... Никто не хочет зла, если не желает быть жалким и несчастным (*Менон, т. 1. с. 379, 380*).

...Благо – не что иное, как удовольствие, и зло – не что иное, как страдание (*Протагор, т. 1, с. 244*).

...Не надо ни отвечать на несправедливость несправедливостью, ни делать кому бы то ни было зла, даже если бы и пришлось от кого-то пострадать (*Критон, т. 1, с. 124*).

...Никто не стремится добровольно к злу или к тому, что он считает злом. По-видимому, не в природе человека по собственной воле идти вместо блага на то, что считаешь злом; когда же люди вынуждены выбирать из двух зол, никто, очевидно, не выбирает большего, если есть возможность выбрать меньшее (*Протагор, т. 1, с. 248*).

...Всего более нужно ценить не жизнь, как таковую, но жизнь хорошую (*Критон, т. 1, с. 122*).

...Я не способен повиноваться ничему из всего, что во мне есть, кроме того убеждения, которое после тщательной проверки представляется мне наилучшим (*Критон, т. 1, с. 119*).

...При пользовании теми благами, что мы называли первыми – богатством, здоровьем и красотой – именно наука руководит правильным применением всего этого и направляет его... Значит, как видно, наука дает людям не только счастье, но и мастерство в любом приобретении и деле. ... Но ... какая может быть польза в любом приобретении, если не хватает разума и мудрости? Разве извлечет какую-либо пользу человек, многое приобретший и многое совершающий, но лишенный ума? ... Все то, что мы раньше называли благами, не потому носит это имя, что по самой своей природе является таковым, но вот почему: если этими вещами руководит невежество, то они большее зло, чем вещи противоположные, причем настолько большее, насколько сильнее они подчиняются руководящему началу, выступающему как зло; если же их направляют разумение и мудрость, то они скорее будут добром; само же по себе ни то ни другое ничего не стоит. ... Какой же вывод сделаем мы из сказанного? Не тот ли, что из всех остальных вещей ничто не есть ни

добро, ни зло, а вот из этих двух – мудрости и невежества – первая есть благо, второе же зло? (*Евтидем. В кн.: Платон. Диалоги. М., 1986. С. 124, 125*).

...Нет ничего сильнее знания, оно всегда и во всем пересиливает и удовольствия и все прочее... (*Протагор, т. 1, с. 247*).

...Те, кто ошибается в выборе между удовольствием и страданием, то есть между благом и злом, ошибаются по недостатку знания.... А ошибочное действие без знания ... совершается по неведению, так что уступка удовольствию есть не что иное, как величайшее неведение (*Протагор. Т. 1, с. 247*).

Большинство считает, что знание не обладает силой и не может руководить и начальствовать: потому-то /люди/ и не размышляют о нем. Несмотря на то, что человеку нередко присуще знание, они полагают, что не знанием им управляет, а что-либо другое: иногда страсть, иногда удовольствие, иногда скорбь, иной раз любовь, а чаще – страх. О знании они думают прямо как о невольнике: каждый тащит его в свою сторону. Таково ли примерно и твое мнение о знании, или ты полагаешь, что знание прекрасно и способно управлять человеком, так что того, кто познал хорошее и плохое, ничто уже не заставит поступать иначе, чем велит знание, и разум достаточно силен, чтобы помочь человеку? (*Протагор, т. 1, с. 240–241*).

...Те, кто не знает, что такое зло, стремятся не к нему, а к тому, что кажется им благом. Так что те, кто не знает, что такое зло, и принимает его за благо, стремятся, очевидно, к благу (*Менон, т. 1, с. 379*).

...С человеком хорошим не бывает ничего плохого ни при жизни, ни после смерти и ... боги не перестают заботиться о его делах (*Апология Сократа, т. 1, с. 112*).

...Никто не чинит несправедливости по доброй воле, но всякий, поступающий несправедливо, несправедлив поневоле (*Горгий, т. 1, с. 343*).

...Чинить несправедливость опаснее, чем терпеть, ... не казаться хорошим должно человеку, но быть хорошим и в частных делах, и в общественных, и это главная в жизни забота (*Горгий, т. 1, с. 364*).

Людей достойных и честных – и мужчин, и женщин – я зову счастливыми, несправедливых и дурных – несчастными (*Горгий, т. 1, с. 289*).

Стремимся ли все мы, люди, к благополучию? ... В самом деле, бессмысленно задавать подобный вопрос: кто, в самом деле, не хочет быть счастливым? (*Евтидем. В кн.: Платон. Диалоги. М., 1986. С. 121*).

...Хуже творить несправедливость, чем ее терпеть, и оставаться безнаказанным, чем нести наказание (*Горгий, т. 1, с. 293–294*).

...Мы должны не столько заботиться о том, что скажет о нас большинство, сколько о том, что скажет о нас человек, понимающий, что справедливо и что несправедливо, – он один да еще сама истина (*Критон, т. 1, с. 121*).

Те, кто подлинно предан философии, заняты, по сути вещей, только одним – умиранием и смертью (*Федон, т. 2, с. 21*).

...Мне смерть, попросту говоря, нипочем, а вот воздерживаться от всего несправедливого и нечестивого – это для меня все (*Апология Сократа, т. 1, с. 102*).

...Для меня уже настало то время, когда люда бывают особенно способны к прорицаниям, – тогда, когда им предстоит умереть (*Апология Сократа, т. 1, с. 109*).

Избегнуть смерти нетрудно..., а вот что гораздо труднее – это избежать испорченности: она настигает стремительней смерти (*Апология Сократа, т. 1, с. 109*).

...Ни на суде, ни на войне ни мне, ни кому-либо другому не следует избегать смерти любыми способами без разбора (*Апология Сократа, т. 1, с. 109*).

...Неправильно мнение всех тех, кто думает, будто смерть – это зло (*Апология Сократа, т. 1, с. 110*).

Смерть – это одно из двух: либо умереть значит стать ничем, так что умерший ничего уже не чувствует, либо же, если верить преданиям, это какая-то перемена для души, переселение ее из здешних мест в другое место. Если ничего не чувствовать, то это все равно что сон, когда спишь так, что даже ничего не видишь во сне; тогда смерть – удивительное приобретение (*Апология Сократа, т. 1, с. III*).

Ведь бояться смерти... – это не что иное, как приписывать себе мудрость, которой не обладаешь, то есть возомнить, будто знаешь то, чего не знаешь. Ведь никто не знает ни того, что такое смерть, ни даже того, не есть ли она для человека величайшее из благ, между тем ее бояться, словно знают наверное, что она – величайшее из зол. Но не самое ли позорное невежество – воображать, будто знаешь то, чего не знаешь? (*Апология Сократа, т. 1, с. 97–98*).

...Я коли ничего не знаю, то и не воображаю, будто знаю (*Апология Сократа, т. 1, с. 88*).

...Отечество дороже и матери, и отца, и всех остальных предков, ... оно более почтенно, более свято и имеет больше значения и у богов, и у людей – у тех, у кого есть ум, – и перед ним надо благоговеть, ему покоряться... Надо либо его переубедить, либо исполнять то, что оно велит..., ибо в этом заключена справедливость. ... Учинять же насилие над матерью или над отцом, а тем паче над Отечеством – нечестиво (*Критон, т. 1, с. 126*).

...Мы живем в одной из земных впадин, а думаем, будто находимся на поверхности, и воздух зовем небом в уверенности, что в этом небе движутся звезды. А все оттого, что, по слабости своей и медлительности, мы не можем достигнуть крайнего рубежа воздуха. Но если бы кто-нибудь все-таки добрался до края или же сделался крылатым и взлетел ввысь, то, словно рыбы здесь, у нас, которые высывают головы из моря и видят этот наш мир, так же и он,

поднявши голову, увидел бы тамошний мир. И если бы по природе своей он был способен вынести это зрелище, он узнал бы, что впервые видит истинное небо, истинный свет и истинную Землю (*Федон, т. 2, с. 84*).

...Земля, если взглянуть на нее сверху, похожа на мяч, сшитый из двенадцати кусков кожи и пестро расписанный разными цветами. Краски, которыми пользуются наши живописцы, могут служить образчиками этих цветов, но там вся Земля играет такими красками, и даже куда более яркими и чистыми (*Федон, т. 1, с. 84*).

ПЛАТОН

Тексты подобраны из диалогов Платона. См. издание: Платон. Сочинения в трех томах. М., 1969–1972. В скобках дается название диалога, а также том и страница, на которой находится приводимая выдержка.

Учение об «идеях»

– После этого, – сказал я, – ты можешь уподобить нашу человеческую природу в отношении просвещенности и непросвещенности вот какому состоянию... посмотри-ка: ведь люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная – глянь-ка – невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол.

– Это я себе представляю.

– Так представь же себе и то, что за этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены. Проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат.

– Станный ты рисуешь образ и странных узников.

– Подобных нам. Прежде всего ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?

– Как же им видеть что-то иное, раз всю свою жизнь они вынуждены держать голову неподвижно?

– А предметы, которые проносят там, за стеной? Не то же ли самое происходит и с ними?

– То есть?

– Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, разве, думаешь ты, не считали бы они, что дают названия именно тому, что видят?

– Непременно так.

– Далее. Если бы в их темнице отдавалось эхом все, что бы ни произнес любой из проходящих мимо, думаешь ты, они приписали бы эти звуки чему-нибудь иному, а не проходящей тени?

– Клянусь Зевсом, я этого не думаю.

– Такие узники целиком и полностью принимали бы за истину тени проносимых мимо предметов.

– Это совершенно неизбежно.

– Понаблюдай же их освобождение от оков неразумия и исцеление от него, иначе говоря, как бы это все у них происходило, если бы с ними естественным путем случилось нечто подобное.

Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройтись, взглянуть вверх – в

сторону света, ему будет мучительно выполнять все это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше. И как ты думаешь, что он скажет, когда ему начнут говорить, что раньше он видел пустяки, а теперь, приблизившись к бытию и обратившись к более подлинному, он мог бы обрести правильный взгляд? Да еще если станут указывать на ту или иную мелькающую передним вещь и задавать вопрос, что это такое, и вдобавок заставят его отвечать! Не считаешь ли ты, что это крайне его затруднит, и он подумает, будто гораздо больше правды в том, что он видел раньше, чем в том, что ему показывают теперь?

— Конечно, он так подумает.

— А если заставить его смотреть прямо на самый свет, разве не заболят у него глаза, и не вернется он бегом к тому, что он в силах видеть, считая, что это действительно достовернее тех вещей, которые ему показывают?

— Да, это так.

— Если же кто станет насильно тащить его по крутизне вверх, в гору и не отпустит, пока не извлечет его на солнечный свет, разве он не будет страдать и не возмутится таким насилием? А когда бы он вышел на свет, глаза его настолько были бы поражены сиянием, что он не мог бы разглядеть ни одного предмета из тех, о подлинности которых ему теперь говорят.

— Да, так сразу он этого бы не смог.

— Тут нужна привычка, раз ему предстоит увидеть все то, что там, наверху. Начинать надо с самого легкого: сперва смотреть на тени, затем — на отражения в воде людей и различных предметов, а уж потом — на самые вещи. При этом то, что на небе, и самое небо ему легче было бы видеть не днем, а ночью, то есть смотреть на звездный свет и Луну, а не на Солнце и его свет.

— Несомненно.

– И наконец, думаю я, этот человек был бы в состоянии смотреть уже на самое Солнце, находящееся в его собственной области, и усматривать его свойства, не ограничиваясь наблюдением его обманчивого отражения в воде или в других, ему чуждых средах.

– Конечно, ему это станет доступно.

– И тогда уж он сделает вывод, что от Солнца зависят и времена года, и течение лет, и что оно ведаёт всем в видимом пространстве и оно же каким-то образом есть причина всего того, что этот человек и другие узники видели раньше в пещере.

– Ясно, что он придет к такому выводу после тех наблюдений.

– Так как же? Вспомнив свое прежнее жилище, тамошнюю премудрость и сотоварищей по заключению, разве не сочтет он блаженством перемену своего положения и разве не пожалеет своих друзей?

– И даже очень.

– А если они воздавали там какие-нибудь почести и хвалу друг другу, награждая того, кто отличался наиболее острым зрением при наблюдении текущих мимо предметов и лучше других запоминал, что обычно появлялось сперва, что после, а что и одновременно, и на этом основании предсказывал грядущее, то, как ты думаешь, жаждал бы всего этого тот, кто уже освободился от уз, и разве завидовал бы он тем, кого почитают узники и кто среди них влиятелен? Или он испытывал бы то, о чем говорит Гомер, то есть сильнейшим образом желал бы

как поденщик работая в поле,

службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный и скорее терпеть что угодно, только бы не разделять представлений узников и не жить так, как они?

– Я-то думаю, он предпочтет вытерпеть все что угодно, чем жить так.

– Обдумай еще и вот что: если бы такой человек опять спустился туда и сел бы на то же самое место, разве не были бы его глаза охвачены мраком при таком внезапном уходе от света Солнца?

– Конечно.

– А если бы ему снова пришлось состязаться с этими вечными узниками, разбирая значение тех теней? Пока его зрение не притупится и глаза не привыкнут – а на это потребовалось бы немалое время, – разве не казался бы он смешон? О нем стали бы говорить, что из своего восхождения он вернулся с испорченным зрением, а значит, не стоит даже и пытаться идти ввысь. А кто принялся бы освобождать узников, чтобы повести их ввысь, того разве они не убили бы, попадись он им в руки?

– Непременно убили бы.

– Так вот, дорогой мой Главкон, это уподобление следует применить ко всему, что было сказано ранее: область, охватываемая зрением, подобна тюремному жилищу, а свет от огня уподобляется в ней мощи Солнца. Восхождение и созерцание вещей, находящихся в вышине, – это подъем души в область умопостигаемого. Если ты все этопустишь, то постигнешь мою заветную мысль – коль скоро ты стремишься ее узнать, – а уж богу ведомо, верна ли она. Итак, вот что мне видится: в том, что познаваемо, идея бла-га – это предел, и она с трудом различима, но стоит только ее там различить, как отсюда напрашивается вывод, что именно она – причина всего правильного и прекрасного. В области видимого она порождает свет и его владыку, а в области умопостигаемого она сама – владычица, от которой зависят истина и разумение, и на нее должен взирать тот, кто хочет сознательно действовать как в частной, так и в общественной жизни.

– Я согласен с тобой, насколько мне это доступно.

– Тогда будь со мной заодно еще вот в чем: не удивляйся, что пришедшие ко всему этому не хотят заниматься человеческими делами; их души всегда стремятся ввысь. Да это и естественно, поскольку соответствует нарисованной выше картине.

– Да, естественно. (*Государство*, т. 3(1), с. 321–325).

... Существует прекрасное само по себе, и благое, и великое, и все прочее (*Федон*, т. 2, с. 70).

Кто наставляемый на путь любви, будет в правильном порядке созерцать прекрасное, тот, достигнув конца этого пути, вдруг увидит нечто удивительно прекрасное по природе, то самое, Сократ, ради чего и были предприняты все предшествующие труды, – нечто, во-первых, вечное, то есть не знающее ни рождения, ни гибели, ни роста, ни оскудения, а во-вторых, не в чем-то прекрасное, а в чем-то безобразное, не когда-то, где-то, для кого-то и сравнительно с чем-то прекрасное, а в другое время, в другом месте, для другого и сравнительно с другим безобразное. Прекрасное это предстанет ему не в виде какого-то лица, рук или иной части тела, не в виде какой-то речи или знания, не в чем-то другом, будь то животное, Земля, небо или еще что-нибудь, а само по себе, всегда в самом себе единообразное; все же другие разновидности прекрасного причастны к нему таким образом, что они возникают и гибнут, а его не становится ни больше ни меньше, и никаких воздействий оно не испытывает. И тот, кто ... поднялся над отдельными разновидностями прекрасного и начал постигать само прекрасное, тот, пожалуй, почти у цели (*Пир*, т. 2, с. 142).

Мысль бога питается умом и чистым знанием, как и мысль всякой души, которая стремится воспринять надлежащее, узрев /подлинное/ бытие, хотя бы и не надолго, ценит его, питается созерцанием истины и блаженствует, пока небесный свод не перенесет ее по кругу опять на то же место. При этом кругообороте она созерцает самое справед-

ливість, созерцает рассудительность, созерцает знание – не то знание, которому присуще возникновение и которое как иное находится в ином, называемом нами сейчас существующим, но подлинное знание, содержащееся в подлинном бытии (*Федр, т. 2, с. 183*).

Под красотой очертаний я пытаюсь теперь понимать не то, что хочет понимать под ней большинство, то есть красоту живых существ или картин; нет, я имею в виду прямое и круглое, в том числе, значит, поверхности и тела, рождающиеся под токарным резцом и строяемые с помощью линейек и угломеров, если ты меня понимаешь. В самом деле, я называю это прекрасным не по отношению к чему-либо, как это можно сказать о других вещах, но вечно прекрасным самим по себе, по своей природе и возбуждающим некие особые, свойственные только ему удовольствия, не имеющие ничего общего с удовольствием от щекотания. Есть и цвета, носящие тот же самый характер (*Филеб, т. 3(1), с. 66*).

Учение о знании

...Раз душа бессмертна, часто рождается и видела все и здесь, и в Аиде, то нет ничего такого, чего бы она не познала; поэтому ничего удивительного нет в том, что и насчет добродетели и насчет всего прочего она способна вспомнить то, что прежде ей было известно. И раз все в природе друг другу родственно, а душа все познала, ничто не мешает тому, кто вспомнил что-нибудь одно, – люди называют это познанием, – самому найти и все остальное, если только он будет мужествен и неутомим в поисках: ведь искать и познавать – это как раз и значит припоминать (*Менон, т. 1, с. 384–385*).

Тут и жизнь животного может получить человеческая душа, а из того животного, что было когда-то человеком, душа может снова вселиться в человека; но душа, никогда не выдавшая истины, не примет такого образа, ведь человек

должен постигать /ее/ в соответствии с идеей, исходящей от многих чувственных восприятий, но сводимой рассудком воедино. А это есть припоминание того, что видела некогда наша душа, когда она сопутствовала богу, свысока глядела на то, что мы теперь называем бытием, и поднималась до подлинного бытия. Поэтому по справедливости окрыляется только разум философа: у него всегда по мере его сил память обращена на то, чем божествен бог. Только человек, правильно пользующийся такими воспоминаниями, всегда посвящаемый в совершенные таинства, становится подлинно совершенным (*Федр, т. 2, с. 185*).

Диалектика

...Диалектика будет у нас подобной карнизу, венчающему все знания, и было бы неправильно ставить какое-либо иное знание выше нее: ведь она вершина их всех (*Государство, т. 3(1), с. 346–347*).

Конечно, ты называешь диалектиком того, кому доступно доказательство сущности каждой вещи. Если кто этого лишен, то насколько он не может дать отчета ни себе ни другому, настолько же, скажешь ты, у него и ума не хватает для этого (*Государство, т. 1, с. 346*).

Различать все по родам, не принимать один и тот же вид за иной и иной за тот же самый – неужели мы не скажем, что это /предмет/ диалектического знания? ... Кто, таким образом, в состоянии выполнить это, тот сумеет в достаточной степени различить одну идею, повсюду пронизывающую многое, где каждое отделено от другого; далее, он различит, как многие отличные друг от друга идеи охватываются извне одною и, наоборот, одна идея связана в одном месте совокупностью многих, наконец, как многие идеи совершенно отделены друг от друга. Все это называется уметь различать по родам, насколько каждое может взаимодействовать /с

другим/ и насколько нет. ... Ты, думаю я, диалектику никому другому не припишешь, кроме как искренне и справедливо философствующему? (*Софист*, т. 2, с. 376).

...Все, что мы там случайно наговорили, – двух видов, и суметь искусно применить их возможности было бы для всякого благодарной задачей. – Какие это виды? – Первый – это способность, охватывая все общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрозненно, чтобы, давая определение каждому, сделать ясным предмет поучения... – А что ты называешь другим видом...? – Второй вид – это, наоборот, способность разделять все на виды, на естественные составные части, стараясь при этом не раздробить ни одной из них, как это бывает у дурных поваров: так, в обеих наших недавних речах мы отнесли неразумную часть души к какому-то одному общему виду (*Федр*, т. 2, с. 204–205).

Если же кто ухватится за само основание, ты не обращай на это внимания и не торопись с ответом, пока не исследуешь вытекающие из него следствия и не определишь, в лад или не в лад друг другу они звучат. А когда потребуется оправдать само основание, ты сделаешь это точно таким же образом – положишь в основу другое, лучшее в сравнении с первым, как тебе покажется, и так до тех пор, пока не достигнешь удовлетворительного результата (*Федон*, т. 2, с. 72).

Прежде всего надо познать истину относительно любой вещи, о которой говоришь или пишешь; суметь определить все соответственно с этой истиной, а дав определение, знать, как дальше подразделить это на виды, вплоть до того, что не поддается делению. (*Федр*, т. 2, с. 219).

...Чтобы тебе было легче понять, не ограничивайся одними людьми, но взгляни шире, посмотри на всех животных, на растения, одним словом, на все, чему присуще возникновение, и давай подумаем, не таким ли образом возникает все вообще – противоположное из противоположного – в любом случае, когда налицо две противоположности. Возьми, на-

пример, прекрасное и безобразное, или справедливое и несправедливое, или тысячи иных противоположностей. Давай спросим себя: если существуют две противоположные вещи, необходимо ли, чтобы одна непременно возникала из другой, ей противоположной? Например, когда что-нибудь становится больше, значит ли это с необходимостью, что сперва оно было меньшим, а потом из меньшего становится большим? (*Федон*, т. 2, с. 30).

Учение об обществе и государстве

Государство, – сказал я, – возникает, как я полагаю, когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но нуждается еще во многом. ... Таким образом, каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности. Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства... Таким образом, они кое-что уделяют друг другу и кое-что получают, и каждый считает, что так ему будет лучше (*Государство*, т. 3(1), с. 145).

...Никакая работа не захочет ждать, когда у работника появится досуг; наоборот, он непременно должен следить за работой, а не заниматься ею так, между прочим. ... Поэтому можно сделать все в большем количестве, лучше и легче; если выполнять одну какую-нибудь работу соответственно своим природным задаткам, и притом вовремя, не отвлекаясь на другие работы. ... Для обеспечения того, о чем мы говорили, потребуется больше, чем четыре члена государства. Ведь земледелец, вероятно, если нужна хорошая соха, не сам будет изготавливать ее для себя, или мотыгу и прочие сельскохозяйственные орудия. В свою очередь и домостроитель – ему тоже требуется многое. Подобным же образом и ткач и сапожник (*Государство*, т. 3(1), с. 146–147).

...Возьмем сперва государственный строй, основывающийся на честолюбии /не могу подобрать другого выражения, все равно назовем ли мы его «тимократией» или «тимархией»/, и соответственно рассмотрим подобного же рода человека; затем — олигархию и олигархического человека; далее бросим взгляд на демократию и понаблюдаем человека демократического; наконец, отправимся в государство, управляемое тиранически, и посмотрим, что там делается, опять-таки обращая внимание на тиранический склад души (*Государство, т. 3(1), с. 357–358*).

/Олигархия/ — это строй, основывающийся на имущественном цензе; у власти стоят там богатые, а бедняки не участвуют в правлении. ... Скопление золота в кладовых у частных лиц губит тимократию; они прежде всего выискивают, на что бы его употребить, и для этого перетолковывают законы, мало считаясь с ними: так поступают и сами богачи, и их жены. ... Затем, наблюдая, в чем кто преуспевает, и соревнуясь друг с другом, они уподобляют себе и все население. ... Чем больше они ценят дальнейшее продвижение по пути наживы, тем меньше почитают они добродетель. Разве не в таком соотношении находятся богатство и добродетель, что положи их на разные чаши весов, и одно всегда будет перевешивать другое? (*Государство, т. 3(1), с. 363–364*).

...Вернемся к тому, как из олигархического человека получается демократический. ... Когда юноша, выросший ... без должного воспитания и в обстановке бережливости, вдруг отведаёт меда трутней и попадет в общество опасных и лютых зверей, которые способны доставить ему всевозможные наслаждения, самые пестрые и разнообразные, это-то и будет у него, поверь мне, началом перехода от олигархического типа к демократическому. ... Как в государстве происходит переворот, когда некоторой части его граждан оказывается помощь извне вследствие сходства

взглядов, так и юноша меняется, когда некоторой части его вожделений помогает извне тот вид вожделений, который им родствен и подобен. Когда в противовес этому что-то помогает его олигархическому началу, будь то уговоры или порицания отца либо остальных членов семьи, в нем возникает возмущение и сопротивление ему, а также борьба с самим собою. ... Иной раз, по-моему, демократическое начало уступает олигархическому, часть вожделений отмирает, иные изгоняются, в душе юноши появляется какая-то стыдливость, и все опять приходит в порядок.

...Но затем, думаю я, другие вожделения, родственные изгнанному, потихоньку развиваясь, вследствие неумелости отца как воспитателя становятся многочисленными и сильными.... Они влекут юношу к его прежнему окружению, и от этого тайного общения рождается множество других вожделений. ... В конце же концов, по-моему, они, заметив, что акрополь его души пуст, захватывают его у юноши, ибо нет там ни знаний, ни хороших навыков, ни правдивых речей – всех этих лучших защитников и стражей рассудка людей, любезных богам. ... Вместо них, думаю я, на него совершат набег ложные мнения и хвастливые речи и займут у юноши эту крепость. ... И вот он снова вернется к тем логофатам и открыто поселится там. Если же его родные двинут войско на выручку бережливого начала его души, то его хвастливые речи запрут в нем ворота царской стены, не впустят союзного войска, не примут даже послов, то есть разумных доводов людей постарше и поумнее, хотя бы то были всего лишь частные лица; в битве с бережливым началом они одержат верх и с бесчестием, как изгнанницу, вытолкнут вон стыдливость, обозвав ее глупостью, а рассудительность назовут недостатком мужества и выбросят ее... В убеждении, что умеренность и порядок в расходовании средств – это деревенское невежество и черта низменная, они удалят

их из своих пределов, опираясь на множество бесполезных прихотей.

...Опорожнив и очистив душу юноши, уже захваченную ими и посвященную в великие таинства, они затем низведут туда, с большим блеском, в сопровождении многочисленного хора, наглость, разнузданность и распутство, увенчивая их венками и прославляя в смягченных выражениях: наглость они будут называть просвещенностью, разнузданность – свободой, распутство – великолепием, бесстыдство – мужеством. Разве не именно так человек воспитанный в границах необходимых воздержаний, уже в юные годы переходит к развязному потаканию вожделениям, лишенным необходимости и бесполезным? ... Потом в жизни такого юноши, думаю я, трата денег, усилий и досуга на необходимые удовольствия станет ничуть не больше, чем на лишние необходимости. Но если, на его счастье, вакхическое неистовство не будет у него чрезмерным, а к тому же он станет немного постарше и главное смятение отойдет уже в прошлое, он отчасти вернется к своим изгнанным было вожделениям, не полностью станет отдаваться тем, которые вторглись, и в его жизни установится какое-то равновесие желаний: всякий раз он будет подчиняться тому из них, которое ему словно досталось по жребию, пока не удовлетворит его полностью, а уж затем другому желанию, причем ни одного он не отвергнет, но все будет питать поровну.

...И все же он не примет верного рассуждения, не допустит его в свою крепость, если кто-нибудь ему скажет, что одни удовольствия бывают следствием хороших, прекрасных вожделений; а другие – дурных и что одни вожделения надо развивать и уважать, другие же – пресекать и подчинять. В ответ он будет отрицательно качать головой и говорить, что все вожделения одинаковы и заслуживают равного уважения. ... Изо дня в день такой человек живет, угождая

первому налетевшему на него желанию: то он пьянствует под звуки флейт, то вдруг пьет одну только воду и изнуряет себя, то увлекается телесными упражнениями; а бывает, что нападает на него лень, и тогда ни до чего ему нет охоты. Порой он проводит время в беседах, кажущихся философскими. Часто занимают его общественные дела: внезапно он вскакивает, и что придется ему в это время сказать, то он и выполняет. Увлечется он людьми военными – туда его и несет, а если дельцами, то тогда в эту сторону. В его жизни нет порядка, в ней не царит необходимость: приятной, вольной и блаженной называет он эту жизнь и так все время ею пользуется. ... Я нахожу, что этот человек так же разнообразен, многолик, прекрасен и пестр, как его государство. Немало мужчин и женщин позавидовали бы жизни, в которой совмещается множество образчиков государственных укладов и нравов (*Государство, т. 3(1), с. 376–378*).

Так вот, мой друг, именно из того правления, такого прекрасного и по-юношески дерзкого, и вырастает, как мне кажется, тирания.... Та же болезнь, что развилась в олигархии и ее погубила, еще больше и сильнее развивается здесь – из-за своеволия – и поработывает демократию. В самом деле, все чрезмерное обычно вызывает резкое изменение в противоположную сторону, будь то состояние погоды, растений или тела. Не меньше наблюдается это и в государственных устройствах. ... Ведь чрезмерная свобода, по-видимому, и для отдельного человека, и для государства, обращается не во что иное, как в чрезмерное рабство (*Государство, т. 3(1), с. 381*).

В первые дни, вообще в первое время он /тиран/ приветливо улыбается всем, кто бы ему ни встретился, а о себе утверждает, что он вовсе не тиран; он дает много обещаний частным лицам и обществу; он освобождает людей от долгов и раздает землю народу и своей свите. Так притворяется он милостивым ко всем и кротким. ... Когда же он прими-

рится кое с кем из своих врагов, а иных уничтожит, так что они перестанут его беспокоить, я думаю, первой его задачей будет постоянно вовлекать граждан в какие-то войны, чтобы народ испытывал нужду в предводителе..., да и для того, чтобы из-за налогов люди обеднели и перебивались со дня на день, меньше злоумышляя против него. ... А если он заподозрит кого-нибудь в вольных мыслях и в отрицании его правления, то таких людей он уничтожит под предлогом, будто они предались неприятелю. Ради всего этого тирану необходимо постоянно будоражить всех посредством войны. ... Но такие действия сделают его все более и более ненавистным для граждан. Между тем и некоторые из влиятельных лиц, способствовавших его возвышению станут открыто, да и в разговорах между собой выражать ему свое недовольство всем происходящим – по крайней мере, те, что посмелее. ... Чтобы сохранить за собою власть, тирану придется их всех уничтожить, так что в конце концов не останется никого ни из друзей, ни из врагов, кто бы на что-то годился (*Государство, т. 3(1), с. 385–386*).

...Государство, основанное согласно природе, всецело было бы мудрым благодаря совсем небольшой части населения, которая стоит во главе и управляет, и ее знанию. И по-видимому, от природы в очень малом числе встречаются люди, подходящие, чтобы обладать этим знанием, которое одно лишь из всех остальных видов знания заслуживает имя мудрости. ... Вот мы и нашли, уж и не знаю каким это образом, одно из четырех свойств нашего государства – и как таковое, и место его в государстве.

...Что же касается мужества – каково оно само и где ему место в государстве /отчего и называют государство мужественным/ – это не так уж трудно заметить. ... Называя государство робким или мужественным, кто же обратит внимание на что-нибудь иное, кроме той части его граждан, которые воюют и сражаются за него? ... Ведь, думается мне,

по остальным его гражданам, будь они трусливы или мужественны, нельзя заключать, что государство такое, а не иное. ... Мужественным государство бывает лишь благодаря какой-то одной своей части – благодаря тому, что в этой своей части оно обладает силой, постоянно сохраняющей то мнение об опасностях – а именно, что они заключаются в том-то и том-то, – которое внушил ей законодатель путем воспитания. ... Мужество я считаю некой сохранностью. ... Той, что сохраняет определенное мнение об опасности, – что она такое и какова она. Образуется это мнение под воспитывающим воздействием закона. Я сказал, что оно сохраняется, то есть человек сохраняет его и в страданиях, и в удовольствиях, и в страстях, и во время страха и никогда от него не отказывается. А с чем это схоже, я мог бы, если ты хочешь, объяснить тебе с помощью уподобления. ... Как ты знаешь, красильщики, желая окрасить шерсть в пурпурный цвет, сперва выбирают из большого числа оттенков шерсти одну только белую краску, затем старательно, разными приемами подготавливают ее к тому, чтобы она получше приняла пурпурный цвет, и наконец красят. Выкрашенная таким образом шерсть уже не линяет, и стирка, будь то со щелочью или без, не влияет на цвет. ... Нечто подобное делаем и мы по мере сил, когда выбираем воинов и воспитываем их при помощи мусического искусства и гимнастики. Мы не преследуем ничего другого, кроме того, чтобы они по возможности лучше и убежденнее восприняли законы – словно окраску: их мнение об опасностях и обо всем остальном станет прочным благодаря их природным задаткам и полученному ими соответствующему воспитанию, и эту окраску нельзя будет смыть никакими сильными щелочами – ни удовольствием..., ни скорбью, ни страхом, ни страстью, вообще ничем из подобных едких средств. Вот подобного рода силу и постоянное сохранение правильного и законного мнения о том, что опасно, а что нет, я называю и считаю мужеством...

...Для верного понимания согласись еще и с тем, что здесь говорится о мужестве как о гражданском свойстве. ... Остается рассмотреть еще два свойства нашего государства: рассудительность и ... справедливость.

...Рассудительность, с нашей точки зрения, более, чем те, предшествовавшие, свойства, походит на некое созвучие и гармонию. ... Нечто вроде порядка – вот что такое рассудительность; это власть над определенными удовольствиями и вожделениями – так ведь утверждают, приводя выражение «преодолеть самого себя», уж не знаю каким это образом. И про многое другое в этом же роде говорят, что это – следы рассудительности... Разве это не смешно: «преодолеть самого себя»? Выходит, что человек преодолевает того, кто совершенно очевидно сам себе уступает, так что тот, кто уступает, и будет тем, кто преодолевает: ведь при всем этом речь идет об одном и том же человеке. ... Но мне кажется, этим выражением желают сказать, что в самом человеке, в его душе есть некая лучшая часть и некая худшая, и, когда то, что по своей природе лучше, обуздывает худшее, тогда говорят, что оно «преодолевает самое себя»: значит, это похвала; когда же из-за дурного воспитания или общества верх берет худшее /ведь его такая уйма, а лучшего гораздо меньше/, тогда, в порицание и с упреком, называют это «уступкой самому себе», а человека, испытывающего такое состояние, – невоздержным.

...Посмотри теперь на наше новое государство, и ты найдешь в нем одно из этих двух состояний: ты скажешь, что такое государство справедливо можно объявить преодолевшим самого себя, поскольку нужно называть рассудительным и преодолевшим самого себя все то, в чем лучшее правит худшим. ... Множество самых разнообразных вожделений, удовольствий и страданий легче всего наблюдать у женщин и у домашней челяди, и среди тех, кого называют

свободными людьми, – у ничтожных представителей большинства. ... А простые, умеренные /переживания/, продуманно направленные с помощью разума и правильного мнения, ты встретишь у очень немногих, лучших по природе и по воспитанию.

...Так не замечаешь ли этого и в нашем государстве: жалкие вожделения большинства подчиняются тем разумным желаниям меньшинства, то есть людей порядочных? ... Значит, если уж признавать какое-нибудь государство преодолевшим и удовольствия, и вожделения, и самое себя, так это будет наше государство ... А разве нельзя, согласно всему этому, признать его и рассудительным? ... И опять-таки, если уж в каком-нибудь государстве и у правителей, и у подвластных существует согласное мнение о том, кому следует править, то оно есть и в нашем государстве. ... Раз дело обстоит так, то кому из них присуща, скажешь ты, рассудительность – правителям или подвластным? – Вроде бы и тем и другим. – Ну, вот видишь, мы, значит, верно предсказывали не так давно, что рассудительность подобна некой гармонии. ... Это не так, как с мужеством или с мудростью: те, присутствуя в какой-либо одной части государства, делают все государство соответственно либо мужественным, либо мудрым; рассудительность же не так проявляется в государстве: она настраивает на свой лад решительно все целиком, пользуясь всеми своими струнами, она заставляет и те, что слабо натянуты, и те, что сильно, и середине звучать согласно между собою, если угодно, с помощью разума, а то и силой или, наконец, числом и богатством и всем тому подобным, так что мы с полным правом могли бы сказать, что эта вот согласованность и есть рассудительность, иначе говоря, естественное созвучие худшего и лучшего в том, чему надлежит править и в государстве, и в каждом отдельном человеке.

...Мы обозрели эти три свойства нашего государства. А оставшийся неразобраным вид, тот, благодаря которому государство становится причастным добродетели, что он собой представляет? Впрочем, ясно, что это – справедливость (*Государство, т. 3(1), с. 218–223*).

Мы еще вначале, когда основывали государство, установили, что делать это надо непременно во имя целого. Так вот это целое и есть справедливость или какая-то ее разновидность. Мы установили, что каждый отдельный человек должен заниматься чем-нибудь одним из того, что нужно в государстве, и притом как раз тем, к чему он по своим природным задаткам больше всего способен. ... Но заниматься своим делом и не вмешиваться в чужие – это и есть справедливость... По-моему, кроме тех свойств нашего государства, которые мы рассмотрели, – его рассудительности, мужества и разумности – в нем остается еще то, что дает возможность присутствия их там и сохранения. И мы утверждали, что остаток, после того, как мы нашли эти три свойства, и будет справедливостью (*Государство, т. 3(1), с. 224*).

...Если плотник попробует выполнять работу сапожника, а сапожник – плотника, поменявшись с ним и инструментом, и званием, или если один и тот же человек попытается выполнять обе работы и мастера поменяются местами, считаешь ли ты, что государство потерпит большой ущерб? – Не очень большой. – Но право, когда ремесленник или кто-либо другой, делец по своим природным задаткам, возвысится благодаря своему богатству, многочисленным связям, силе и тому подобное и попытается перейти в сословие воинов, или когда кто-нибудь из воинов постарается проникнуть в число членов совета или в стражи, будучи этого недостойн, причем и те и другие поменяются и своими орудиями, и своим званием, или когда один и тот же человек попытается все это делать одновременно, тогда, думаю, и ты согласишься, что такая замена и вмешательство не в свое дело – гибель

для государства. – Полнейшая гибель. – Значит, вмешательство этих трех сословий в чужие дела и переход их одного сословия в другое – величайший вред для государства и с полным правом может считаться высшим преступлением (*Государство, т. 3(1), с. 225–226*).

...Стражи-мужчины и стражи-женщины должны все выполнять сообща ... это возможно и полезно. ... Все жены этих мужей должны быть общими, а отдельно пусть ни одна ни с кем не сожительствует. И дети тоже должны быть общими, и пусть отец не знает, какой ребенок его, а ребенок – кто его отец.

– Этот закон вызовет гораздо больше недоверия, чем тот, в смысле исполнимости и полезности. – Что касается полезности, вряд ли станут это оспаривать и говорить, будто общность жен и детей не величайшее благо, если только это возможно (*Государство, т. 3(1), с. 254*).

АРИСТОТЕЛЬ

Выдержки даны по изданию: Аристотель. Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1976–1984. В скобках указаны том и страница, на которой находится приводимая цитата.

Метафизика

Книга четвертая

Глава первая

Есть некоторая наука, исследующая сущее как таковое, а также то, что ему присуще само по себе. Эта наука не тождественна ни одной из так называемых частных наук, ибо ни одна из других наук не исследует общую природу сущего как такового, а все они, отделяя себе какую-то часть его, исследуют то, что присуще этой части, как, например, науки математические. А так как мы ищем начала и высшие при-

чины, то ясно, что они должны быть началами и причинами чего-то самосущного... Если же те, кто искал элементы вещей, искали и эти начала, то и искомые ими элементы должны быть элементами не сущего как чего-то привходящего, а сущего как такового. А потому и нам необходимо постичь первые причины сущего как такового (*Т. I, с. 119*).

Глава вторая

О сущем говорится, правда, в различных значениях, но всегда по отношению к чему-то одному, к одному естеству и не из-за одинакового имени, а так, как все здоровое, например, относится к здоровью – или потому, что сохраняет его, или потому, что содействует ему, или потому, что оно признак его, или же потому, что способно воспринять его; и точно так же врачебное по отношению к врачебному искусству /одно называется так потому, что владеет этим искусством, другое – потому, что имеет способность к нему, третье – потому, что оно его применение/, и мы можем привести и другие случаи подобного же словоупотребления. Так вот, таким же точно образом и о сущем говорится в различных значениях, но всякий раз по отношению к одному началу; одно называется сущим потому, что оно сущность, другое – потому, что оно состояние сущности, третье – потому, что оно путь к сущности, или уничтожение и лишенность ее, или свойство ее, или то, что производит или порождает сущность и находящееся в каком-то отношении к ней; или оно отрицание чего-то из этого или отрицание самой сущности, почему мы и о не-сущем говорим, что оно есть не-сущее. И подобно тому, как все здоровое исследуется одной наукой, точно так же обстоит дело и в остальных случаях. Ибо одна наука должна исследовать не только то, что сказывается о принадлежащем к одному /роду/, но и то, что сказывается о том, что находится в каком-то отношении к одному естеству: ведь и это в некотором смысле сказывается о принадлежащем к одному /роду/. Поэтому ясно, что

и сущее как таковое должно исследоваться одной наукой. А наука всюду исследует главным образом первое – то, от чего зависит остальное и через что это остальное получает свое название. Следовательно, если первое – сущность, то философ, надо полагать, должен знать начала и причины сущностей (*Т. 1, с. 119–120*).

Глава третья

Теперь следует объяснить, должна ли одна наука или разные заниматься, с одной стороны, тем, что в математике называется аксиомами, с другой – сущностью. Совершенно очевидно, что и такие аксиомы должна рассматривать одна наука, а именно та, которой занимается философ, ибо аксиомы эти имеют силу для всего существующего, а не для какого-то особого рода отдельно от всех других. И применяют их все, потому что они истинны для сущего как такового, а каждый род есть сущее; но их применяют настолько, насколько это каждому нужно, т.е. насколько простирается род, относительно которого приводятся доказательства. Так как, стало быть, аксиомы имеют силу для всего, поскольку оно есть сущее /а сущее ведь обще всему/, то ясно, что тому, кто познает сущее как таковое, надлежит исследовать и аксиомы. Поэтому никто из тех, кто изучает частное, не берется каким-то образом утверждать о них, истинны ли они или нет, – ни геометр, ни арифметик, разве только кое-кто из рассуждающих о природе, со стороны которых поступать так было вполне естественно: ведь они полагали, что они одни изучают природу в целом и сущее /как таковое/. Но так как есть еще кто-то выше тех, кто рассуждает о природе /ибо природа есть лишь один род сущего/, то тому, кто исследует общее и первую сущность, необходимо рассматривать и аксиомы; что же касается учения о природе, то оно также есть некоторая мудрость, но не первая (*Т. 1, с. 124*).

Книга тринадцатая

Глава четвертая

Итак, о том, что математические предметы – это сущее и в каком смысле они сущее, а также в каком смысле они первее и в каком нет, – об этом довольно сказанного. Что же касается идей, то прежде всего следует рассмотреть само учение об идеях, не связывая их с природой чисел, а так, как их с самого начала понимали те, кто впервые заявил, что есть идеи. К учению об эйдосах пришли те, кто был убежден в истинности взглядов Гераклита, согласно которым все чувственно воспринимаемое постоянно течет; так что если есть знание и разумение чего-то, то помимо чувственно воспринимаемого должны существовать другие сущности постоянно пребывающие, ибо о текучем знания не бывает. С другой стороны, Сократ исследовал нравственные добродетели и первый пытался давать их общие определения /ведь из рассуждавших о природе только Демокрит немного касался этого и некоторым образом дал определения теплого и холодного; а пифагорейцы – раньше его – делали это для немногого, определения чего они сводили к числам, указывая, например, что такое удобный случай, или справедливость, или супружество. Между тем Сократ с полным основанием искал суть вещи, так как он стремился делать умозаклучения, а начало для умозаклучения – это суть вещи: ведь тогда еще не было диалектического искусства, чтобы можно было, даже не касаясь сути, рассматривать противоположности, а также познает ли одна и та же наука противоположности; и в самом деле, две вещи можно по справедливости приписывать Сократу – доказательства через наведение и общие определения: и то и другое касается начала знания/. Но Сократ не считал отделенными от вещей ни общее, ни определения. Сторонники же идей отделили их и такого рода сущее называли идеями, так что, исходя

почти из одного и того же довода, они пришли к выводу, что существуют идеи всего, что сказывается как общее, и получалось примерно так, как если бы кто, желая произвести подсчет, при меньшем количестве вещей полагал, что это будет ему не по силам, а увеличив их количество, уверовал, что сосчитает. В самом деле, эйдосов, можно сказать, больше, чем единичных чувственно воспринимаемых вещей, в поисках причин для которых они от вещей пришли к эйдосам, ибо для каждого /рода/ есть у них нечто одноименное, и помимо сущностей имеется единое во многом для всего другого – и у окружающих нас вещей, и у вечных.

Далее, ни один из способов, какими они доказывают, что эйдосы существуют, не убедителен. В самом деле, на основании одних не получается с необходимостью умозаключения, на основании других эйдосы получаются и для того, для чего, как они полагают, их нет. Ведь по «доказательствам от знаний» эйдосы должны были бы иметься для всего, о чем имеется знание; на основании довода относительно «единого во многом» они должны были бы получаться и для отрицаний, а на основании довода, что «мыслить что-то можно и по его исчезновению», – для преходящего: ведь о нем может /остаться/ некоторое представление. Далее, на основании наиболее точных доказательств одни признают идеи соотнесенного, о котором они говорят, что для него нет рода самого по себе; другие приводят довод относительно «третьего человека».

И, вообще говоря, доводы в пользу эйдосов сводят на нет то, существование чего для тех, кто признает эйдосы, важнее существования самих идей: ведь из этих доводов следует, что первое не двоица, а число, т.е. что соотнесенное /первое/ самого по себе сущего, и так же все другое, в чем некоторые последователи учения об эйдосах пришли в столкновение с его началами.

Далее, согласно предположению, на основании которого они признают существование идей, должны быть эйдосы не только сущностей, но и многого иного /в самом деле, мысль едина не только касательно сущности, но и относительно не-сущностей, и имеются знания не только сущности; и получается у них несметное число других подобных /выводов/. Между тем по необходимости и согласно учениям об эйдосах, раз возможна причастность эйдосам, то должны существовать идеи только сущностей, ибо причастность им не может быть привходящей, а каждая вещь должна быть причастна эйдосу постольку, поскольку он не сказывается о субстрате /я имею в виду, например, если нечто причастно самому-по-себе-двойному, то оно причастно и вечному, но привходящим образом, ибо для двойного быть вечным – это нечто привходящее/. Итак, эйдосы были бы /только/ сущностью. Однако и здесь, /в мире чувственно воспринимаемого/, и там, /в мире идей/, сущность означает одно и то же. Иначе какой еще смысл имеет утверждение, что есть что-то помимо окружающих нас вещей – единое во многом? Если идеи и причастные им вещи принадлежат к одному и тому же виду, то будет нечто общее им /в самом деле, почему для преходящих двоек и двоек. Хотя и многих, но вечных, существо их как двоек ... в большей мере одно и то же, чем для самой-по-себе-двойки и какой-нибудь отдельной двойки?/. Если же вид для идей и причастных им вещей не один и тот же, то у них, надо полагать, только имя общее, и это было бы похоже на то, как если бы кто называл человеком и Каллия, и кусок дерева, не увидев между ними ничего общего.

А если мы допустим, что хотя общие определения в других отношениях и соответствуют эйдосам, например самому-по-себе-кругу – «плоская фигура» и прочие части определения, но должно еще добавлять, что есть то, /идея чего она есть/, то надо проследить, не оказалось ли это со-

всем бессодержательным. В самом деле, к чему это должно добавляться? К «середине» или к «плоскости», или ко всем частям /«круга»/? Ведь все, что входит в /охватываемую определением/ сущность – это идеи, например, «живое существо» и «двуногое». А, кроме того, ясно, что «само-по-себе» должно наподобие «плоскости» быть некоей сущностью..., которая будет как род содержаться во всех эйдосах (*Т. 1, с. 327–329*).

Глава пятая

Однако в наибольшее затруднение поставил бы вопрос, какое же значение имеют эйдосы для чувственно воспринимаемых вещей – для вечных, либо для возникающих и преходящих. Дело в том, что они для этих вещей не причина движения или какого-либо изменения. А с другой стороны, они ничего не дают ни для познания всех остальных вещей /они ведь и не сущности этих вещей, иначе они были бы в них/, ни для их бытия /раз они не находятся в причастных им вещах/...

Между тем в «Федоне» говорится таким образом, что эйдосы суть причины и бытия и возникновения /вещей/; и однако, если эйдосы и существуют, то все же ничего не возникло бы, если бы не было того, что приводило бы в движение. С другой стороны, возникает многое другое, например, дом и кольцо, для которых, как они утверждают, эйдосов не существует. Поэтому ясно, что и то, идеи чего, по их утверждению, существуют, может быть и возникать по таким же причинам, как и только что указанные вещи, а не благодаря идеям. Но впрочем, относительно идей можно и этим путем, и с помощью более основательных и точных доводов привести много /возражений/, подобных /только что/ рассмотренным (*Т. 1, с. 330–331*).

Физика

Книга первая

Глава первая

Так как знание, и /в том числе/ научное познание, возникает при всех исследованиях, которые простираются на начала, причины и элементы, путем их уяснения /ведь мы тогда уверены, что знаем ту или иную вещь, когда уясняем ее первые причины, первые начала и разлагаем ее вплоть до элементов/, то ясно, что и в науке о природе надо попытаться определить прежде всего то, что относится к началам. Естественный путь к этому ведет от более понятного и явного для нас к более явному и понятному по природе: ведь не одно и то же понятное для нас и /понятное/ вообще. Поэтому необходимо продвигаться именно таким образом: от менее явного по природе, а для нас более явного к более явному и понятному по природе. Для нас же в первую очередь ясны и явны скорее слитные /вещи/, и уж затем из них путем их расчленения становятся известными элементы и начала. Поэтому надо идти от вещей, /воспринимаемых/ в общем, к их составным частям: ведь целое скорее уясняется чувством, а общее есть нечто целое, так как общее охватывает многое наподобие частей. То же самое некоторым происходит и с именем в отношении к определению: имя, например, «круг» обозначает нечто целое, и притом неопределенным образом, а определение расчленяет его на составные части. И дети первое время называют всех мужчин отцами, а женщин матерями и лишь потом различают каждого в отдельности (*Т. 3, с. 61*).

Глава вторая

И вот, необходимо, чтобы было или одно начало, или многие, и если одно, то или неподвижное, как говорят Парменид и Мелисс, или подвижное, как говорят физики, счи-

тающие первым началом одни воздух, другие воду; если же начал много, то они должны быть или ограничены /по числу/, или безграничны, и если ограничены, но больше одного, то их или два, или три, или четыре, или какое-нибудь иное число, а если безграничны, то или так, как говорит Демокрит, т.е. все они одного рода, но различаются фигурой или видом или даже противоположны. Сходным путем идут и те, которые исследуют все существующее в количественном отношении: они прежде всего спрашивают, одно или многое то, из чего состоит существующее, и если многое, ограничено оно /по числу/ или безгранично: следовательно, и они ищут начало и элемент – одно оно или многое.

Однако рассмотрение вопроса об одном неподвижном сущем не относится к исследованию природы: как геометр не может ничего возразить тому, кто отрицает начала /геометрии/, – это дело другой науки или общей всем, – так и тот, кто занимается исследованием начал; ведь только единое, и притом единое в указанном смысле, еще не будет началом. Ведь начало есть начало чего-нибудь или каких-нибудь вещей (*Т. 3, с. 62*).

Книга восьмая

Глава первая

...Относительно времени все /мыслители/, за исключением одного, думают, по-видимому, одинаково: они называют его нерожденным. Основываясь на этом, и Демокрит доказывает невозможность того, чтобы все возникло, так как время есть нечто невозникшее. Один только Платон порождает его: он говорит, что оно возникло вместе со Вселенной, а Вселенная, по его мнению, возникла. Если действительно невозможно, чтобы время существовало и мыслилось без «теперь», а «теперь» есть какая-то середина, включающая в себя одновременно и начало и конец – начало будущего и конец прошедшего, то необходимо, чтобы время суще-

ствовало всегда. Ведь крайний предел последнего взятого времени будет в одном из «теперь» /так как во времени ничего нельзя ухватить помимо «теперь»/, следовательно, если «теперь» есть начало и конец, то необходимо, чтобы с обеих сторон его всегда было время. А если имеется время, очевидно, должно существовать и движение, раз время есть некоторое свойство движения (*Т. 3, с. 223–224*).

Глава шестая

Так как движение должно существовать всегда и не прекращаться, то необходимо существует нечто вечное, что движет, как первое, будь оно единым или в большем числе, и должен существовать первый неподвижный двигатель. ... Следовательно, если движение вечно, будет вечен и первый двигатель, если он один; если же их много, будут вечными многие. Но скорее следует признавать одного, чем многих, и в ограниченном количестве, чем в безграничном. Ибо если результат получается один и тот же, всегда следует предпочитать ограниченное количество, так как природным /вещам/ должно быть присуще скорее ограниченное и лучшее, если это возможно. Но достаточно и одного /двигателя/ который, будучи первым среди неподвижных и существуя вечно, будет началом движения для всего прочего.

...Из последующего также станет ясно, что первому двигателю необходимо быть единым и вечным. Ведь мы доказали /гл. 1/, что движение должно существовать всегда. Но если оно существует всегда, оно необходимо должно быть непрерывным, так как всегда существующее непрерывно, а следующее друг за другом не непрерывно. Но в таком случае, если оно непрерывно, оно едино. Единым же будет /движение/, производимое одним двигателем в одном движущемся /предмете/, ибо, если он будет двигать один раз одно, другой раз другое, движение в целом не будет непрерывным, а последовательным (*Т. 3, с. 240–242*).

Глава девятая

А что /из всех/ перемещений первым является круговое движение — это очевидно. Ибо всякое перемещение ... может быть или круговым, или прямолинейным, или смешанным; причем первые два первичнее последнего, ибо оно составлено из тех. А круговое движение первичнее прямолинейного, поскольку оно проще и более совершенно. Ведь бесконечно перемещаться по прямой нельзя /ибо такого рода бесконечности не существует, а если бы она и была, ничто /таким образом/ не двигалось бы, ибо невозможного не происходит, пройти же бесконечную /прямую/ невозможно. Движение же по конечной прямой, если оно поворачивает назад, представляет собой сложное движение, составленное из двух, если же оно не поворачивает назад, оно несовершенно и преходяще. А совершенное первичнее несовершенного и по природе, и по определению, и по времени, так же как непреходящее /первичнее/ подверженного гибели. Далее, то, что может быть вечным, первичнее того, которое не может им быть; и вот, движение по кругу может быть вечным, из других же /видов движения/ ни перемещение, ни какое-либо иное не может, так как должна наступить остановка, а остановка есть исчезновение движения (*Т. 3, с. 256*).

О душе

Книга вторая

Глава первая

...Попытаемся выяснить, что такое душа и каково ее самое общее определение.

Итак, под сущностью мы разумеем один из родов сущего; к сущности относится, во-первых, материя, которая сама по себе не есть определенное нечто; во-вторых, форма или образ, благодаря которым она уже называется опреде-

ленным нечто, и, в-третьих, то, что состоит из материи и формы. Материя есть возможность, форма же – энтелехия, и именно в двояком смысле – в таком, как знание, и в таком, как деятельность созерцания.

По-видимому, главным образом тела, и притом естественные, суть сущности, ибо они начала всех остальных тел. Из естественных тел одни наделены жизнью, другие – нет. Жизнью мы называем всякое питание, рост и упадок тела, имеющие основание в нем самом... Таким образом, всякое естественное тело, причастное жизни, есть сущность, причем сущность составная.

Но хотя оно есть такое тело, т.е. наделенное жизнью, оно не может быть душой. Ведь тело не есть нечто принадлежащее субстрату..., а скорее само есть субстрат и материя. Таким образом, душа необходимо есть сущность в смысле формы естественного тела, обладающего в возможности жизнью. Сущность же /как форма/ есть энтелехия; стало быть, душа есть энтелехия такого тела. Энтелехия же имеет двоякий смысл: или такой, как знание, или такой, как деятельность созерцания; совершенно очевидно, что душа есть энтелехия в таком смысле, как знание. Ведь в силу наличия души имеются и сон, и бодрствование, причем бодрствование сходно с деятельностью созерцания, сон же – с обладанием, но без действования. У одного и того же человека знание по своему происхождению предшествует деятельности созерцания.

Именно поэтому душа есть первая энтелехия естественного тела, обладающего в возможности жизнью. А таким телом может быть лишь тело, обладающее органами. Между тем части растений также суть органы, правда совершенно простые, как, например, лист есть покров для скорлупы, а скорлупа – покров для плода, корни же сходны с ртом: ведь и то и другое вбирает пищу.

Итак, если нужно обозначить то, что обще всякой душе, то это следующее: душа есть первая энтелехия естественно-го тела, обладающего органами. Поэтому и не следует спрашивать, есть ли душа и тело нечто единое, как не следует это спрашивать ни относительно воска и отпечатка на нем, ни вообще относительно любой материи и того, материя чего она есть. Ведь хотя единое и бытие имеют разные значения, но энтелехия есть единое и бытие в собственном смысле.

Итак, сказано, что такое душа вообще. А именно: она есть сущность как форма а это – суть бытия такого-то тела, подобно тому как если бы естественным телом было какое-нибудь орудие, например топор. А именно: сущностью его было бы бытие топором, и оно было бы его душой. И если ее отделить, то топор уже перестал бы быть топором и был бы таковым лишь по имени. Однако же это только топор. Душа же есть суть бытия и форма ... не такого тела, как топор, а такого естественного тела, которое в самом себе имеет начало движения и покоя. Сказанное нужно рассмотреть и в отношении частей тела. Если бы глаз был живым существом, то душой его было бы зрение. Ведь зрение и есть сущность глаза как его форма /глаз же есть материя зрения/; с утратой зрения глаз уже не глаз, разве только по имени, так же как глаз из камня или нарисованный глаз. Сказанное же о части тела нужно приложить ко всему живому телу. А именно: как часть относится к части, так сходным образом совокупность ощущений относится ко всему ощущающему телу как ощущающему.

Но живое в возможности – это не то, что лишено души, а то, что ею обладает. Семя же и плод суть именно такое тело в возможности. Поэтому, как раскалывание /для топора/ и видение /для глаза/ суть энтелехия, так и бодрствование; а душа есть такая энтелехия, как зрение и сила орудия, тело же есть сущее в возможности. Но так же как зрачок и зрение составляют глаз, так душа и тело составляют живое существо.

Итак, душа неотделима от тела; ясно также, что неотделима какая-либо часть ее, если душа по природе имеет части, ибо некоторые части души суть энтелехия телесных частей. Но конечно, ничто не мешает, чтобы некоторые части души были отделимы от тела, так как они не энтелехия какого-либо тела. Кроме того, не ясно, есть ли душа энтелехия тела в том же смысле, в каком корабельник есть энтелехия судна. Так в общих чертах пусть будет определена и описана душа (*Т. I, с. 394–396*).

Книга третья

Глава четвертая

Что касается той части души, которую душа познает и понимает, — отделима ли она, притом отделима ли она не пространственно..., а лишь мысленно..., то необходимо рассмотреть, каково ее отличительное свойство и как именно происходит мышление.

Так вот, если мышление сходно с ощущением, то оно или что-то испытывает от постигаемого умом, или оно нечто другое в этом роде. Мышление, конечно, не должно быть подвержено чему-либо, а должно быть способным воспринимать формы, т.е. в возможности должно быть таким, каково постигаемое умом, но не самим постигаемым умом, и так же как способность ощущения относится к ощущаемому, так и ум — к постигаемому умом. И поскольку ум может мыслить все, ему необходимо быть ни с чем не смешанным, чтобы, как сказал Анаксагор, властвовать над всем, т.е. чтобы /все/ познавать. Ведь чуждое, являясь рядом с умом, мешает ему и заслоняет его. Таким образом, ум по природе не что иное, как способность. Итак, то, что мы называем умом в душе, до того, как оно мыслит, не есть что-либо действительное из существующего /я разумею под умом то, чем душа размышляет и судит о чем-то/. Поэтому

нет разумного основания считать что ум соединен с телом. Ведь иначе он оказался бы обладающим каким-нибудь определенным качеством, он был бы холодным или теплым или имел бы какой-то орган, как имеет его способность ощущения; но ничего такого нет. Поэтому правы те, кто говорит, что душа есть местонахождение форм, с той оговоркой, что не вся душа, а мыслящая часть, и имеет формы не в действительности, а в возможности (*Т. 1, с. 433–434*).

Никомахова этика

Книга вторая

4. Теперь надо рассмотреть, что такое добродетель. Поскольку в душе бывают три /вещи/ – страсти, способности и устои, то добродетель, видимо, соотносится с одной из этих трех вещей. Страстями, /или переживаниями/, я называю влечение, гнев, страх, отвагу, злобу, радость, любовь..., ненависть, тоску, зависть, жалость – вообще /все/, чему сопутствуют удовольствия или страдания. Способности – это то, благодаря чему мы считаемся подвластными этим страстям, благодаря чему нас можно, например, разгневать, заставить страдать или разжалобить. Нравственные устои, /или склад души/, – это то, в силу чего мы хорошо или дурно владеем /своими/ страстями, например гневом: если /гневаемся/ бурно или вяло, то владеем дурно, если держимся середины, то хорошо. Точно так и со всеми остальными страстями (*Т. 4, с. 84*).

Я называю серединой вещи то, что равно удалено от обоих краев, причем эта /середина/ одна и для всех одинаковая. Серединою же по отношению к нам я называю то, что не избыточно и не недостаточно, и такая середина не одна и не одинакова для всех. Так, например, если десять много, а два мало, то шесть принимают за середину, потому что, насколько шесть больше двух, настолько же меньше десяти, а это и есть середина по арифметической пропорции.

Но не следует понимать так середину по отношению к нам. Ведь если пищи на десять мин много, а на две – мало, то наставник в гимнастических упражнениях не станет предписывать питание на шесть мин, потому что и это для данного человека может быть /слишком/ много или /слишком/ мало. ... Так и с бегом и с борьбой. Поэтому избытка и недостатка всякий знаток избегает, ища середины и избирая для себя /именно/ ее, причем середину /не самой вещи/, а /середину/ для нас (*Т. 4, с. 85–86*).

Я имею в виду нравственную добродетель, ибо именно она сказывается в страстях и поступках, а тут и возникает избыток, недостаток и середина. Так, например, в страхе и отваге, во влечении, гневе и сожалении и вообще в удовольствии и в страдании возможно и «больше» и «меньше», а то и другое не хорошо. Но все это, когда следует, в должных обстоятельствах, относительно должного предмета, ради должной цели и должным способом, есть середина и самое лучшее, что как раз и свойственно добродетели. Добродетель, следовательно, есть некое обладание серединой; во всяком случае, она существует постольку, поскольку ее достигает (*Т. 4, с. 86*).

Политика

Книга первая

1.8. Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни. Отсюда следует, что всякое государство – продукт естественного возникновения, как и первичные общины: оно является завершением их, в завершении же сказывается природа. Ведь мы называем природой каждого объекта – возьмем, например, природу человека, коня, се-

мы – то его состояние, какое получается при завершении его развития. Сверх того, в осуществлении конечной цели и состоит высшее завершение, а самодовлеющее существование оказывается и завершением, и наивысшим существованием.

1.9. Из всего сказанного явствует, что государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств, живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек...

1.10. Что человек есть существо общественное в большей степени нежели пчелы и всякого рода стадные животные, ясно из следующего: природа, согласно нашему утверждению, ничего не делает напрасно; между тем один только человек из всех живых существ одарен речью. Голос выражает печаль и радость, поэтому он свойствен и остальным живым существам /поскольку их природные свойства развиты до такой степени, чтобы ощущать радость и печаль и передавать эти ощущения друг другу/. Но речь способна выражать и то, что полезно, и что вредно, равно как и то, что справедливо и что несправедливо.

1.11. Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т. п. А совокупность всего этого создает основу семьи и государства. Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части. Уничтожь живое существо в его целом, и у него не будет ни ног, ни рук, сохранится только наименование их...

1.12. Итак, очевидно, государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии,

не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому. А тот, кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чем, уже не составляет элемента государства, становясь либо животным, либо божеством.

Во всех людей природа вселила стремление к государственному общению, и первый, кто это общение организовал, оказал человечеству величайшее благо. Человек, нашедший свое завершение, – совершеннейшее из живых существ, и, наоборот, человек, живущий вне закона и права, – наихудший из всех, ибо несправедливость, владеющая оружием, тяжелее всего; природа же дала человеку в руки оружие – умственную и нравственную силу, а ими вполне можно пользоваться в обратную сторону. Поэтому человек, лишенный добродетели, оказывается существом самым нечестивым и диким, низменным в своих половых и вкусовых позовах. Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения (*Т. 4, с. 378–380*).

II 1. Уяснив, из каких элементов состоит государство, мы должны, прежде всего, сказать об организации семьи, ведь каждое государство слагается из отдельных семей. Семья в свою очередь состоит из элементов, совокупность которых и составляет ее организацию. В совершенной семье два элемента: рабы и свободные. Так как исследование каждого объекта должно начинать, прежде всего, с рассмотрения мельчайших частей его составляющих, а первоначальными и мельчайшими частями семьи являются господин и раб, муж и жена, отец и дети, то и следует рассмотреть каждый из этих трех элементов: что каждый из них представляет собой и каковым он должен быть.

2. /Отношения, существующие между тремя указанными парными элементами, можно охарактеризовать/ так: господское, брачное /сожителство мужа и жены не имеет особого термина для своего обозначения/ и третье – отцовское /и это отношение не обозначается особым термином/. Пусть их будет три, именно названные нами /существует еще один элемент семьи, который, по мнению одних, и есть ее организация, а по мнению других, составляет главнейшую часть ее; я имею в виду так называемое искусство накопления; в чем оно состоит – мы разберем дальше/.

Остановимся, прежде всего, на господине и рабе и посмотрим на их взаимоотношения с точки зрения практической пользы. Можем ли мы для уяснения этого отношения стать на более правильную сравнительно с имеющимися теориями точку зрения?

3. Дело в том, что, по мнению одних, власть господина над рабом есть своего рода наука, причем и эта власть, и организация семьи, и государство, и царская власть – одно и то же... Наоборот, по мнению других, самая власть господина над рабом противоестественна: лишь по закону одни – раб, другой – свободный, по природе же никакого различия нет. Поэтому и власть господина над рабом, как основанная на насилии, несправедлива.

4. Собственность есть часть дома, и приобретение есть часть семейной организации: без предметов первой необходимости нельзя не только хорошо жить, но и вообще жить. ...Приобретение собственности требует массу орудий, причем раб – некая одушевленная собственность, как и вообще в искусствах всякий ремесленник как орудие стоит впереди других инструментов.

5. Если бы каждое орудие могло выполнять свойственную ему работу само, по данному ему приказанию или даже его предвосхищая, ... если бы ткацкие челноки сами ткали,

а плектры сами играли на кифаре, тогда и зодчие не нуждались бы в рабочих, а господам не нужны были бы рабы...

8. ...Властвование и подчинение не только необходимы, но и полезны, и прямо от рождения некоторые существа различаются /в том отношении, что одни из них как бы предназначены/ к подчинению, другие – к властвованию. Существует много разновидностей властвующих и подчиненных, однако, чем выше стоят подчиненные, тем более совершенна сама власть над ними; так, например, власть над человеком более совершенна, чем власть над животными. Ведь, чем выше стоит мастер, тем совершеннее исполняемая им работа; но, где одна сторона властвует, а другая подчиняется, там только и может идти речь о какой-либо работе.

9. ...Во всем, что ... составляет единое целое, сказывается властвующее начало и начало подчиненное. Это общий закон природы, и, как таковому, ему подчинены одушевленные существа. Правда, и в предметах неодушевленных, например, в музыкальной гармонии, можно подметить некий принцип властвования; но этот вопрос может, пожалуй, послужить предметом специального исследования.

10. Живое существо состоит прежде всего из души и тела; из них по своей природе одно – начало властвующее, другое – подчиненное...

11. Согласно нашему утверждению, во всяком живом существе, прежде всего, можно усмотреть власть господскую и политическую. Душа властвует над телом, как господин, а разум над нашими стремлениями – как государственный муж. Отсюда ясно, сколь естественно и полезно для тела быть в подчинении у души, а для подверженной аффектам части души – быть в подчинении у разума и рассудочного элемента души и, наоборот, какой всегда получается вред при равном или обратном соотношении.

12. То же самое положение остается в силе и в отношении человека и остальных живых существ. Так, домашние животные по своей природе стоят выше, чем дикие, и для всех домашних животных предпочтительнее находиться в подчинении у человека: так они приобщаются к своему благу... Так же и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении. Тот же самый принцип неминуемо должен господствовать и во всем человечестве.

13. Все те, кто в такой сильной степени отличается от других людей, в какой душа отличается от тела, а человек от животного /это бывает со всеми, чья деятельность заключается в применении физических сил, и это наилучшее, что они могут дать/, те люди по своей природе – рабы; для них, как и для вышеуказанных существ, лучший удел – быть в подчинении у такой власти. Ведь раб по природе – тот, кто может принадлежать другому /потому он и принадлежит другому/ и кто причастен к рассудку в такой мере, что способен понимать его приказания, но сам рассудком не обладает. Что же касается остальных живых существ, то они не способны к пониманию приказаний рассудка, но повинуются движениям чувств.

14. Впрочем, польза, доставляемая домашними животными, мало чем отличается от пользы, доставляемой рабами: и те и другие своими физическими силами оказывают помощь в удовлетворении наших насущных потребностей.

Природа желает, чтобы и физическая организация свободных людей отличалась от физической организации рабов: у последних тело мощное, пригодное для выполнения необходимых физических трудов; свободные же люди держатся прямо и не способны к выполнению подобного рода работ, зато они пригодны для политической жизни, а эта последняя разделяется у них на деятельность в военное

и мирное время. Впрочем, зачастую случается и наоборот: одни имеют только свойственные свободным тела, а другие – только души.

15. Ясно, во всяком случае, следующее: если бы люди отличались между собой только физической организацией в такой степени, в какой отличаются от них в этом отношении изображения богов, то все признали бы, что люди, уступающие в отношении физической организации, достойны быть рабами. Если это положение справедливо относительно физической природы людей, то еще более справедливо установить такое разграничение относительно их психической природы, разве что красоту души не так легко увидеть, как красоту тела. Очевидно, во всяком случае, что одни люди по природе свободны, другие – рабы, и этим последним быть рабами и полезно и справедливо.

21. Поэтому полезно рабу и господину взаимное дружеское отношение, раз их взаимоотношения покоятся на естественных началах; а у тех, у кого это не так, но отношения основываются на законе и насилии, происходит обратное.

Из предыдущего ясно и то, что власть господина и власть государственного мужа, равно как и все виды власти, не тождественны, как это утверждают некоторые. Одна – власть над свободными по природе, другая – власть над рабами. Власть господина в семье – монархия /ибо всякая семья управляется своим господином монархически/, власть же государственного мужа – это власть над свободными и равными.

22. Господином называют не за знания, а за природные свойства; точно так же обстоит дело с рабом и свободным... (*Т. 4, с. 380–386*).

Книга третья

V. 1. Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же оли-

цетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства. И когда один ли человек, или немногие, или большинство правят, руководясь общественной пользой, естественно, такие виды государственного устройства являются правильными, а те, при которых имеются в виду выгоды либо одного лица, либо немногих, либо большинства, являются отклонениями. Ведь нужно признать одно из двух: либо люди, участвующие в государственном общении, не граждане, либо они все должны быть причастны к общей пользе.

2. Монархическое правление, имеющее в виду общую пользу, мы обыкновенно называем царской властью; власть немногих, но более чем одного – аристократией /или потому, что правят лучшие, или потому, что имеется в виду высшее благо государства и тех, кто в него входит/; а когда ради общей пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение, общее для всех видов государственного устройства – полития.

3. И такое разграничение оказывается логически правильным: один человек или немногие могут выделяться своей добродетелью, но преуспеть во всякой добродетели для большинства – дело уже трудное, хотя легче всего – в военной доблести, так как последняя встречается именно в народной массе. Вот почему в такой политике верховная власть сосредоточивается в руках воинов, которые вооружаются на собственный счет.

4. Отклонения от указанных устройств следующие: от царской власти – тирания, от аристократии – олигархия, от политии – демократия. Тирания – монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан; демократия – выгоды неимущих; общей же пользы ни одна из них в виду не имеет (*Т. 4, с. 457*).

Книга пятая

6. Вообще повсюду причиной возмущений бывает отсутствие равенства, коль скоро ему не соответствует действительное неравенство, ведь и пожизненная царская власть есть неравенство, если она имеется среди равных. И возмущения поднимаются вообще ради достижения равенства.

7. Равенство же бывает двоякого рода: равенство по количеству и равенство по достоинству...

8. Вообще ошибка – стремиться просто соблюсти повсюду тот или другой вид равенства. И доказательством служит то, что после этого происходит: ни один из видов государственного устройства, основанный на такого рода равенстве, не остается устойчивым...

9. Как бы то ни было, демократический строй представляет большую безопасность и реже влечет за собой внутренние распри, нежели строй олигархический. В олигархиях таятся зародыши двоякого рода неурядиц: раздоры друг с другом и с народом; в демократиях же – только с олигархией; сам против себя народ – и это следует подчеркнуть – бунтовать не станет. Сверх того, государственное устройство, основанное на господстве средних, ближе к демократии, нежели к олигархии, а она из упомянутых нами государственных устройств пользуется наибольшей безопасностью (*Т. 4, с. 528–529*).

Книга седьмая

IV. 3. Большинство полагает, что счастливое государство должно быть большим по своим размерам. Но если даже это мнение справедливо, все же они не понимают того, какое государство является большим и какое небольшим. Величину государства они измеряют количеством его населения; но скорее нужно обращать внимание не на количе-

ство, а на возможности. Ведь и у государства есть свои задачи, а потому величайшим государством следует признать такое, которое в состоянии выполнить эти задачи наилучшим образом...

5. Опыт подсказывает, однако, как трудно, чтобы не сказать невозможно, слишком многонаселенному государству управляться хорошими законами; по крайней мере мы видим, что все те государства, чье устройство слывет прекрасным, не допускают чрезмерного увеличения своего народонаселения. Это ясно и на основании логических соображений: ведь закон есть некий порядок; благозаконие, несомненно, есть хороший порядок; а чрезмерно большое количество не допускает порядка. Это было бы делом божественной силы, которая скрепляет единство и этой вселенной...

6. Прекрасное обыкновенно находит свое воплощение в количестве и величине; поэтому и то государство, в котором объединяются величина и указанный выше предел, неизбежно является прекраснейшим (*Т. 4, с. 596–597*).

ЭПИКУР

Из письма к Геродоту

Следует теперь рассматривать сокровенное (недоступное чувствам), прежде всего то, что ничто не происходит из несуществующего: [если бы это было так, то] все происходило бы из всего, нисколько не нуждаясь в семенах. И [наоборот], если бы исчезающее погибало, [переходя] в несуществующее, то все вещи были бы уже погибшими, так как не было бы того, во что они разрешались бы. Далее, Вселенная всегда была такой, какова она теперь, и всегда будет такой, потому что нет ничего, во что она изменяется: ведь помимо Вселенной нет ничего, что могло бы войти в нее и произвести изменение.

Далее, Вселенная состоит из тел и пространства; что тела существуют, об этом свидетельствует само ощущение у всех людей, на основании которого необходимо судить мышлением о сокровенном, как я сказал прежде. А если бы не было того, что мы называем пустотой, местом, недоступной прикосновению природой, то тела не имели бы, где им быть и через что двигаться, как они, очевидно, двигаются... В числе тел одни суть соединения, а другие – то, из чего образованы соединения. Эти последние неделимы и неизменяемы, если не должно все уничтожиться в несуществующее, а что-то должно оставаться сильным при разложениях соединений... Таким образом, необходимо, чтобы первоначально были неделимыми телесными природами (субстанциями)...

Далее, и по количеству тел, и по величине пустоты (пустого пространства) Вселенная безгранична. Ибо если бы пустота была безгранична, а тела ограничены [по числу], то тела нигде не останавливались бы, но неслись бы рассеянные по безграничной пустоте, потому что не имели бы других тел, которые поддерживали бы их и останавливали бы обратными ударами. А если бы пустота была ограничена, то безграничные [по числу] тела не имели бы места, где остановиться.

Кроме того, неделимые и полные тела, из которых образуются соединения и в которые они разрешаются, имеют необъятное число форм, ибо невозможно, чтобы такое множество различий в сложных предметах могло образоваться из одних и тех же ограниченных по числу форм. И в каждой форме подобные атомы безграничны по числу, а различие форм в них не совсем безгранично, но только необъятно.

Атомы движутся непрерывно в течение вечности...

Далее, миры безграничны [по числу], как похожие на этот [наш мир], так и не похожие. Ибо атомы, число которых безгранично, как только что было доказано, несутся даже

очень далеко. Ибо такие атомы, из которых может образоваться мир и которыми он может быть создан, не израсходованы ни на единый мир, ни на ограниченное число миров, как тех, которые таковы, [как наш], так и тех, которые отличны от них. Поэтому нет ничего, что препятствовало бы [признанию] безграничного числа миров.

Далее, существуют очертания (отпечатки, оттиски), подобные по виду плотным телам, но по тонкости далеко отстоящие от предметов, доступных чувственному восприятию. Ибо возможно, что такие истечения могут возникать в воздухе, что могут возникать условия, благоприятные для образования углублений и тонкостей, и что могут возникать истечения, сохраняющие соответствующее положение и порядок, которые они имели и в плотных телах. Эти очертания мы называем образами.

Затем... образы имеют непревосходимую тонкость... непревосходимую быстроту, ибо всякий путь для них – подходящий, не говоря уже о том, что истечению их ничто не препятствует или немного препятствует, тогда как большому или безграничному числу [атомов в плотных телах] тотчас же что-нибудь препятствует. Кроме того... возникновение образов происходит с быстротою мысли, ибо течение [атомов] с поверхности тел непрерывно, но его нельзя заметить посредством [наблюдения] уменьшения [предметов] вследствие противоположного восполнения [телами того, что потеряно]. Течение образов сохраняет [в плотном теле] положение и порядок атомов на долгое время, хотя оно, [течение образов], иногда приходит в беспорядок. Кроме того, в воздухе внезапно возникают сложные образы...

Должно полагать также, что тогда только, когда нечто привходит к нам от внешних предметов, мы видим их формы и мыслим о них... И всякое представление, которое мы получаем, схватывая умом или органами чувств, – представление о форме ли или о существенных свойствах – это

[представление] есть форма [или свойства] плотного предмета, возникающие вследствие последовательного повторения образа или впечатления, оставленного образом. А ложь и ошибка всегда лежат в прибавлениях, делаемых мыслью [к чувственному восприятию] относительно того, [что потом не подтверждается [или опровергается]. В самом деле... не существовало бы ошибки, если бы мы не получали в себе самих еще другого какого-то движения, хотя и связанного [с деятельностью представления], но имеющего отличие. Благодаря этому [движению], если оно не подтверждается или опровергается, возникает ложь; а если подтверждается или не опровергается, [возникает] истина. И это учение надо крепко держать [в уме] для того, чтобы, с одной стороны, не уничтожались критерии суждения, основанные на очевидности, и чтобы, с другой стороны, ошибка, столь же прочно закрепившись, не приводила все в беспорядок.

Далее, слышание происходит оттого, что некое течение несется от предмета, говорящего, или звучащего, или шумящего, или каким бы то ни было образом дающего чувство слуха...

И относительно запаха надо думать, как и относительно слуха, что он никогда не мог бы произвести никакого аффекта, если бы не существовали некоторые частицы, уносящиеся от предмета, что ожидает подтверждения или неопровержения, но устроенные соответственным образом для того, чтобы возбуждать этот орган чувства: одни из этих частиц находятся в беспорядке и чужеродны по отношению к нему, другие – в порядке и родственны ему.

Далее, следует думать, что атомы не обладают никаким свойством предметов, доступных чувственному восприятию, кроме формы, веса, величины и всех тех свойств, которые по необходимости соединены с формой. Ибо всякое свойство изменяется, а атомы нисколько не изменяются...

Далее, не следует думать, что у атомов имеется всякая величина, потому что против этого [мнения] свидетельствуют предметы, доступные чувственному восприятию; но должно думать, что есть некоторые различия в величине...

Далее, при бесконечности не следует употреблять слова «вверху» или «внизу» в смысле «самое высокое» или «самое низкое»; и действительно, хотя можно пространство над головой продолжать до бесконечности, это (самая высокая точка) никогда нам не явится...

Далее, атомы движутся с равной быстротой, когда они несутся через пустоту, если им ничто не противодействует. Ибо ни тяжелые атомы не будут нестись быстрее малых и легких, когда, конечно, ничто не встречается им; ни малые [не будут нестись быстрее] больших, имея везде удобный проход, когда и им ничто не будет противодействовать; также движение вверх или вбок вследствие ударов и движение вниз вследствие собственной тяжести [не будет быстрее]... Истинно только все то, что мы наблюдаем чувствами или воспринимаем умом путем постижения...

Обращаясь к чувствам внешним и внутренним – ибо таким путем получится самое надежное основание достоверности, – следует постигнуть, что душа есть состоящее из тонких частиц тело, рассеянное по всему организму, очень похожее на ветер с какой-то примесью теплоты, и в одних отношениях похожее на первое, [т. е. на ветер], в других – на второе, [т. е. на теплоту]. Есть еще часть [души], которая по тонкости частиц имеет большое отличие даже от этих самих и по этой причине более способна чувствовать согласно с остальным организмом. Обо всем этом свидетельствуют силы души, чувства, способность к возбуждению, процессы мышления и все то, лишаясь чего, мы умираем. Далее, следует держаться убеждения, что душе принадлежит главная причина чувства; однако она не получила бы его, если

бы не была прикрыта остальным организмом... Пока душа пребывает в теле, она никогда не лишится чувства, хотя потеряна какая-нибудь другая часть тела; напротив, какие части самой души ни погибнут, когда то, что покрывало их, будет уничтожено – все ли или какая-нибудь часть его, – душа, если продолжает существовать, будет иметь чувство. А остальной организм, хотя и продолжает существовать – весь ли или в какой-нибудь части, – не имеет чувства, когда удалилось то количество атомов, как бы ни было оно мало, которое составляет природу души. Затем, когда разлагается весь организм, душа рассеивается и уже не имеет тех же сил и не совершает движений, так что не обладает и чувством. И действительно, невозможно представить, чтобы она чувствовала, если не находится в этом организме и не может производить эти движения, когда окружающий ее покров не таков, как тот, в котором она теперь находится и производит эти движения. Далее, следует ясно понимать еще и то, что слово «бестелесное» в наиболее обычном значении своем обозначает то, что может мыслиться как нечто самостоятельное. Но самостоятельным нельзя мыслить что-нибудь иное бестелесное, кроме пустоты; а пустота не может ни действовать, ни испытывать действие, но только доставляет чрез себя возможность движения телам. Поэтому говорящие, что душа бестелесна, говорят вздор. Ибо она не могла бы ничего делать или испытывать действие, если бы была таковою...

Далее, что касается формы, цвета, величины, тяжести и всего прочего, что говорится как о постоянных свойствах тела, присущих или всем телам, или видимым и познаваемым чрез чувственное восприятие этих свойств, то не следует думать ни того, что эти свойства суть самостоятельные сущности (независимые субстанции) – ведь это невозможно вообразить, – ни того, что они вовсе не существуют, ни

того, что они суть какие-то другие бестелесные субстанции, присущие телу, ни того, что они суть части тела; но надо думать, что все тело хотя в целом обязано своим постоянным существованием всем этим свойствам, однако не в том смысле, что оно сложилось из этих свойств, снесенных вместе... но только, как я говорю, всем этим свойствам тело обязано своим постоянным существованием. Все эти свойства имеют свои специальные возможности быть познаваемыми и различаемыми (познаются отдельно и различаются), если только целое сопутствует им и никогда от них не отделяется, но вследствие совокупного представления свойств имеет название тела...

Далее, надо полагать, что сами обстоятельства (предметы) научили и принудили [человеческую] природу делать много разного рода вещей и что разум впоследствии совершенствовал то, что было вручено природой, и делал дальнейшие изобретения, в некоторых случаях быстрее, в некоторых медленнее, в некоторые периоды и времена, [делая большие успехи], в некоторые меньшие. Вот почему и названия первоначально возникли не по уговору, но так как каждый народ имел свои особые чувства и получал свои особые впечатления, то сами человеческие природы выпускали, каждая своим особым образом, воздух, образовавшийся под влиянием каждого чувства и впечатления, причем влияет также разница между народами в зависимости от места их жительства. Впоследствии у каждого народа с общего согласия были даны вещам свои особые названия, для того чтобы сделать друг другу [словесные] обозначения менее двусмысленными и выраженными более кратко. Кроме того, вводя некоторые предметы, ранее невиданные, люди, знакомые с ними, вводили и некоторые звуки для них; в некоторых случаях они вынуждены были произвести их, а в некоторых выбрали их по рассудку согласно обычному

способу образования слов и таким образом сделали их значение ясным.

Далее, относительно движения небесных тел, их вращения, затмения, восхода, захода и тому подобных явлений не следует думать, что они произошли благодаря существу, которое ими распоряжается, приводит или привело их в порядок и в то же время пользуется полным блаженством и бессмертием; ибо занятия, заботы, гнев, благоволение несовместимы с блаженством, но они бывают при слабости, страхе, потребности в других. С другой стороны, так как небесные тела суть собранный в массу огонь, то не следует думать, что они обладают блаженством и по своему желанию принимают на себя эти движения...

Далее, следует думать, что тщательно исследовать причины наиболее важных явлений есть задача изучения природы и что счастье для нас при познании небесных явлений основано именно на этом и на решении вопроса о том, каковы природы, которые мы видим в этих небесных явлениях и во всем том, что родственно с точным знанием, требующимся для этой цели, [т. е. для счастья]... Вообще следует уяснить себе то, что главное смятение в человеческой душе происходит оттого, что люди считают небесные тела блаженными и бессмертными и вместе с тем думают, что они имеют желания, действия, мотивы, противоречащие этим свойствам; смятение происходит также оттого, что люди всегда ожидают или воображают какое-то вечное страдание, как оно описано в мифах, может быть боясь и самого бесчувствия в смерти, как будто оно имеет отношение к ним; также оттого, что они испытывают это не вследствие соображений мышления, а вследствие какого-то безотчетного (неразумного) представления себе этих ужасов. Поэтому они, не зная их границ, испытывают такое же или же даже более сильное беспокойство, чем если бы дошли до

этого мнения путем размышления. А безмятежность (атараксия) состоит в отрешении от всего этого и в постоянном памятовании общих и важнейших принципов.

Поэтому надо относиться с вниманием к чувствам внутренним и внешним, которые у нас имеются... Ибо если мы будем относиться к этому с вниманием, то будем правильно определять причины, вызывающие смятение и страх, и, определяя причины небесных явлений и остальных спорадически случающихся факторов, мы устраним все, что крайне страшит отдельных людей.

Вот тебе, Геродот, изложение главнейших положений, касающихся природы общей системы в сокращенном виде...

Из письма к Менекею

Пусть никто в молодости не откладывает занятия философией, а в старости не устает заниматься философией: ведь никто не бывает ни недозрелым, ни перезрелым для здоровья души. Кто говорит, что еще не наступило или прошло время для занятия философией, тот похож на того, кто говорит, что для счастья или еще нет, или уже нет времени. Поэтому и юноше, и старцу следует заниматься философией: первому – для того чтобы, старея, быть молодому благами вследствие благодарного воспоминания о прошедшем, а второму – для того чтобы быть одновременно и молодым, и старым вследствие отсутствия страха перед будущим. Поэтому следует размышлять о том, что создает счастье, если действительно, когда оно есть, у нас все есть, а когда его нет, мы все делаем, чтобы его иметь.

Что я тебе постоянно советовал – это делай и об этом размышляй, имея в виду, что это основные принципы прекрасной жизни. Во-первых, верь, что бог – существо бессмертное и блаженное, согласно начертанному общему представлению о боге, и не приписывай ему ничего чуждо-

го его бессмертию или несогласного с его блаженством; но представляй себе о боге все, что может сохранять его блаженство, соединенное с бессмертием. Да, боги существуют: познание их – факт очевидный. Но они не таковы, какими их представляет себе толпа, потому что толпа не сохраняет о них постоянно своего представления. Нечестив не тот, кто устраняет богов толпы, но тот, кто применяет к богам представления толпы: ибо высказывания толпы о богах являются не естественными понятиями, но лживыми домыслами, согласно которым дурным людям боги посылают величайший вред, а хорошим – пользу. Именно: люди, все время близко соприкасаясь со своими собственными добродетелями, к подобным себе относятся хорошо, а на все, что не таково, смотрят как на чуждое.

Приучай себя к мысли, что смерть не имеет к нам никакого отношения. Ведь все хорошее и дурное заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущения. Поэтому правильное знание того, что смерть не имеет к нам никакого отношения, делает смертность жизни усладительной, не потому, чтобы оно прибавляло к ней безграничное количество времени, но потому, что отнимает жажду бессмертия. И действительно, нет ничего страшного в жизни тому, кто всем сердцем постиг (вполне убежден), что в не-жизни нет ничего страшного. Таким образом, глуп тот, кто говорит, что он боится смерти не потому, что она причинит страдание, когда придет, но потому, что она причиняет страдание тем, что придет: ведь если что не тревожит присутствия, то напрасно печалиться, когда оно только еще ожидается. Таким образом, самое страшное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения, так как, когда мы существуем, смерть еще не присутствует; а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем. Таким образом, смерть не имеет отношения ни к живущим, ни к умершим, так как для одних она не существует, а другие уже не существуют.

Люди толпы то избегают смерти как величайшего из зол, то жаждут ее как отдохновения от зол жизни. А мудрец не уклоняется от жизни, но и не боится не-жизни, потому что жизнь ему не мешает, а не-жизнь не представляется каким-нибудь злом. Как пищу он выбирает вовсе не более обильную, но самую приятную, так и временем он наслаждается не самым долгим, но самым приятным...

Надо принять во внимание, что желания бывают: одни – естественные, другие – пустые, и из числа естественных одни – необходимые, а другие – только естественные; а из числа необходимых одни – необходимы для счастья, другие – для спокойствия тела, третьи – для самой жизни. Свободное от ошибок рассмотрение этих фактов при всяком выборе и избегании может содействовать здоровью тела и безмятежности души, так как это есть цель счастливой жизни: ведь ради этого мы все делаем, именно чтобы не иметь ни страданий, ни тревог... Мы имеем надобность в удовольствии тогда, когда страдаем от отсутствия удовольствия; а когда не страдаем, то уже не нуждаемся в удовольствии. Поэтому-то мы и называем удовольствие началом и концом счастливой жизни...

Так как удовольствие есть первое и прирожденное нам благо, то поэтому мы выбираем не всякое удовольствие, но иногда мы обходим многие удовольствия, когда за ними следует для нас большая неприятность; также мы считаем многие страдания лучше удовольствия, когда приходит для нас большее удовольствие, после того как мы вытерпим страдания в течение долгого времени. Таким образом, всякое удовольствие по естественному родству с нами есть благо, но не всякое удовольствие следует выбирать, равно как и страдание всякое есть зло, но не всякого страдания следует избегать...

Простые кушанья доставляют такое же удовольствие, как и дорогая пища, когда все страдание от недостатка

устранено. Хлеб и вода доставляют величайшее удовольствие, когда человек подносит их к устам, чувствуя потребность. Таким образом, привычка к простой, недорогой пище способствует улучшению здоровья, делает человека деятельным по отношению к насущным потребностям жизни, приводит нас в лучшее расположение духа, когда мы после долгого промежутка получаем доступ к предметам роскоши, и делает нас неустрашимыми пред случайностью.

Итак, когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель, то мы разумеем не удовольствия распутников и не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении, как думают некоторые, не знающие, или не соглашающиеся, или неправильно понимающие, но мы разумеем свободу от телесных страданий и от душевных тревог. Нет, не попойки и кутежи непрерывные, не наслаждения мальчиками и женщинами, не наслаждения рыбою и всеми прочими яствами, которые доставляет роскошный стол, рожают приятную жизнь, но трезвое рассуждение, исследующее причины всякого выбора и избегания и изгоняющее [лживые] мнения, которые производят в душе величайшее смятение.

Начало всего этого и величайшее благо есть благоразумие. Поэтому благоразумие дороже даже философии. От благоразумия произошли все остальные добродетели; оно учит, что нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо, и, наоборот, нельзя жить разумно, нравственно и справедливо, не живя приятно. Ведь добродетели по природе соединены с жизнью приятной, и приятная жизнь от них неотделима. В самом деле, кто, по твоему мнению, выше человека, благочестиво мыслящего о богах, свободного от страха перед смертью, путем размышления постигшего конечную цель природы, понимающего, что высшее благо легко исполнимо и достижимо, а высшее зло связано с кратковременным страданием; смеющегося над судьбой, которую некоторые вводят как владычицу всего?..

В самом деле, лучше было бы следовать мифу о богах, чем быть рабом судьбы физиков (естествоиспытателей); миф дает намек на надежду умилоствления богов посредством почитания их, а судьба заключает в себе неумолимую необходимость. Что касается случая, то мудрец не признает его ни богом, как думают люди толпы, – потому что богом ничто не делается беспорядочно, – ни причиной всего, хотя и шаткой, – потому что он не думает, что случай дает людям добро или зло для счастливой жизни, но что он доставляет начала великих благ или зол...

Так вот, обдумывай это и тому подобное сам с собою днем и ночью и с подобным тебе человеком, и ты никогда, ни наяву, ни во сне, не придешь в смятение, а будешь жить, как бог среди людей. Да, совершенно не похож на смертное существо человек, живущий среди бессмертных благ!

Из «Главных мыслей»

XI. Если бы нас несколько не беспокоили подозрения относительно небесных явлений и подозрения о смерти, что она имеет к нам какое-то отношение, а также непонимание границ страданий и страстей, то мы не имели бы надобности в изучении природы.

XIV. Хотя безопасность от людей достигается до некоторой степени благодаря некоторой силе, удаляющей [беспокоящих людей], и благосостоянию (богатству), но самой настоящей безопасностью бывает благодаря тихой жизни и удалению от толпы.

XXXII. По отношению ко всем живым существам, которые не могут заключать договоры о том, чтобы не вредить друг другу и не терпеть вреда, нет ничего справедливого и несправедливого; точно так же и по отношению ко всем народам, которые не могут или не хотят заключать договоры о том, чтобы не вредить и не терпеть вреда.

XXXIII. Справедливость сама по себе не есть нечто, но в сношениях людей друг с другом в каких бы то ни было местах всегда она есть некоторый договор о том, чтобы не вредить и не терпеть вреда.

XXXVIII. Если действия, признанные справедливыми, при перемене обстоятельств оказываются на практике не согласными с естественным представлением о справедливости, то эти действия несправедливы. Но если при перемене обстоятельств те же действия, которые были признаны справедливыми, более уже не полезны, то они были справедливыми тогда, когда они были полезны для взаимного общения сограждан, но впоследствии, перестав быть полезными, они уже не справедливы.

Из «Ватиканского собрания изречений»

IX. Необходимость есть бедствие, но нет никакой необходимости жить с необходимостью.

XXIII. Всякая дружба желанна ради себя самой, а начало она берет от пользы.

XXIV. Сны не имеют божественной природы и вещей силы; они происходят от впадения [в человека] образов.

XXXIII. Голос плоти – не голодать, не жаждать, не зябнуть. У кого есть это и кто надеется иметь это и в будущем, тот даже с Зевсом может поспорить о счастье.

XLI. Следует смеяться и философствовать, и в то же время заниматься хозяйством и пользоваться всеми остальными способностями и никогда не переставать изрекать глаголы истинной философии.

XLV. Изучение природы создает людей не хвастливых и велеречивых и не выставляющих напоказ образование, предмет соперничества в глазах толпы, но людей смелых, довольных своим, гордящихся своими личными благами, а не благами, которые им даны обстоятельствами.

ЛIII. Никому не следует завидовать: хорошие люди не заслуживают зависти, а дурные, чем счастливее бывают, тем более вредят себе.

ЛIX. Не желудок ненасытен, как говорят люди толпы, но лживое представление о желудке как о чем-то, не имеющем предела наполнения.

ЛXV. Глупо просить у богов то, что человек способен сам себе доставить.

ЛXXVII. Величайший плод довольства своим (ограничения желаний) – свобода.

Отрывки из известных сочинений и из писем

Безмятежность духа (атараксия) и отсутствие страданий тела суть удовольствия покоя (пассивные удовольствия), а радость и веселье рассматриваются как удовольствия движения (активные удовольствия (*Диоген Лаэртский, X, 136*)).

Не считай несколько не согласным с учением о природе, [т. е. неестественным], то, что, когда кричит плоть, кричит душа. Голос плоти: не голодать, не жаждать, не зябнуть. Душе трудно помешать этому и опасно не внимать природе, повелевшей ей вследствие присущего ей ежедневного довольства своим (*Порфирий*).

Пусты слова того философа, которыми не врачуетсЯ никакое страдание человека. Как от медицины нет никакой пользы, если она не изгоняет болезней из тела, так и от философии, если она не изгоняет болезни души (*Порфирий*).

Начало и корень всякого блага – удовольствие чрева: даже мудрость и прочая культура имеют отношение к нему (*Афиней*).

Величайший плод справедливости – безмятежность (*Климент*).

Законы изданы ради мудрых – не для того, чтобы они не делали зла, а для того, чтобы им не делали зла (*Стобей*).

Живи незаметно! (*Плутарх*).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

АБСОЛЮТ – философское понятие, которое обозначает духовное первоначало всего сущего, которое мыслится как нечто единое, всеобщее, безначальное и бесконечное и противопоставляется всякому относительному и обусловленному бытию.

АКРОПОЛЬ – возвышенная и укрепленная часть древнегреческого города. Наиболее известен Афинский акрополь, где находились важнейшие общественные здания и храмы, в том числе Парфенон, храм Афины Парфенос – величайшие памятники древнегреческой архитектуры.

АНТРОПОМОРФИЗМ – уподобление человеку, наделение человеческими психическими свойствами предметов и явлений неживой природы, небесных тел, животных, мифических существ.

АРИСТОКРАТИЯ – 1) форма правления, при которой государственная власть принадлежит привилегированному знатному меньшинству; 2) знать, привилегированная часть какого-либо класса (эвпатриды в Афинах, патриции в Риме, дворянство и т. д.) или общественная группа, которая пользуется особыми правами и преимуществами.

АРХОНТ – высшее должностное лицо в древнегреческом городе-государстве (полисе).

АСПЕКТ – точка зрения, с которой рассматривается предмет, явление, понятие.

АТЕИЗМ – система взглядов и убеждений, отрицающая существование бога, каких-либо сверхъестественных сил.

АТРИБУТ – необходимое, существенное свойство объекта, без которого невозможно его существование.

АФОРИЗМ – краткое изречение, содержащее какую-либо мысль, обобщение, вывод.

БАСИЛЕВС (базилевс) – в Афинах один из девяти избираемых должностных лиц (архонтов), исполнявший жреческие функции.

БЫТИЕ – философская категория, обозначающая существование, действительность, реальность.

ВАКХИЧЕСКИЙ – имеющий отношение к Вакху, древнеримскому богу плодородия и виноделия (в греческой мифологии ему соответствовал бог Дионис).

ГАРМОНИЯ – созвучие, стройность, соразмерность.

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ – наследственный, связанный с чем-то предшествующим по происхождению.

ГЕНИЙ – 1) в древнеримской мифологии – дух-покровитель, руководящий действиями и помыслами человека в течение всей его жизни; в переносном смысле – человек, оказывающий доброе или дурное влияние на судьбу другого (добрый гений, злой гений); 2) высшая степень человеческой одаренности; человек, обладающий такой одаренностью.

ГИЛОЗОИЗМ – философское учение о всеобщей одушевленности материи.

ГНОСЕОЛОГИЯ – учение о познании, теория познания.

ДЕЛЬФЫ – древнегреческий город, религиозный центр древних греков, знаменитый оракулом, предсказания которого передавались через жрецов и толковались жрецами. По преданию, был основан Аполлоном.

ДЕМОКРАТИЯ – форма государства, при которой юридически воля большинства признана источником власти, провозглашается свобода и равноправие граждан.

ДЕМОС – народ.

ДЕФИНИЦИЯ – определение понятия путём перечисления его признаков.

ДИАЛЕКТИКА – учение о наиболее общих закономерных связях и становлении, развития бытия и познания и основанный на этом учении метод мышления.

ДОКСОГРАФЫ – древнегреческие авторы сочинений, в которых излагались мнения других философов (Теофраст, Диоген Лаэртский, Секст Эмпирик и др.).

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ – толкование, разъяснение смысла.

КИФАРА – древнегреческий струнный инструмент, родственник лире.

КОСМОГОНИЯ – раздел астрономии, который изучает проблемы происхождения и развития небесных тел.

КОСМОЛОГИЯ – учение о бесконечной Вселенной как о связном и едином целом.

КОСМОС – то же, что и Вселенная. В античной философии это понятие употреблялось для обозначения структурно организованного и упорядоченного целого в отличие от хаоса.

МЕТАФОРА – прием в поэтической речи, который предполагает перенесение свойств одного предмета или явления на другой по сходству.

МЕТАФИЗИКА – умозрительное постижение сущности мира; употребляется как синоним понятия «философия».

МИФОЛОГИЯ – способ понимания природных и общественных явлений на ранних стадиях развития человеческого общества. Мифология призвана объяснить происхождение и устройство мира, место человека в нём.

МОДИФИКАЦИЯ – видоизменение, преобразование с появлением новых свойств.

МУСИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО – искусство игры на кифаре.

НАТУРФИЛОСОФИЯ – философия природы; первичная форма философии, которая пыталась дать умозрительное истолкование природы как целостной системы.

НОУМЕН – умопостигаемая сущность, предмет интеллектуального созерцания.

ОЛИГАРХИЯ – режим, при котором политическое или экономическое господство сосредоточено в руках небольшой группы лиц.

ОНТОЛОГИЯ – раздел философии, который изучает фундаментальные принципы бытия, наиболее общие сущности.

ОРФИКИ – сторонники религиозно-философского учения в Греции (V век до н. э.), призывавшего очиститься от греха через вегетарианский образ жизни и систему специальных обрядов.

ПАЛЕСТРА – двух-трехлетняя школа физического воспитания в древних Афинах для мальчиков 13-15 лет.

ПАНТЕИЗМ – философское учение, сторонники которого отождествляли бога с природой.

ПАРАДОКС – неожиданное, необычное явление или мнение, резко расходящееся с общепринятым, противоречащее здравому смыслу.

ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА (431–404 гг. до н. э.) – война между Афинами и Спартой за политическое и экономическое влияние в Греции. Война закончилась поражением Афин, после чего начинается период упадка афинской демократии.

ПЕРМАНЕНТНЫЙ – непрерывно продолжающийся, постоянный.

ПЕРУНЫ – специальные обрядовые сооружения (капища) в местах поклонения славянскому богу Перуну – богу грома и молнии, покровителю воинов.

ПОЛИС – древнегреческий город-государство, в котором граждане являлись собственниками земли, рабов и обладали определенными правами лишь в силу принадлежности к данному полису.

ПОЛИТЕИЗМ – вера во многих богов и поклонение им.

РЕКОНСТРУКЦИЯ – переустройство с целью улучшения, а также восстановление разрушенного по оставшимся фрагментам, описаниям или фотографиям.

СВИДА – обширный византийский лексикон (словарь) или литературная энциклопедия, составленная в конце X века неизвестным автором на греческом языке. Лексикон содержит не только толкование редких слов, но и персоналии, посвященные античным авторам, а также материалы по истории Византии.

СВЯТИЛИЩЕ – место совершения религиозных обрядов.

СИМВОЛ – условный знак (вещественный, звуковой, графический), обозначающий какое-нибудь явление, понятие, идею.

СТОИЦИЗМ – школа древнегреческой и древнеримской философии. Идеал стоиков – мудрец, достигший добродетели и бесстрастия, т.е. независимости от внешних обстоятельств. При невозможности жить разумно и добродетельно стоики считали моральным и справедливым самоубийство.

СТРАТЕГ – в Древней Греции: главнокомандующий, имеющий самые широкие военные и политические полномочия.

СУБСТАНЦИЯ – философский термин, обозначающий объективную реальность, взятую со стороны внутреннего единства; предельное основание, дающее возможность сводить чувственное многообразие и изменчивость свойств к чему-то относительно устойчивому и самостоятельно существующему.

СУБСТРАТ – общая материальная основа явлений, а также основа общности или сходства разнообразных явлений.

СУЩЕЕ – принадлежность вещи или явления к бытию. В ряде идеалистических концепций употребляется в качестве синонима бытия.

СУЩНОСТЬ – внутреннее содержание предмета, выражающееся в единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия.

ТЕЛЕОЛОГИЯ – учение, которое приписывает природным явлениям и Вселенной в целом способность к целеполаганию и воли к осуществлению цели.

ТИРАН – жестокий правитель, деспот; вообще жестокий, властный человек.

ТИРАНИЯ – в Древней Греции: единоличное правление, власть одного лица – тирана.

ТРИДЦАТЬ ТИРАНОВ – название олигархического правительства, состоявшего из 30 человек, которое было избрано в Афинах в 404 году до н. э. после поражения в Пелопоннесской войне.

ФАТАЛИЗМ – мировоззрение, согласно которому всё должно свершиться так, как того хочет слепой рок (фатум), и человек ничего не может изменить в своей судьбе.

ФЕНОМЕН – в философии: то, что дано чувственному опыту, в отличие от ноумена, доступного лишь умозрению.

ЦЕНЗ – ограничение прав на участие в выборах.

ЦИКУТА – в Древней Греции яд, изготавливавшийся из ядовитого растения того же названия.

ЭЙДОС – вид, образ. У Демокрита понятие «эйдос» употребляется для обозначения атома, у Платона оно обозначает идею, которая существует отдельно от вещей и может быть познана умозрительным путем.

ЭЛИМИНАЦИЯ – удаление, исключение.

ИМЕННОЙ СЛОВАРЬ

АВГУСТИН (354–430) – философ, влиятельнейший проповедник, христианский богослов и политик. Один из Отцов Церкви, основатель августинизма. Родоначальник христианской философии истории. Учение Августина оказало огромное влияние на всю философию Средневековья.

АЛЕКСАНДР АФРОДИЗИЙСКИЙ (198–211 жил в Афинах) – древнегреческий философ, перипатетик; знаменитый комментатор учения Аристотеля.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ (356–323 гг. до н. э.) – македонский царь с 336 г. до н. э. из династии Аргеадов, полководец, воспитанник Аристотеля. Создатель мировой державы, распавшейся после его смерти. За Александром Македонским ещё в античности закрепилась слава одного из величайших полководцев в истории.

АЛЬБЕРТ ФОН БОЛЬШТЕДТ (АЛЬБЕРТ ВЕЛИКИЙ) (1206/07/–1280) – немецкий философ, естествоиспытатель и богослов. Видный представитель средневековой схоластики. Один из Учителей Церкви. Не создал своего оригинального учения, но славился обширностью своих познаний.

АРИЙ ДИДИМ (I в. до н. э. – I в. н.э) – философ-стоик, гражданин Александрии, ментор римского императора Октавиана Августа.

АРХЕЛАЙ (V в. до н. э.) – древнегреческий натурфилософ, ученик Анаксагора, возможно, учитель Сократа.

АРХИТ (IV в. до н. э.) – древнегреческий философ-пифагореец. Математик, теоретик музыки, государственный деятель и полководец. Был современником и другом Платона. В честь Архита назван кратер на Луне.

АСМУС Валентин Фердинандович (1894–1975) – советский философ, логик, историк философии, историк и теоретик эстетики, литературовед. Действительный член

Международного института философии. Лауреат Сталинской премии первой степени (1943).

АФИНЕЙ (рубеж – III вв. н. э. – древнегреческий ритор и грамматик из Египта, жил сначала в Александрии, а впоследствии в Риме.

БОГОМОЛОВ Алексей Сергеевич (1927–1983) – историк философии, один из виднейших специалистов в области истории философии. Доктор философских наук, профессор.

БОР Нильс (1885–1962) – датский физик-теоретик и общественный деятель, один из создателей современной физики. Лауреат Нобелевской премии по физике (1922).

БЭКОН Френсис (1561–1626) – английский философ, историк, политический деятель, основоположник эмпиризма.

ВОЛКОВ Генрих Николаевич (1933–1993) – философ, публицист, автор книг по истории культуры.

ГАЛЕН КЛАВДИЙ (ок. 130–200) – античный медик и естествоиспытатель, друг и придворный врач императора Марка Аврелия. Изучал анатомию, физиологию. Работы Галена оказали большое влияние на медицину в средние века. Многие медицинские термины, введенные Галеном, употребляются по настоящее время.

ГАЛИЛЕЙ Галилео (1564–1642) – итальянский ученый. Открыл закон инерции, законы движения тел, колебания маятника. С помощью изготовленной им трубы первым наблюдал небесные светила. Открыл горы на Луне, четыре спутника Юпитера, фазы Венеры, звездное строение Млечного пути. Развивал учение Николая Коперника, за что в 1633 году был осужден католическим судом.

ГАССЕНДИ Пьер (1592–1655) – французский философ и ученый. Проповедовал атомистический материализм и этику Эпикура, пытался примирить их с христианством. Считал источником знаний чувственный опыт и выступал против учения Р. Декарта о врожденных идеях.

ГЕГЕЛЬ Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) – немецкий философ, один из крупнейших представителей объективного идеализма. Основоположник диалектического метода.

ГЕРОДОТ (484 до н. э. – 425 до н. э.) – древнегреческий историк, автор первого полномасштабного исторического трактата – «Истории», – описывающего греко-персидские войны и обычаи многих современных ему народов. Цицерон назвал его «отцом истории».

ГЕРОСТРАТ – грек из Малой Азии, который, чтобы обессмертить своё имя, сжег в 356 г. до н. э. знаменитый храм Артемиды в Эфесе (одно из семи чудес света).

ГЕСИОД – древнегреческий поэт VIII–VII вв. до н. э. Автор поэм «Труды и дни» («Работы и дни»), «Теогония».

ГИППОКРАТ (ок. 460 – ок. 366 гг. до н. э.) – греческий врач. Считается, что Гиппократ первым выделил медицину как самостоятельную дисциплину. Пытался найти естественные причины болезней путём научных наблюдений. Его труды и работы его учеников оказали огромное влияние на развитие всей последующей медицины.

ГОМЕР – легендарный эпический поэт, которому приписывают авторство «Илиады» и «Одиссеи». В античных источниках о Гомере говорили как о странствующем слепом певце, но никаких достоверных данных о нем нет. Даже сведения о времени его жизни весьма противоречивы: они колеблются от XII до VII вв. до н. э.

ГОМПЕРЦ Теодор (1832–1912) – австрийский филолог и философ, исследователь античной философии и культуры.

ДАЛЬТОН Джон (1766–1844) – английский химик и физик, член Лондонского королевского общества. Развивал атомистическое учение применительно к химии. В 1794 году описал особый дефект зрения, получивший название дальтонизм.

ДАРИЙ – имя трех царей Персии. Наиболее известен из них Дарий I, который правил с 521 по 486 гг. до н. э. В 490 г. Дарий отправился в Грецию, чтобы наказать ее за помощь греческим гражданам Малой Азии, когда они поднялись против господства Персии. В битве при Марафоне он потерпел поражение. Эти события описаны Геродотом в его «Истории».

ДЕКАРТ Рене (1596–1650) – французский философ и математик, один из основателей европейской рационалистической философии Нового времени.

ДИЛЬС Герман (1848–1922) – немецкий классический филолог. Действительный член Берлинской Академии наук.

ДИОГЕН ЛАЭРТСКИЙ (1-я половина III в. н. э.) – автор одной из первых работ по истории философии «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов». Эта книга является важнейшим источником информации о жизни и творчестве античных мыслителей.

ДИОГЕН СИНОПСКИЙ (ок. 408 – 323 до н. э.) – древнегреческий философ, один из родоначальников школы киников. Имя «Диоген» в истории греческой философии прочно связано с эпатажирующим образом жизни.

ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ (ок. 90 – 21 гг. до н. э.) – древнегреческий историк. Автор «Исторической библиотеки» из 40 книг.

ДИОН (408–354 гг. до н. э.) – родственник Дионисия I, который под влиянием Платона стал противником тирании. Пытался внушить свои идеи Дионисию II, но потерпел неудачу и в 366 году до н. э. был им изгнан. В течение 10 лет жил в Греции, а затем, вернувшись в Сиракузы с армией, занял этот город и пытался учредить там платоновскую республику. Но поддержки не получил и был убит.

ДИОНИСИЙ I Старший (430–367 гг. до н. э.) – тиран Сиракуз с 405 года до н. э. Пытался распространить свою

власть на все греческие города Сицилии и Южной Италии, но не достиг больших успехов.

ДИОНИСИЙ II Младший (сын Дионисия I) – был тираном Сиракуз с 367 по 356 гг. и с 346 по 343 гг. до н. э. Платон пытался сделать его «царем-философом», но потерпел неудачу.

ЕВДОКС КНИДСКИЙ (408–355 гг. до н. э.) – древнегреческий философ, астроном, врач и математик. В философии следовал Платону, но пытался сблизить мир идей с миром бытия.

ЕВКЛИД, Эвклид (ок. III в. до н. э.) – знаменитый греческий математик. Жил при дворе Птолемея в Александрии. Самый известный труд Евклида «Элементы геометрии». Переведенный на многие европейские и другие языки, вплоть до последнего времени оставался учебником геометрии.

ЕВРИПИД (Эврипид) (480–406 до н. э.) – древнегреческий драматург, представитель новой аттической трагедии, в которой преобладает психология над идеей божественного рока.

ЕВСЕВИЙ Кесарийский (ок. 263 – 340 гг.) – отец церковной истории.

ИСОКРАТ (436–338 гг. до н. э.) – знаменитый афинский оратор. Согласно преданию, покончил с собой после поражения греков в Херонее.

КАНТ Иммануил (1724–1804) – основоположник немецкой классической философии, естествоиспытатель. Представитель агностической позиции в философии. Автор трёх знаменитых трудов: «Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности суждения».

КЕПЛЕР Иоганн (1571–1630) – немецкий математик, астроном, оптик и астролог. Открыл законы движения планет.

КЛИМЕНТ Тит Флавий (ум. ок. 215 г.) – наставник христианской школы в Александрии. Будучи последова-

телем неоплатонизма, стремился примирить веру и разум. Оставил сведения о многих античных авторах.

КРИТОН (IV в до н. э.) – друг и ученик Сократа. Когда Сократу угрожали суд и казнь, Критон был готов заплатить за него штраф, а затем пытался спасти его из тюрьмы. Последний человек, который говорил с Сократом перед тем, как тот принял яд, и закрыл умирающему глаза.

КСЕНОКРАТ (396–314 гг. до н. э.) – древнегреческий философ, друг Платона. Первым разделил философию на физику, этику и логику.

КСЕРКС – сын Дария I, царь Персии в 485–465 гг. до н. э.

ЛАКТАНЦИЙ Луций (ок. 250 – после 325) – церковный писатель. Преподавал красноречие в Никомедии. Получил прозвище «христианского Цицерона» за образцовый литературный стиль его работ и выступлений.

ЛЕЙБНИЦ Готфрид Вильгельм (1646–1711) – немецкий философ, физик, математик, языковед, юрист, дипломат.

ЛИКУРГ (ум. в 324 г. до н. э.) – оратор, учитель красноречия, учился у Платона и Исократа, сподвижник Демосфена.

ЛОМОНОСОВ Михаил Васильевич (1711–1765) – русский ученый-энциклопедист, мыслитель, поэт. В философии считается основоположником материалистической традиции в России

ЛОСЕВ Алексей Федорович (1893–1988) – русский философ и филолог. Автор более 400 научных работ, в том числе: «История античной эстетики» в 7-ми томах, «Очерки античного символизма и мифологии», «Мифология греков и римлян», «Эстетика Возрождения» и др.

ЛУКРЕЦИЙ (Тит Лукреций Кар) (ок. 90–55 гг. до н. э.) – римский поэт и философ, представитель эпикуреизма. Его философская поэма «О природе вещей» – единственный полностью сохранившийся памятник материалистической мысли древности.

МАЙКЕЛЬСОН Альберт Абрахам (1852-1931) – американский физик. Лауреат Нобелевской премии по физике (1907).

МАКОВЕЛЬСКИЙ Александр Осипович (1884-1969) – русский философ, исследователь древнегреческой философии и философии Ближнего Востока, автор переводов древнегреческих философов и комментариев к их произведениям.

МАКРОБИЙ АМВРОСИЙ ФЕОДОСИЙ (V век н. э.) – древнеримский писатель, филолог, философ и теоретик музыки.

МАКСИМ ТИРСКИЙ (II в.) – греческий ритор и философ-платоник.

МАРК АВРЕЛИЙ АНТОНИН (120–180) – римский император (161–180). Во время правления пытался спасти Римскую империю от внешних врагов и от внутренних напастей. Во время военных походов написал книгу «К самому себе» («Размышления») Наряду с Сенекой и Эпиктетом считается представителем римского стоицизма.

МАРКС Карл (1818–1883) – немецкий философ, создатель материалистической диалектики и материалистического понимания истории. Главный труд его жизни – «Капитал». Являлся основателем и руководителем первых международных пролетарских организаций.

МЕДИЧИ Лоренцо Великолепный (1449–1492) – государственный деятель и писатель, представитель знаменитого рода Медичи, правившего во Флоренции на протяжении трехсот лет. Известен как покровитель писателей и художников. Его политика способствовала превращению Флоренции в крупнейший центр культуры Возрождения.

МЕНДЕЛЕЕВ Дмитрий Иванович (1834–1907) – выдающийся русский химик. В 1869 году открыл периодический закон химических элементов. На основании этого закона исправил атомный вес некоторых элементов, предсказал от-

крытие и свойства некоторых еще неизвестных химических элементов.

НИКОЛАЙ из Дамаска (64 г. до н. э. – начало I в. н. э.) – греческий историк, советник иудейского царя Ирода I. Автор фундаментального труда «История».

НУМЕНИЙ из Апамеи в Сирии (2-я пол. 2 в.) – философ-платоник, представитель неопифагореизма.

НЬЮТОН Исаак (1643–1727) – английский физик, астроном, математик, основоположник классической и небесной механики. В философском плане был представителем механистического материализма.

ОРИГЕН (ок. 185–254) – греческий христианский теолог, философ, ученый. Один из восточных Отцов Церкви. Основатель библейской филологии.

ПЕРИКЛ (490–429 г. до н. э.) – афинский политический деятель, вождь демократической партии, знаменитый оратор и полководец.

ПИНДАР (518–438 гг. до н. э.) – греческий лирический поэт автор многочисленных од, которые исполнялись хором во время спортивных состязаний. Греки считали Пиндара величайшим поэтом.

ПЛУТАРХ (ок. 46–126) – древнегреческий писатель-моралист, оставивший жизнеописания многих выдающихся греческих и римских деятелей.

ПОЛИБИЙ (201–120 до н.э.) – греческий историк, государственный деятель и военачальник, автор «Всеобщей истории» («Истории») в 40 томах.

ПОЛИКРАТ САМОССКИЙ – современник Пифагора, тиран на о. Самос в 545–540 гг. до н. э. Казнен персами в 523 г. до н. э.

ПОРФИРИЙ (232/233–304/306) – древнегреческий философ (представитель неоплатонизма), теоретик музыки, астролог, математик. Ученик Плотина, автор его жизнеописания, издатель его сочинений. Критик христианства.

ПРОКЛ (412–485) – античный философ-неоплатоник, руководитель Платоновской Академии, при котором неоплатонизм достиг своего последнего расцвета.

ПРОКСЕН из Атарнея – воспитатель Аристотеля.

ПСЕВДО-ПЛУТАРХ – живший предположительно во II веке н. э. неизвестный автор сочинений «Малые сравнительные жизнеописания».

ПУАНКАРЕ Жюль Анри́ (1854–1912) – французский математик, физик, астроном и философ. Глава Парижской академии наук (1906), член Французской академии (1908) и ещё более 30 академий мира, в том числе иностранный член-корреспондент Петербургской академии наук (1895).

СЕКСТ ЭМПИРИК (вторая половина II в. – начало III в. н. э.) – древнегреческий философ, врач по профессии. Систематизировал учение скептиков, доведя его до логического завершения. Его произведения «Пирроновы положения» и «Против учёных» являются основными источниками по философии античного скептицизма. В них сохранилось много свидетельств и фрагментов из учений философов, чьи произведения не сохранились.

СЕНЕКА Луций Анней (ок. 4 г. до н. э. – 65 г. н. э./ – римский философ-стоик и писатель. Некоторое время был воспитателем и главным советником императора Нерона. В философском учении соединял идеи стоицизма и эпикуреизма («Нравственные письма к Луцилию»).

СИМПЛИЦИЙ (ум. в 549) – древнегреческий философ, представитель неоплатонизма. Известен как автор комментариев к сочинениям Аристотеля, где он пытается дать свод основных концепций древнегреческой философии, чтобы представить их как нечто единое целое.

СОЛОН (ок. 640–560 гг. до н. э.) – афинский государственный деятель и законодатель. Вошел в историю Древней Греции как великий реформатор, который своими зако-

нами положил конец анархии в Афинах и заложил основы для развития рабовладельческой демократии.

СОФОКЛ (496/5–406 до н. э.), – знаменитый афинский трагик.

СОФРОН (первая половина V в. до н. э.) – сицилийский поэт.

СТОБЕЙ Иоанн – византийский писатель-компилятор V века. Автор четырёхтомной подборки из греческих книг (была составлена им для воспитания и образования сына Септимия), называемой «Антологией» или «Эклогами».

СТРАБОН (приблизительно между 66 г. до н. э. и 25 г. н. э.) – древнегреческий историк и географ. Родом из Малой Азии. Примыкал к учению стоиков.

ТЕОФРАСТ (ок. 370–228 гг. до н. э.) – греческий философ из Эреса (о. Лесбос), ученик и друг Аристотеля, его преемник в основанной Аристотелем перипатетической школе. Автор трудов по философии, логике, физике, этике, ботанике. Автор первой классификации растений.

ТОМСОН Дж. – современный английский ученый и общественный деятель, исследователь истории и культуры античного мира.

ФЕДОН – древнегреческий философ, любимый ученик Сократа. Основал в г. Элиды собственную школу, которая объединяла учеников Сократа. Однако направление мыслей участников этой школы неясно.

ФЕДР – сын Питокла из Средней Греции, поклонник красноречия и философии любви. Его именем Платон назвал один из своих диалогов, посвященный этой проблеме.

ФЕЙНМАН Ричард Филлипс (1918–1988) – выдающийся американский учёный. Основные достижения относятся к области теоретической физики

ФЕМИСТИЙ (ок. 317 – после 388) – древнеримский государственный деятель, ритор и философ.

ФЕОДОР КИРЕНСКИЙ – известный математик, знаток геометрии, музыки, которого некогда слушал Платон.

ФИЛЕБ – один из участников диалога Платона «Филеб», некий молодой человек, который отличался софистическим образом мыслей, проповедовал удовольствие как основной принцип человеческой жизни.

ФИЛИПП II – царь Македонии с 359 по 336 гг. до н. э., отец Александра Македонского. Создав хорошо организованную и обученную армию, он расширил свои владения за счет умелого использования разногласий между греческими полисами.

ФИЛОЛАИ (V в. до н. э.) – ученик Пифагора. После ликвидации пифагорейского ордена бежал из Кротона (Южная Италия), но затем вернулся. Он первым попытался зафиксировать суть учения и образа мыслей пифагорейцев.

ФИЛОПОН ИОАНН (ок. 490–570) – философ-неоплатоник и физик, представитель Александрийской школы неоплатонизма, христианин. Прозван «Филопоном» (труднолюбивым) за усердие в науках.

ФИЧИНО Марсилио (1433–1499) – итальянский гуманист и философ-неоплатоник, основатель Платоновской Академии во Флоренции. Перевел на латинский язык произведения многих греческих философов, в том числе Платона, Плотина, Ямвлиха и др.

ФРАСИЛЛ (I в. н. э.) – крупнейший издатель произведений Платона.

ФУКИДИД (ок. 460 – ок. 396 гг. до н. э.) – великий греческий историк.

ХАРМИД – дядя Платона, брат его матери Периктионы.

ХИЛОН (VI в. до н. э.) – один из семи греческих мудрецов, живших в Милете на побережье Малой Азии, где были расположены греческие колонии.

ЦЕЛЛЕР Эдуард (1834–1908) – немецкий историк античной философии.

ЦЕНЗОРИН – римский грамматик III в. Автор книги, в которой говорится о влиянии созвездий на человеческую жизнь и содержатся интересные сведения о хронологии и календаре древних. Другие его сочинения грамматического содержания утрачены.

ЦИЦЕРОН Марк Туллий (106–43 гг. до к. э.) – римский консул, величайший оратор своего времени, философ и публицист. В своих работах знакомил римлян с философскими теориями греков, создал латинский словарь. Как мыслитель Цицерон оказал большое влияние на христианских писателей.

ЭЙНШТЕЙН Альберт (1879–1955) – один из основателей современной теоретической физики, лауреат Нобелевской премии по физике 1921 года, общественный деятель-гуманист.

ЭНГЕЛЬС Фридрих (1820–1895) – немецкий философ, друг и сподвижник К. Маркса. Соавтор К. Маркса в работах «Святое семейство», «Немецкая идеология». Автор работ, посвященных положению рабочего класса, излагающих коммунистические идеи, а также вопросы военной теории. В области философии развивал идеи материалистической диалектики применительно к естественным наукам («Диалектика природы», «Анти-Дюринг»). Был одним из руководителей международного рабочего движения.

ЭПИХАРМ (550–440 гг. до н. э.) – древнегреческий комедиограф и философ. Он слушал Пифагора и был связан с деятельностью пифагорейцев. В своих комедиях в острой форме излагал идеи Парменида, Гераклита и др.

ЮСТИНИАН (482–565) – император Восточно-Римской империи с 527 по 565 гг. Стремился восстановить былое могущество и величие Римской империи в ее прежних границах. Свел воедино все римские законы (Кодекс Юстиниана). Построил храм святой Софии в Константинополе. Запретил деятельность всех философских школ, включая и Платоновскую Академию как языческих.

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

АИД – в древнегреческой мифологии бог подземного царства, владыка царства теней умерших. Аидом также называли само царство теней.

АПОЛЛОН – древнегреческий и древнеримский бог, связанный с культом земли. Мифология приписывает Аполлону многие функции: бога-целителя, бога-прорицателя, покровителя искусств, в более поздних мифах Аполлон – бог солнца. Центром поклонения Аполлону был город Дельфы.

АРЕС – древнегреческий бог войны, сын Зевса и Геры. В римской мифологии – Марс.

АРТЕМИДА – древнегреческая богиня, дочь Зевса и Лето. Жила среди дикой природы и животных. Первоначально – покровительница животных и охоты, в более позднее время – покровительница целомудрия. В честь Артемиды древними греками был построен храм в Эфесе, который считался одним из семи чудес света. Римляне называли Артемиду Дианой.

АТЛАНТ – титан, приговорённый за участие в борьбе против богов держать небесный свод.

АФИНА – в древнегреческой мифологии – дочь Зевса, богиня войны и победы и в то же время – богиня мудрости, знаний, искусств и ремесел. Считалась покровительницей города Афины.

ГЕРА – женское божество, олицетворяющее женственность и продолжение рода. Имя «Гера» означает «госпожа». Гера была включена в пантеон олимпийских богов в качестве жены Зевса и одновременно – его сестры.

ГЕРАКЛ – самый популярный греческий герой, почитаемый всей Грецией. Согласно легенде, Геракл был сыном Зевса и Алкмены. Все знаменитые подвиги Геракла связаны с мужеством и силой.

ГЕРМЕС – древнегреческий бог, сын Зевса и Майи. Считался покровителем торговли, путешествий.

ЕВРОПА – по преданию, дочь финикийского царя Агенора. Была похищена Зевсом, обратившимся в быка, и перенесена на Крит. Мать Миноса. На Крите ей поклонялись как богине острова.

ЗЕВС – верховный бог у древних греков. В римской мифологии – Юпитер.

ИППОЛИТ – сын афинского царя Тезея и Ипполиты. Согласно легенде, Ипполит принял обет безбрачия и посвятил себя служению богине Артемиде. За это богиня Афродита внушила его мачехе Федре страсть к своему пасынку. Когда Ипполит отверг ее притязания, Федра обвинила его в посягательстве на ее честь. Тезей попросил Посейдона помочь ему убить Ипполита, и тот наслал морское чудовище, испугавшее коней Ипполита, когда он возвращался из Афин в Трезен. Ипполит разбился насмерть.

МАЙЯ – в произведениях Гомера и Гесиода упоминается как одна из Плеяд, дочерей Атланта, которая родила от Зевса Гермеса. В римской мифологии – богиня живой природы. По ее имени назван месяц май.

МИНОС – по преданию, царь древнего Крита, сын Зевса и Европы. Греческая традиция приписывает Миносу первое на Крите законодательство и создание могущественной морской державы. По имени Миноса культура Крита XVII–XV вв. до н. э. называется минойской. Согласно мифологии, Минос, славившийся справедливостью, стал одним из трех судей подземного царства.

МИНОТАВР – получеловек-полубык, рожденный дочерью солнечного бога Гелиоса Пасифаей от быка, посланного Посейдоном для жертвоприношения (может быть, это был сам Посейдон в образе быка). Минос, муж Пасифаи, приказал построить лабиринт, чтобы спрятать Минотавра.

Минос обязал подвластные ему Афины доставлять ежегодно в виде дани по семь юношей и девушек для кормления Минотавра. Афинский герой Тесей, проникший в лабиринт, убил Минотавра.

ПЛЕЯДЫ – у Гомера это созвездия, восходящие в мае и заходящие в ноябре. Позже в мифах Плеяды превращаются в дочерей Атланта, которых Зевс вознес на небо в виде созвездия.

ТЕСЕЙ (Тезей) – национальный герой Афин, почитавшийся как создатель афинского государства.

ТИТАНЫ – доолимпийские боги. Между титанами и олимпийскими богами произошло сражение, в котором новое поколение богов одержало победу.

ТИФОН – мифическое стоголовое чудовище, сын Тартара и Геи. Сражен молниями Зевса и погребен под горой Этна. Извержения вулкана на Этне традиционно объясняли попытками Тифона освободиться.

ЭГЕЙ – по преданию, один из афинских царей, отец Тесея.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арним Г. История античной философии / Г. Арним. – СПб., 1910.
2. Асмус В.Ф. Античная философия / В.Ф. Асмус. – М.: Высш. шк., 2005.
3. Виц Б.В. Демокрит / Б.В. Виц. – М.: Мысль, 1979.
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский. – М.: Мысль, 1979.
5. Кессиди Ф.Х. Сократ / Ф.Х. Кессиди. – М.: Мысль, 1988.
6. Нерсисянц В.С. Сократ / В.С. Нерсисянц. – М.: Наука, 1984.
7. Нижников С.А. История философии: курс лекц. / С.А. Нижников. – М.: Экзамен, 2004.
8. Рожанский И.Д. Анаксагор / И.Д. Рожанский. – М.: Мысль, 1983.
9. Сёмушкин А.В. Эмпедокл / А.В. Сёмушкин. – М.: Мысль, 1985.
10. Симонов Д.А. История философии в вопросах и ответах: учеб. пособие / Д.А. Симонов. – М.: Проспект, 2006.
11. Татаркевич В. История философии / В. Татаркевич. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000.
12. Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии / С.Н. Трубецкой. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС; Русский Двор, 1997.
13. Целлер Э. Очерк истории греческой философии / Э. Целлер. – М.: Канон, 1996.
14. Чанышев А.В. Курс лекций по древней и средневековой философии: учеб. пособие для вузов / А.В. Чанышев. – М.: Высш. шк., 1991.
15. Чанышев А.В. Аристотель / А.В. Чанышев. – М.: Мысль, 1981.
16. Шакир-Заде А.С. Эпикур / А.С. Шакир-Заде. – М.: Мысль, 1963.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Часть первая	5
Глава 1. Философы из Милета.....	5
Фалес	6
Анаксимандр.....	8
Анаксимен.....	11
Заключение	12
Глава 2. Пифагор	13
Штрихи биографии	13
Первоначало мира – число	15
Заключение	17
Глава 3 . Гераклит Эфесский.....	18
Жизнь.....	18
Учение о первоначале	20
Диалектика.....	23
Учение о логосе.....	25
Учение о душе и познании	27
Размышления о человеке и обществе.....	30
Заключение	32
Глава 4. Демокрит	34
Жизнь.....	34
Учение об атомах.....	36
Детерминизм	38
Космология и космогония	39
Учение о душе	41
Теория познания	42
Атеизм	44
Учение о человеке и обществе.....	44
Значение и влияние учения Демокрита.....	45
Глава 5. Ксенофан	48
Жизнь.....	48
Учение о едином боге	49

Гносеология	51
Космогония и космология	52
Заключение	53
Глава 6. Элейская школа.....	54
Парменид.....	54
Зенон.....	59
Мелисс.....	63
Заключение	65
Глава 7. Эмпедокл	66
Жизнь.....	66
Учение о стихиях.....	67
Космогония	69
Происхождение жизни	70
Заключение	71
Глава 8. Анаксагор	72
Жизнь.....	72
Космогония и космология	74
Учение о «семенах»	78
Учение об «уме»	79
Заключение	80
Глава 9. Софисты.....	81
Протагор	82
Другие старшие софисты.....	84
Младшие софисты.....	86
Значение софистики	86
Глава 10. Сократ	88
Жизнь.....	88
Искусство беседы. Ирония Сократа	96
«Познай самого себя»	99
«Добродетель есть знание»	100
Глава 11. Платон.....	103
Жизнь.....	103
Учение о познании и идеях	109
Учение о человеке и государстве.....	114
Заключение	120

Глава 12. Аристотель	121
Жизнь	121
Общий характер философии	124
Логика	125
Учение о неорганической и органической природе....	127
Учение о душе	129
Этика	130
Политика	131
О воспитании	133
Эстетика	134
Заключение	135
Глава 13. Эпикур	136
Жизнь	136
Каноника	137
Физика	138
Этика	140
Заключение	142
Часть вторая. В мире античной философии. Тексты ..	143
Милетская школа	143
Фалес	143
Анаксимандр	144
Анаксимен	145
Пифагор	146
Гераклит	148
Демокрит	150
Учение о бытии	150
Учение о познании	152
Учение о космосе	152
Учение об органической природе и человеке	153
О богах и религии. Об обществе	154
Ксенофан	156
Элейская школа	158
Парменид	158
О природе	159

Зенон.....	161
Эмпедокл.....	163
О природе.....	166
Очищение.....	172
Анаксагор.....	173
Софисты.....	179
Протагор.....	179
Горгий.....	181
Продик.....	182
Фразимах.....	183
Антифонт.....	183
Сократ.....	185
Платон.....	191
Учение об «идеях».....	191
Учение о знании.....	197
Диалектика.....	198
Учение об обществе и государстве.....	200
Аристотель.....	210
Метафизика.....	210
Физика.....	217
О душе.....	220
Никомахова этика.....	224
Политика.....	225
Эпикур.....	234
Из письма к Геродоту.....	234
Из письма к Менекею.....	242
Из «Главных мыслей».....	246
Из «Ватиканского собрания изречений».....	247
Отрывки из известных сочинений и из писем.....	248
Приложение.....	249
Терминологический словарь.....	249
Именной словарь.....	255
Мифологический словарь.....	267
Библиографический список.....	270

Составители: В.А. Иванов, З.Я. Иванова,
Е.Е. Ковалёнок, В.В. Куликов,
М.Б. Лига, В.В. Попов,
Э.А. Уланова, С.И. Черных.

АНТИЧНЫЕ ФИЛОСОФЫ: ЖИЗНЬ И ИДЕИ

Учебное пособие

Редактор: Е.П. Воловникова
Компьютерная верстка: Н.С. Пияр

Подписано в печать 26 октября 2011 г. Формат 60х84 $\frac{1}{16}$.
Объем 14 уч.-изд. л., 17,2 усл. печ. л.
Тираж 100 экз. Изд. № 140. Заказ № 363

Отпечатано в издательстве
Новосибирского государственного аграрного университета
630039, Новосибирск, ул. Добролюбова, 160, каб.106.
Тел./факс (383) 267-09-10. E-mail: 2134539@mail.ru